http://www.humanityspace.net
http://www.humanityspace.ru
http://www.гуманитарноепространство.рф





2020 Том 9, № 4 Volume 9, No 4

ISSN 2226-0773

HUMANITY SPACE INTERNATIONAL ALMANAC

ГУМАНИТАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЛЬМАНАХ

Том 9, № 4
Volume 9, No 4

ISSN 2226-0773

HUMANITY SPACE
INTERNATIONAL ALMANAC

ГУМАНИТАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЛЬМАНАХ

Том 9, № 4
Volume 9, No 4

2020

Гуманитарное пространство. ***Международный альманах*** **ТОМ 9, № 4, 2020**

Humanity space. ***International almanac*** **VOLUME 9, No 4, 2020**

Главный редактор / Chief Editor: **М.А. Лазарев / M.A. Lazarev**
Дизайн обложки / Cover Design: **М.А. Лазарев / M.A. Lazarev**
E-mail: **humanityspace@gmail.com**
Зам. главного редактора / Deputy Chief Editor: **А.А. Ласкин / A.A. Laskin**
E-mail: **al.laskin@yandex.ru**
Научные редакторы / Scientific Editors: **В.П. Подвойский / V.P. Podvoysky**
E-mail: **9036167488@mail.ru**
О.В. Стукалова / O.V. Stukalova
E-mail: **stukalova@obrazfund.ru**

Веб-сайт / Website: **http://www.humanityspace.net**
http://www.humanityspace.ru
http://www.гуманитарноепространство.рф

Издательство / Publishers:
Международная академия образования / International Academy of Education
121433, Россия, г. Москва, ул. Большая Филёвская, 28, корп. 2
Bolshaya Filevskaya, str., 28, building 2, Moscow 121433 Russia

Напечатано / Printed by:
ООО «АЕГ Груп» / A.E.G Group
125009, г. Москва, Тверская улица, 27, строение 1, подъезд 2
Tverskaya str., 27, building 1, approach 2, Moscow 125009 Russia

Дата выпуска / Date of issue: **20.10.2020**
Реестр / Register: **ISSN 2226-0773**

Темиров Таймураз Владимирович / Temirov Taymuraz Vladimirovich
доктор психологических наук, профессор / Dr.of Psychological Sciences, Professor
Российский государственный социальный университет / Russian State Social University
Табачникова Ольга Марковна / Tabachnikova Olga Markovna
(Великобритания: Престон / United Kingdom: Preston)
доктор философских наук, кандидат физико-математических наук, доцент / Doctor of Philosophy (in Franco-Russian Studies and in Mathematics), assistant professor
Университет Центрального Ланкашира / University of Central Lancashire
Щербакова Анна Иосифовна / Shcherbakov Anna Iosifovna
доктор педагогических наук, доктор культорологии, профессор / Dr. of Pedagogical Sciences, PhD of Culturological Sciences, Professor
Московский государственный институт имени А.Г. Шнитке / Moscow State Institute of Music named A.G. Schnittke
действующей член Международной академии наук педагогического образования / member of the International Academy of Science Teacher Education

Humanity space *International almanac* VOL. 9, No 4, 2020: 378-384
DOI: 10.24412/2226-0773-2020-4-378-384

Некоторые результаты анкетирования школьников по вопросам межконфессиональных и межнациональных отношений в ключевых регионах Поволжья*

А.Н. Гуня[1], А.Б. Ефимов[2], С.Г. Макеева[3], Т.Б. Рязанова[4], А.М. Смулов[5]

[1]Института географии Российской академии наук
119017, Москва, Старомонетный переулок, дом 29, стр. 4
Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences
Staromonetnyi side-street, 29, build. 4 Moscow 119017 Russia
e-mail: gunyaa@yahoo.com

[2,4,5]Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
127051, Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1
Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities
Likhov lane, 6, build. 1, Moscow 127051 Russia
[2]e-mail: missioner2017pstgu@gmail.com
[4]e-mail: t-riazanova@yandex.ru
[5]e-mail: jeger@bk.ru

[3]Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
Yaroslavl state pedagogical University after K. D. Ushinsky
150000, Yaroslavl, Republic street, 108/1
ORCID: 0000-0002-9851-5971
e-mail: s.makeyeva@yspu.org

Ключевые слова: Поволжье, анкетирование школьников, православная и мусульманская культуры, межэтнический, этноконфессиональный, этнодемографический.
Key words: Volga region, Orthodox and Muslim cultures, interethnic, ethno-confessional, and ethnodemographic.
Резюме: В статье данs сравнительный анализ некоторых предпочтений в гражданской, этнической и религиозной идентичности студенческой молодежи в Ярославской, Астраханской областях и республике Татарстан (на материалах фокус групп). Отмечены отличия и схожие реакции на основные глобальные тренды в области трансформации национальной и религиозной идентичности.
Abstract: The article provides a comparative analysis of some preferences in the

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества № 19-1-022083.
The article was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for the development of civil society No. 19-1-022083.

civil, ethnic and religious identity of students in the Yaroslavl, Astrakhan regions and the Republic of Tatarstan (based on the materials of focus groups). Differences and similar reactions to the main global trends in the transformation of national and religious identity are noted.
[Gunya A.N.[1], Efimov A.B.[2], Makeeva S.G.[3], Ryazanova T.B.[4], Smulov A.M.[5] Some results of a survey of schoolchildren on inter-confessional and inter-ethnic relations in key regions of the Volga region[*]**]**

Школьники являются важным индикатором состояния межконфессиональных и межнациональных отношений. Именно в школьной среде отражается уровень толерантности к «другим», идет выработка механизмов отличия «мы» от «других», появление и распространения культурных и других стигм. Исследование проведено в трех регионах Поволжья: Ярославской области, Республике Татарстан и Астраханской области среди школьников старших классов. Проведение исследования предварительно обсуждено на местах, совместно с представителями муниципальных структур, религиозных организаций. Выбор мест проведения опросов обусловлен предварительными переговорами с целью выявления наиболее проблемных местностей с более выраженной межэтнической и межконфессиональной напряженностью. Реализация опроса базировалась на договоренности с образовательными учреждениями, получении необходимых разрешений от департаментов образования. Всего опрошено около 500 старшеклассников. На настоящий момент времени обработана лишь часть анкет. В данную статью вынесены некоторые предварительные результаты обработки.

Основным ***исследовательским вопросом данной работы*** стал: какие маркеры социальной и культурной идентичности лежат в основе современной динамики межконфессиональных отношений в Поволжье - «осевом» регионе России среди школьников старших классов? Работа входила в широкий контекст других методик в рамках проекта, в частности опросов среди преподавателей (см. работу Т.Б. Рязановой в данном сборнике), интервью в рамках существующих контактов и сетей: образовательной (университеты Поволжья и ПСТГУ), научной (научные центры по конфликтологии, миссионерский центр Православного

Свято-Тихоновского гуманитарного университета и др.) и общинно-религиозной средах (общины и приходы трех епархий - Альметьевская и Бугульминская, Ахтубинская и Енотаевская, Рыбинская и Даниловская).

В основе ***методологии*** анализа данных стали представления о социальном маркировании. В контексте данной статьи в анкетах были проанализированы некоторые аспекты культурно-политической идентификации школьников старших классов. Как известно, формами проявления процесса социального маркирования в обществе являются брендинг, стереотипизация, клеймение, стигматизация, лейблинг. Школьники пытаются уклониться от навешивания отрицательных ярлыков, выбирая предпочтительные для себя маркеры и героев, на которые они хотят быть похожими. Анализ социальных процессов, включенных в социальное приписывание позитивных или (чаще всего) негативных характеристик действиям личностей или групп, стоит в основе изучения конфликтогенных процессов среди молодежи (Липай, 2006, Гаунова, 2013).

Особенности анкеты. Анкета охватывала несколько блоков вопросов (всего около 60), раскрывающих как гражданские, так и культурные и мировоззренческие установки. При этом помимо вопросов, устанавливающих этническую или конфессиональную принадлежность, часть вопросов раскрывало отношение школьников к социально-культурным маркерам на примере культурных героев и представителей политики, исторических фигурах и др. Предлагалось вспомнить реальные лица или героев книг (кино, ТВ и т.п.), о котором респондент мог что-то высказать. Некоторые вопросы относились к таким понятиям, как Родина, гражданин, вера и др. Дополнительным информационным источником служили отношения респондентов к национальным праздникам, представителям другим наций и религий, предпочтениям в выборе фильмов, книг и др.

Характеристика выборки. К настоящему времени обработано 472 анкеты. Самым младшим опрошенным было 14 лет, а самому старшему - 19. Национальный состав указали лишь часть опрошенных, наиболее охотно свой национальный

состав указывали представители Кавказа (армяне, азербайджанцы, чеченцы) и казахи (в Астраханской области). Крайне важной явились условия социализации детей, в первую очередь, состав семей. В Астраханской области более 40% опрошенных школьников из семей, где более 3 детей в семье. Здесь и в Татарстане нет семей, в которых ученик был бы единственным ребенком. В Ярославской области почти треть школьников из семей, где они являются единственным ребенком, семей из более 3 детей всего лишь 12%. Более 60% семей состоят из 2-3 детей.

Основные маркеры социальной и культурной идентичности среди школьников старших классов

При выборе идеалов представителей своего народа почти половина школьников не смогли кого-то назвать. Из оставшейся половины более 50% школьников из Астраханской области назвали представителей культуры, а также Гагарина. В Татарстане почти треть школьников указали на своих близких (дедушка, мать, отец). В Ярославской области более 60% назвали современных политиков (преобладало имя Путина, на втором месте Навальный) и исторических фигур (Петр Первый, Александр Невский и др.).

В определении понятия Родины более половины школьников ассоциировали ее с местом рождения, на втором месте стоит свой родной дом и семья, лишь на третьем - страна, в которой живешь. При этом школьники из Астраханской области и Татарстана вообще не ассоциировали родину со своей страной. На Россию как свою родину указали лишь школьники из Ярославской области, да и то, только каждый десятый.

Среди своих личных праздников школьники отдают предпочтение дню рождения и Новому году. На втором месте - светские праздники, среди которых преобладает День победы. Лишь на третьем месте - национальные и религиозные. Они занимают около 8% предпочтений у школьников из Ярославской области, 20% - в Татарстане (в основном мусульманские праздники), 15% - в Астраханской области.

С будущей профессией более половины не определилось. Те, кто уже знает, кем хочет стать высказали

следующие предпочтения. В Астраханской области треть респондентов выбрала простые профессии рабочих, строителей, а другая треть - врачей, учителей. В Татарстане почти половина желает работать в области информационных технологий, инженерами. Практически единичные ответы тех, кто хотел бы работать в области государственного управления и силовых органах. Это резко отличается от ответов ярославцев, где каждый пятый или шестой хотел бы служить в армии, МВД или работать в государственном управлении. Работать в качестве простых рабочих или строителей здесь менее 7%. Более 70% ярославцев связывает свою жизнь с работой в области информационных технологий и гуманитарной сферой (врачи, учителя и др.).

Информационные технологии все больше захватывают и личные пространства жизни, что проявляется в игровых предпочтениях: более 60% предпочитают компьютерные игры, нежели чем традиционные и подвижные. Правда, в Астрахани процент предпочитающих футбол, волейбол и другие подвижные игры выше, чем в других регионах.

Ответы на вопросы о вероисповедании еще не обработаны, но предварительный анализ показывает, что подавляющее большинство школьников не определилось с вопросами веры. Социально-культурные маркеры и аттракторы являются более ясными и понятными.

Обобщение и выводы

При анализе ответов на вопросы анкеты бросается в глаза, что многие вопросы школьники пытаются обойти вниманием, не задумываются или ставят ответ «не знаю». В целом, к тем, кто активно и добросовестно отвечает на анкету можно причислить лишь половину всей выборки. Нет ярких представителей своего народа, чье имя могло бы твердо занимать первые места. Даже наиболее часто опоминающееся имя В.В. Путина не входит в число бесспорных лидеров. Потеря интереса к политическим или культурным лидерам и отсутствие таких аттракторов объясняет в определенной степени и ассоциации детей с родиной: для подавляющего большинства - это место рождение, родной дом и семья, но не

страна. Семейные радости и заботы стоят на первом плане, что подтверждается и отдание предпочтений семейным праздникам, в первую очередь, дню рождения и Новому году. Тенденции в снижении привлекательности социальной позиции проявляются и в относительно малом количестве желающих связать свою жизнь с государством. Представляется, что это объясняется не сколько падением престижа государства, сколько проникновением новых информационных технологий, которые прочно завоевывают все больше пространства и становятся важной средой жизни школьников. Не только выбор профессии программиста, компьютерного дизайнера и др. привлекает школьников, но и свободное время - детские игры проводятся в виртуальном пространстве.

Отвечая на поставленный в начале статьи вопрос о том, какие маркеры социальной и культурной идентичности лежат в основе современной динамики межконфессиональных отношений в ключевых регионах Поволжья, следует отметить, что наблюдается размывание привлекательности общегосударственных маркеров при некотором повышении роли семьи. В формировании или, скорее, деструкции различных маркеров большую роль играет Интернет. Штампы и клише из Интернета попадаются почти во всех ответах на вопросы. Школьники предпочитают однозначные и короткие ответы на сложные вопросы.

На этом общем фоне позиция регионов сильно различается. Для Ярославля государственные аттракторы имеют больше веса, чем в других регионах. В Татарстане на национально-культурные особенности (заметные, например, в предпочтении национально-религиозных праздников) наслоились на увлечении новыми профессиями компьютерщиков. Пока еще рано делать более глубокие выводы, необходимо привлечь к анализу весь массив собранных данных, а также сравнить с результатами фокус групп со студентами и опросов с преподавателями.

ЛИТЕРАТУРА

Гаунова Д.Х. 2014. Деструктивная стигматизация как конфликтогенный фактор в молодежной среде. - В сб.: От понимания локальных конфликтов к использованию шансов развития. Кёлер Я., Гуня А., Шогенов М. (ред.). Берлин - Нальчик. Вып. 2. С. 140-145.

Липай Т.П. 2006. Социализация и процесс стигматизации в обществе. - Гуманитарно-экономический вестник. 1: 81-88.

Получена / Received: 06.09.2020
Принята / Accepted: 30.09.2020

Humanity space International almanac VOL. 9, No 4, 2020: 385-393

DOI: 10.24412/2226-0773-2020-4-385-393

Современная динамика межконфессиональных и межнациональных отношений в Поволжье: влияние структурных и институциональных факторов*

А.Н. Гуня[1], А.Б. Ефимов[2], С.Г. Макеева[3], Т.Б. Рязанова[4], А.М. Смулов[5]

[1]Института географии Российской академии наук
119017, Москва, Старомонетный переулок, дом 29, стр. 4
Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences
Staromonetnyi side-street, 29, build. 4 Moscow 119017 Russia
e-mail: gunyaa@yahoo.com

[2,4,5]Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
127051, Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1
Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities
Likhov lane, 6, build. 1, Moscow 127051 Russia
[2]e-mail: missioner2017pstgu@gmail.com
[4]e-mail: t-riazanova@yandex.ru
[5]e-mail: jeger@bk.ru

[3]Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
Yaroslavl state pedagogical University after K. D. Ushinsky
150000, Yaroslavl, Republic street, 108/1
ORCID: 0000-0002-9851-5971
e-mail: s.makeyeva@yspu.org

Ключевые слова: Поволжье, православная и мусульманская культуры, межэтнический, этноконфессиональный, этнодемографический.

Key words: Volga region, Orthodox and Muslim cultures, interethnic, ethno-confessional, and ethnodemographic.

Резюме: В статье дан сравнительный анализ некоторых предпочтений в гражданской, этнической и религиозной идентичности студенческой молодежи в Ярославской, Астраханской областях и республике Татарстан (на материалах фокус групп). Отмечены отличия и схожие реакции на основные глобальные тренды в области трансформации национальной и религиозной идентичности.

Abstract: The article provides a comparative analysis of some preferences in the civil, ethnic and religious identity of students in the Yaroslavl, Astrakhan regions

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества № 19-1-022083.
The article was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for the development of civil society No. 19-1-022083.

and the Republic of Tatarstan (based on the materials of focus groups). Differences and similar reactions to the main global trends in the transformation of national and religious identity are noted.
[Gunya A.N.[1], Efimov A.B.[2], Makeeva S.G.[3], Ryazanova T.B.[4], Smulov A.M.[5] Modern dynamics of interfaith and interethnic relations in the Volga region: influence of structural and institutional factors[*]**]**

Построение эффективного российского общества, в котором уживаются множество культур и идентичностей, требует тщательно продуманной стратегии, опирающейся на научно обоснованные модели, учитывающие местные условия, характер и историю становления различных идентичностей (этносов, религиозных конфессий и др.), способы сплочения различных социальных групп и др. Известные модели, такие как «плавильный котел», мультикультурализм, советский интернационализм и др., сыграли определенную роль в тех или иных странах в разные исторические периоды, но вряд ли могут быть идеальными примерами для подражания. Для современной России с ее огромным территориальным и историческим разнообразием идентичностей поиск оптимальной модели связан, прежде всего, с необходимостью избежать острых насильственных конфликтов и дезинтеграции страны. В современном мире с его глобализационными процессами, навязыванием унифицированных идеологий и норм уникальное этнокультурное разнообразие России должно служить также сплочению страны и эффективному использованию человеческого капитала. Особое место в выработке оптимальной модели занимает опыт Поволжья, накопленный естественным путем, на основе исторического опыта взаимоотношения различных этнических и конфессиональных групп. Многовековая интеграция предполагает взаимные шаги навстречу, право пребывания в нескольких культурах, многоязычие и др. Важнейшим индикатором эффективности той или иной модели является наличие институционального регулирования конфликтов, исключающего насилие или сводящего его применение к минимуму. На местах (в различных регионах России и Поволжье, в частности) имеются наработанные практики диалогов православных и мусульманских общин, которые могут стать базой для

обобщения и распространения положительного опыта на другие регионы.

Основным ***исследовательским вопросом данной работы*** стал: какие факторы лежат в основе современной динамики межконфессиональных отношений в Поволжье - осевом регионе России, приуроченном в великой русской реке Волга, где проживали и проживает большое количество национальностей и конфессий? В качестве ключевых регионов выбраны: Астраханская обл. (резкое увеличение количества мусульман в последние десятилетия), Республика Татарстан (с исторически сформировавшейся пропорцией мусульман и православных), Ярославская обл. (с преобладанием православных, но динамичным притоком мусульман). Работа опиралась на проведение опросов, фокус-групп и интервью в молодежной среде в рамках существующих контактов и сетей: образовательной (университеты Поволжья и ПСТГУ), научной (научные центры по конфликтологии, миссионерский центр Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и др.) и общинно-религиозной средах (общины и приходы трех епархий - Альметьевская и Бугульминская, Ахтубинская и Енотаевская епархия, Рыбинская и Даниловская). Выбор учащейся молодежи как возрастной группы обусловлен как возможностью прогнозирования ближайшего будущего, так и разработки педагогических технологий, направленных на гармонизацию межэтнических и межрелигиозных отношений.

Методология

Изучение факторов межэтнической и межконфессиональной напряженности у учащейся молодежи включает измерение межэтнической напряженности по методикам, предложенным Г.У. Солдатовой, а также методики определения характеристик национальной, этнической и религиозной идентичности, разработанные для изучения молодежи М. Барретт и Э. Лайонс. Данные методики дают возможность оценки различных аспектов национальной, этнической и религиозной идентичности респондентов, их самокатегоризации, отношения к другим народам, коллективных представлений и коллективных чувств по

отношению к своему и другим этносам и культурам. Предлагаемые методики используются социальными психологами более 15 лет и хорошо зарекомендовали себя как информативные и надежные.

Анализ данных

Поволжье занимает осевое положение в нынешней России, находясь на перекрестке восточных и западных трендов развития. При этом в отличие от восточной и северной части России, где происходит отток населения, забрасывания сельскохозяйственных земель и разрушение сельской системы расселения, большинство регионов Среднего и Нижнего Поволжья отличаются ростом населения, в том числе и за счет мигрантов с Кавказа и Средней Азии, развитием сельского хозяйства и возрождения промышленности. В этом регионе многие века происходило взаимодействие православной и мусульманской культуры. В последнее время соотношение православного и мусульманского населения меняется в сторону увеличения последователей Ислама. Так, в настоящее время доля русских в Астраханской области составляет около 67%, но с учетом большой доли мигрантов с Кавказа и Средней Азии эта доля значительно меньше. Наблюдается значительный отток молодежи в другие регионы России. Факторами миграции являются как отсутствие работы и других социальных аттракторов, так и латентная напряженность между местным русским населением и мигрантами из Дагестана и Чечни.

В Татарстане, согласно современным статистическим данным, доля русских менее 39%, она продолжает уменьшаться на фоне роста численности населения. В Ярославской области доля русских составляет около 96%. Однако в последнее десятилетие резко увеличилось число трудовых мигрантов из Средней Азии.

Изменение этнодемографической ситуации и связанной с ней этноконфессиальной обстановки происходит вместе с проникновением радикальных течений и взглядов, окрашенных религиозной тематикой, повышающей риски возникновения недоверия между этими конфессиями. Согласно рейтингу межэтнической напряженности регионов России, Татарстан

характеризуется очень высокой напряженностью. Здесь наблюдаются неоднократные случаи массовых насильственных действий (Алматьевская епархия, 2016; Православие в Татарстане, 2019; Яхьяев, Султанахмедова, 2017). Астраханская область характеризуется высокой напряженностью. Здесь наблюдаются «неоднократные организованные массовые ненасильственные конфликтные действия; зафиксированы случаи этнически мотивированного насилия; политическая активность с эксплуатацией этнической тематики» (Миграционная политика в России. Проблемы и пути решения, 2015).

Ярославская область характеризуется пока низкой напряженностью. Здесь отмечены преимущественно ненасильственные конфликтные действия; единичные не связанные друг с другом случаи этнически мотивированных насильственных действий. Однако, современные тренды в миграции населения, естественная убыль русских практически во всех регионах, приводит к быстрому изменению ситуаций. По нашим исследованиям уже отдельные школы даже в Ярославле имеют преобладание школьников из мусульманских семей. На настоящий момент времени ситуацию в осевом регионе России - Поволжье - следует считать весьма динамично меняющейся в сторону уменьшения русских и православных, усилению влияния Ислама.

Согласно проведенным фокус-группам в университетах Ярославля, Казани и Астрахани, к миграция других национальностей в регионы далеко не всегда желаема. Так, в Казани отрицательно относятся к трудовой миграции, мотивируя это часто тем, что и для своих жителей и молодых специалистов нет рабочих мест, а доступ в Россию слишком лоялен и его надо несколько ужесточить. В Астрахани положительно относятся к легальным мигрантам, так как в регионе наблюдается отток населения и нехватка рабочих рук. Но нелегальным мигрантам здесь не рады. Некоторые из студентов, принявших участие в фокус-группах, считают, что для жителей стран СНГ миграцию можно не ограничивать. Мигранты за меньшую зарплату занимают рабочие места, и предприниматели проводят политику «малых зарплат», коренные жители при этом вынуждены уезжать в

поисках большего дохода. Мигранты согласны работать в любых условиях, поэтому от работодателей возникают злоупотребления в вопросах организации надлежащих условий труда.

В Ярославле половина участвовавших в фокус-группах студентов против рабочих мигрантов. Часть группы считает, что ограничения должны касаться лиц с другим менталитетом, другой культурой (Дагестан, Чечня, страны Средней Азии). При этом, молодежь из Ярославля не замечает агрессивности приезжих, узнает об агрессивности из СМИ. В то время как студенты из Казани и Астрахани приводят несколько примеров такой агрессивности, что в целом характеризует, с одной стороны, более пристальное отношение и повышенную «чувствительность» к «чужакам». С другой - может характеризовать более раскованное поведение приезжих в Казани и Астрахани. В Казани в поле оценки поведения попали мигранты из Средней Азии, в то время как в Астрахани - с Кавказа.

Все студенты подчеркнули наличие друзей или знакомых других национальностей или религий, большинству любопытно узнать о другой нации. Отношение студентов к другим можно в целом оценить, как толерантные, суждения о мигрантах и приезжих отражают объективное мнение.

Сравнивая полученные данные с уже проведенными исследованиями, видно, что, с одной стороны, социологические опросы свидетельствуют о том, что в большей степени националистические установки, неприязнь в отношении представителей некоторых национальностей характерны для лиц старше 50 лет (70 % против 65 % по всей России), жителей сел (73 % респондентов) (Рожкова, Михнева, Маслов, 2017). В целом же, по результатам исследований общественного мнения, около трети респондентов (32 %) открыто демонстрируют националистические установки. При этом, отмечается, что уровень неприязни в отношении представителей некоторых национальностей ниже у студенческой молодежи. Так, исследования среди указанной группы в регионах Поволжья (2010 г.) свидетельствуют, что большая часть (65 %) молодежи вузов не испытывает неприязни к представителям каких-либо национальностей. Студенты регионов Поволжья в

большей степени испытывают неприязнь к людям кавказских национальностей, что подтверждается материалами общероссийских исследований ФОМ, ВЦИОМ. Также молодежь испытывает неприязнь (по убывающей) к татарам, таджикам, цыганам, чеченцам, армянам, азербайджанцам, дагестанцам, узбекам и некоторым другим национальностям. У респондентов вызывают неприязнь любые национальности, которые «нарушают общественный порядок» или «не исполняют российских законов» (Рожкова, Михнева, Маслов, 2017).

Таким образом, оказывается, что примерно 35% учащейся молодежи студенческого возраста по данным опросов (полученным в Поволжье), все же демонстрируют межэтническую неприязнь в той или иной степени (и это немало), этот процент практически совпадает с процентом лиц, которые, согласно усредненным по возрасту опросам, открыто демонстрируют националистические установки (32%).

Заключение и выводы

Анализ полученных данных позволил сделать следующие выводы и ответить на поставленный в начале работы вопрос. Выделяются две основные группы факторов, которые влияют на динамику межконфессиональных и межнациональных отношений в Поволжье: *структурные и институциональные*. К структурным факторам относится, прежде всего географическое положение и этнокультурное разнообразие регионов. Так, например, близость Астраханской области к Кавказу и Средней Азии объясняет повышенную миграционную активность и риск возникновения социальной напряженности, настороженное отношение мигрантам. В то время как в «глубинке» - Ярославской области, условий для повышения социальной напряженности должно быть меньше. Однако, такой вывод только отчасти может объяснить различия в уровнях социальной напряженности поволжских регионов. Для объяснения разнообразия процессов и динамики межконфессиональных и межнациональных отношений в Поволжье необходим анализ более динамичных, слабо детерминированных и поэтому слабо предсказуемых процессов, связанных с выработкой правил общения и регулировании возникающих коммуникационных

конфликтов. Этот комплекс процессов отражает воздействие институциональных факторов и механизмов, в основе которых лежат формальные и неформальные правила, регулирующие повседневную жизнь людей. Эти факторы играют важную роль в поддержании преемственности развития от советского времени, когда строилась интегральная идентичность «советский народ», к современной дезинтеграции и возникновению различных групп идентичности (Elwert, 1989). Большое значение имеют местные институциональные механизмы, представляющие собой комплекс проверенных опытом жизненных практик взаимоотношения различных этнических и конфессиональных групп. Эти жизненные практики достаточно глубоко укоренены в местные социальные сообщества, обеспечивая определенный уровень стабильности и выживания в новых условиях, хотя, часто, не соответствуя появившимся либеральным или радикальным трендам.

Исследование показало, что упор в объяснениях динамики межконфессиональных и межнациональных отношений в Поволжье на структурные условия не достаточен, для того, чтобы понять суть нынешней динамики. Ощущается дефицит анализа институциональных факторов. Этнические и религиозные структурные различия часто служат той «разменной монетой» для политических спекуляций. В контексте изучения конфликтов и насилия этническая и конфессиональная принадлежность является для лидеров радикальных групп средством мобилизации населения. Росту ксенофобии и нетерпимости во всех регионах нередко способствуют односторонне представленные информационные «вбросы» в средствах массовой информации. Они ложатся на более чувствительную и слабо исследованную среду правил поведений и выработки реакций, мобилизации и формирования новых групп идентичностей (Цюрхер, 1999).

ЛИТЕРАТУРА

Барретт М., Рязанова Т., Воловикова М. (ред.). 2001. Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков. М., Издательство ИП РАН. 196 с.
В Альметьевске обсудили вопросы межнациональных и межконфессиональных

отношений. 2016. Алматьевская епархия. [Электронный ресурс] - URL: http://almet-eparhia.info/v-almetevske-obsudili-voprosyi-mezhnatsionalnyih-i-mezhkonfessionalnyih-otnosheniy/

Миграционная политика в России. Проблемы и пути решения. 2015. Этноконфессиональный совет при губернаторе Астраханской области. [Электронный ресурс] - URL: https://etnokonf.astrobl.ru/press-release/migracionnaya-politika-v-rossii-problemy-i-puti-resheniya

Митрополит Феофан выступил на круглом столе «Роль традиционных религий в развитии гражданского общества» 2019. Православие в Татарстане. [Электронный ресурс] - URL: https://tatmitropolia.ru/newses/eparh_newses/kaznews/default.asp?id=69229

Рожкова Л.В., Михнева С.Г., Маслов Д.Г. 2017. Межэтнические взаимодействия в поликультурных регионах как фактор обеспечения национальной безопасности. - Logos et Praxis. 16 (2): 82-88.

Солдатова Г.У. 1998. Психология межэтнической напряжености. М.: «Смысл». 389 с.

Цюрхер Х. 1999. Мультикультурализм и этнополитический порядок: некоторые методологические замечания. - Полис. 6: 115-118.

Яхьяев М.Я., Султанахмедова З.Г. 2017. Институализация исламского экстремизма. Исламоведение. 8, 3 (33): 5-19.

Elwert G. 1989. Nationalismus und Ethnizität. Über die Bildung von Wir-Gruppen. - Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 3: 440-464.

Получена / Received: 05.09.2020
Принята / Accepted: 30.09.2020

Humanity space *International almanac* VOL. 9, No 4, 2020: 394-414

DOI: 10.24412/2226-0773-2020-4-394-414

Особенности гражданской идентичности педагогов как социально-личностные показатели воспитательной среды (на примере Ярославского региона)*

Т.Б. Рязанова

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
127051, Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1
Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities
Likhov lane, 6, build. 1, Moscow 127051 Russia
e-mail: t-riazanova@yandex.ru

Ключевые слова: гражданская, этническая, религиозная, локальная идентичность, межэтническая и межрелигиозная напряженность, праздничная культура.
Key words: civic, ethnic, religious, local identity, inter-ethnic and interreligious tensions, holiday culture.

Резюме: Сообщаются результаты опроса школьных педагогов Ярославской области, посвященного измерению различных характеристик их гражданской идентичности, показателей восприятия ими межэтнической и межрелигиозной напряженности, изучению статистических взаимосвязей этих показателей. Делаются выводы: (а) о некоторых кризисных чертах гражданской идентичности более молодых респондентов; (б) о взаимосвязи оценок межэтнической и межрелигиозной напряженности с характеристиками гражданской идентичности и другими показателями этнопсихологического самочувствия личности; (в) об особенностях субъективной картины праздничной культуры и её взаимосвязях с характеристиками гражданской идентичности; а также (г) о совершенствовании городской социально-культурной среды как ресурсе гармонизации гражданской идентичности. На основе полученных результатов анализа предлагаются некоторые практические пути гармонизации гражданской идентичности.

Abstract: The article reports the results of a survey of school teachers in the Yaroslavl region, dedicated to measuring various characteristics of their civic identity, indicators of their perception of interethnic and interreligious tensions, and the study of statistical relationships between these indicators. Conclusions: (a) the traits crisis in some features of civic identity of younger respondents were found; (b) there are statistically significant relationships between the estimates of interethnic and interreligious tensions with the characteristics of civic identity and other indicators of ethnic and psychological well-being of the individual; (b) the

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества № 19-1-022083.
The article was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for the development of civil society No. 19-1-022083.

characteristics of the subjective picture of the festive culture and its links with the characteristics of civic identity; and (g) on the improvement of urban socio-cultural environment as a resource to the harmonization of civil identity. Based on the results of the analysis, some practical ways to harmonize civil identity are proposed.
[Riazanova T.B. Features of civic identity in teachers as social and personal indicators of the educational environment (in Yaroslavl region' context)[*]**]**

Интеграция гражданской идентичности населения нашей страны - важная и актуальная задача в контексте современной как общемировой, так и общегосударственной ситуации. Первую из них генеральный секретарь ООН Антониу Гуттериш на 75-ой сессии её Генеральной ассамблеи описал в весьма тёмных тонах, выделив такие угрозы, как глобальная геостратегическая напряженность и всеобщее недоверие. Вторая также оставляет желать лучшего: кризис идентичности уже давно является неотъемлемой характеристикой послеперестроечной России, хотя в ней и наблюдаются позитивные сдвиги.

Анализируя российскую общегосударственную ситуацию и изменения в структуре идентичности в период глобализации, отечественные исследователи-политологи отмечают: «Углубляются противоречия между политической, культурной и экономической идентичностью индивидов и групп в современном мире. Ранее периферийные формы идентичности (этнические, гендерные, иные субкультурные) смещаются в центральное пространство отношений. Ресурсы ключевого конструктора национальной идентичности - национального государства - существенно снижаются» (Когатько, Тхаканов, 2010: 132). Эти перестановки могут повлечь за собой «ослабление общенационального единства» (Малыгина, 2015: 96), его расшатывание и требуют усилий по гармонизации отношений между множеством элементов и механизмов, формирующих систему социальной идентичности гражданина страны.

Психологи и социологи выделяют «значение гражданской идентичности как основы консолидационных процессов российского общества, которая способствует созданию единого идентификационного пространства, удерживающего в себе множественность и уникальность культур» (Валеева, Мануильский, 2018: 176).

В современных условиях система гражданской идентичности находится под существенным давлением фактора миграции, которая продолжает оставаться интенсивной на протяжении уже многих лет. Влияние этого фактора многогранно, так как он приводит не только к изменениям структуры занятости населения, но и к межэтническим, межкультурным контактам, которые в силу различий и противоречий культурных практик разных народов могут носить напряженный и даже конфликтный характер. Этнологи и конфликтологи и постоянно отслеживают происходящее (Гроздья гнева, 2014). Гармонизация межэтнических отношений, снижение угроз напряженности и конфликтности между представителями разных национальностей, этнических групп видится исследователями как один из важных факторов обеспечения национальной безопасности (Рожкова, Михнева, Маслов, 2017). Особое внимание обращается на Поволжье в целом и на субъекты Приволжского федерального округа (ПФО). Ситуация с межнациональной конфликтностью в этих регионах, как отмечают исследователи, неоднозначная. Так, «наряду с отсутствием проявления межнациональной напряженности ряд политических и социально-экономических противоречий в этнонациональной сфере все же присутствует» (Тишков, 2015). При этом подчеркивается, что «поиск оптимальных способов решения назревающих проблем в этой сфере предполагает всестороннее исследование причин межэтнической напряженности как на федеральном, так и на региональном уровне» (Мосина, 2010).

Ярославия долгое время была в значительной мере моноэтничным и монокультурным регионом России с древней историей и традициями. Однако и здесь в последние годы отмечается усиленный приток мигрантов из традиционно мусульманских регионов. В результате этих процессов динамично меняется структурный состав населения, как следствие возникают школьные классы полиэтничного состава. Это может приводить к росту межэтнической и межрелигиозной напряженности в разных профессиональных и возрастных стратах населения и делает актуальным мониторинг возникающих здесь тенденций методами социальной

психологии, дающей возможность рассмотреть происходящее разносторонне и со значительной степенью конкретизации.

Исследование проведено осенью 2019 года в трех городах Ярославской области: Рыбинске, Тутаеве, Ярославле. Опрос педагогов государственных средних сопровождал более масштабный опрос старшеклассников этих школ и включал тех педагогов, которые предполагали участие в экспериментальной образовательно-практической части данного исследовательского проекта (поэтому выборка опроса педагогов невелика), направленной на гармонизацию межэтнических и межрелигиозных отношений в школьной среде. Специфика работников образования как выборки исследования - род профессиональной деятельности, делающий их, в значительной мере, экспертной выборкой с разнообразной осведомленностью. Широкий круг их общения обусловлен тем, что все слои и этнические группы населения отдают своих детей в школы, педагоги контактируют как с детьми, так и их родителями по различным взаимнозначимым вопросам жизни.

Опросное исследование было посвящено измерению показателей восприятия межэтнической и межрелигиозной напряженности и различных характеристик гражданской идентичности старшеклассников. Педагоги заполняли аналогичные опросники. Использованный опросник имел композитный характер, в нем сочетались вопросы, предполагавшие шкалирование предложенных показателей, свободные ответы на предложенные вопросы. Одним из основных теоретических ориентиров в понимании национальной идентичности была психологическая концепция М. Барретта (2001). Ввиду комплексности задач исследования и стремления к сравнимости полученных данных при составлении опросного листа, кроме специально сформулированных вопросов (в чем деятельное участие приняла ярославский ученый проф. С.Г.Макеева), были использованы модификации методик М. Барретта (2001), М.И. Воловиковой (2005), В.С. Собкина и Д.В. Адамчука (2003), Л.М. Дробижевой (2016), А.О. Гуськовой и П.Н. Костылева (2018). Опыт модификации методик изучения гражданской идентичности в её различных аспектах был получен в более ранних исследованиях (Рязанова

и др., 2001, Рязанова, 2010).

Было опрошено 22 педагога, все женщины (выборка типичная для школы), в возрасте от 21 до 63 лет (средний возраст 40,1 г.). Распределение опрошенных по возрасту представлено в Таблице 1.

Таблица 1.

Распределение опрошенных педагогов по возрасту (в %).

Возрастной диапазон	Процент в выборке
20-30 лет	18
30-40 лет	36
40-50 лет	27
50-60 лет	9
более 60 лет	9

Данные Таблицы 1 показывают, что более половины респондентов - молодые профессионалы в возрасте до 40 лет. Статистические критерии оценки распределения квалифицируют его как нормальное, что дает возможность применять различные методы статистического анализа.

Оценки респондентами уровней межэтнической и межрелигиозной напряженности

Оценки респондентами уровней межэтнической и межрелигиозной напряженности в различных сферах социальных отношений - межэтнических, межрелигиозных, экономических - представлены в Таблице 2.

Таблица 2.

Оценки педагогами напряженности в своем городе в различных сферах (в процентах от числа опрошенных)

	Мирные	Спокойные	Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	Напряженные
Отношения между разными народами (этническими группами)	14	36	45	5
Отношения между представителями разных религий	38	57	5	-
Отношения в экономической сфере: доступ к хорошей работе, хорошему образованию, материальной обеспеченности семей	-	48	19	33

Данные Таблицы 2 показывают, что ситуация в сфере межэтнических, межрелигиозных и экономических отношений в Ярославском регионе не воспринимается опрошенными как вполне спокойная. Наиболее благополучно описывается религиозный аспект межгрупповых отношений. Никто из опрошенных не оценил эти отношения как напряженные, минимальный процент счел возможным оценить их как внешне спокойные, но внутренне напряженные; большинство опрошенных расценивают их как спокойные и мирные.

Этого, однако, нельзя сказать о восприятии межэтнических и экономических отношений. О межэтнических отношениях существенная доля опрошенных (почти половина: 45%) высказалась как о внешне спокойных, но внутренне напряженных; единичные оценки получила категория «напряженные отношения».

Только половина опрошенных оценила межэтнические отношения в своих городах как мирные и спокойные.

Самые тревожные, низкие оценки получили отношения в таких областях экономической жизни, как сферы доступа к хорошей работе, образованию, материальной обеспеченности семей: треть опрошенных считают отношения в этой сфере напряженными (это самая низкая оценка по предложенной нами шкале), каждый пятый - внешне спокойными, но внутренне напряженными. Спокойными отношения в экономической сфере считает менее половины опрошенных - 48%; показательно, что никто не оценил эти отношения как мирные.

Оценки опрошенными уровней напряженности в их городах дополняются ответами на вопрос «Как Вы думаете, приходится ли местным жителям конкурировать за выгодные рабочие места, за места в вузах с приезжими?». Только 15% опрошенных отметили, что конкуренции нет: мест учебы, работы и других благ хватает на всех. (При этом одна из респонденток горько заметила в графе собственных ответов: «рабочих мест нет и конкуренции нет» - такое мнение, однако, сложно отнести к простой категории ответов «конкуренции нет»). 30% ответили, что конкуренция присутствует в незначительной мере. 10% полагают, что конкуренция имеет место с приезжими из других регионов страны. Наибольший процент опрошенных - 45% - отмечает, что имеет место конкуренция с иностранными трудовыми мигрантами.

Информативными для нашего исследования оказались ответы опрошенных о наличии межэтнической и межрелигиозной напряженности в самой ученической среде: 41 % опрошенных педагогов были непосредственными свидетелями неприязни между учениками в их школе на этнической или религиозной почве.

Приведенные оценки уровней межэтнической и межрелигиозной напряженности говорят об актуальности более широкого, комплексного изучения этих вопросов. Оно должно включать рассмотрение различных аспектов гражданской идентичности и их взаимосвязей с оценками межэтнической и межрелигиозной напряженности как у учащейся молодежи (основная массивная выборка опроса, выходящая за рамки

данной статьи), так и у самих педагогов, что и является целью данного исследования.

Показатели гражданской идентичности опрошенных и их взаимосвязи с оценками межэтнической и межрелигиозной напряженности

Благополучие гражданской идентичности педагогов как личностей является существенным ресурсным фактором воспитания учащейся молодежи, т.к. по своей профессиональной роли они служат важным опосредующим звеном между макросистемой - государственной идеологией, культурой - и микросистемой непосредственной контактной среды развития подрастающего человека.

Среди исследованных характеристик различных сторон гражданской идентичности педагогов были: отношение к собственной этнической принадлежности (Собкин, Адамчук, 2006), самооценка чувства общности с различными социальными группами (Дробижева, 2016), самооценка себя как патриота России, оценка субъективной значимости своей гражданской идентичности, самооценка связи своего мировоззрения с религиозной верой.

Все респонденты (кроме одного человека, пропустившего этот пункт) указали этническую принадлежность «русские». На вопросы об эмоциональных аспектах этнической принадлежности, чувствах, которые она вызывает, 60% опрошенных ответили, что гордятся принадлежностью к своей этнической группе, из оставшихся 40% большинство отметили, что их этническая принадлежность им безразлична, одна респондентка призналась, что испытывает внутренний дискомфорт от своей принадлежности к русским. При этом анализ распределения ответов по возрасту показал, что чувство гордости от принадлежности к русским присуще в основном представителям старшего поколения опрошенных педагогов, а безразличие к этнической принадлежности характерно для более молодых опрошенных: им всем меньше 42 лет, хотя среди этой возрастной группы присутствуют и те, кто гордится своей этнической принадлежностью. Коэффициент корреляции между возрастом и чувством, связанным с принадлежностью к этнической группе статистически значим:

R=-0,58 (p<=0,01). Полученный результат можно трактовать как черту этнической гипоидентичности наших молодых респондентов по классификации Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой (Солдатова, 2003).

Субъективную важность российского гражданства две трети опрошенных оценили высшим баллом - 5, оставшаяся треть опрошенных распределила свои оценки от 1 до 4 с преобладанием «единиц» и «двоек», встретилась даже оценка «ноль». По этому показателю также прослеживается соотношение с возрастом: R = 0,43 (p<=0,05): более низкая субъективная важность российского гражданства характерна для более молодых респондентов.

На вопрос о самооценке себя как патриота России (пятибалльная шкала) три четверти опрошенных ответили утвердительно. Оставшаяся четверть либо вовсе не считает себя патриотами, либо полагает возможным назвать себя патриотами отчасти. (Корреляция с возрастом статистически незначима). Этот результат можно соотнести с данными, полученными в исследованиях под руководством В.Е. Семенова, в которых до половины молодых опрошенных не сочли возможным назвать себя патриотами (Семенов, 2015), что для этого исследователя означает: гражданской идентичности у данной части опрошенных просто нет. Видимо, более позитивный результат нашего исследования связан с тем, что опрошенные - педагоги и, кроме того, возможно влияние факторов возраста и места проживания: в выборку исследования В.Е. Семенова входила молодежь, проживающая в мегаполисе (Петербурге), а наша выборка - педагоги различных возрастов, проживающих в относительно небольших городах.

Религиозная идентичность респондентов в данном исследовании выявлялась при помощи вопроса о связи мировоззрения с верой с Бога. Распределение полученных ответов представлено в Таблице 3.

Таблица 3.

Ответы респондентов о связи своего мировоззрения с верой в Бога (в процентах от числа опрошенных)

Не связано	Связано отчасти	Связано
47	11	42

Полученные данные показывают, что верующих и неверующих в исследованной выборке примерно поровну: 42 и 47 процентов соответственно. 11% респондентов оценили себя как верующих «отчасти». Среди значимых статистических связей этой характеристики - корреляция с субъективной значимостью российского гражданства: у верующих значимость гражданства более высокая ($R = 0,50$, $p <= 0,03$). Имеется выраженная корреляционная тенденция взаимосвязи с возрастом: религиозность мировоззрения более характерна для старших респондентов ($R = 0,42$, $p <= 0,07$).

Интересно рассмотреть взаимосвязи самооценки себя как патриота России с другими показателями системы идентичности (Таблица 4).

Таблица 4.

Корреляционные связи между самооценкой себя как патриота России и рядом других показателей опросника (жирным шрифтом отмечены коэффициенты корреляции, достигшие стандартного уровня статистической значимости).

Показатели, взаимосвязанные с самооценкой себя как патриота России	Коэффициент ранговой корреляции R (по Спирмену)	Уровень значимости
Возраст	0,32	0,16
Субъективная значимость гражданской идентичности	**0,73**	**0,0002**
Связь мировоззрения и религиозной веры	0,36	0,15
Чувство общности с гражданами России	**0,69**	**0,002**
Чувство общности со своей этнической группой	**0,45**	**0,05**
Чувство общности с жителями своего Региона (области)	**0,52**	**0,02**
Чувство общности с жителями своего города	**0,71**	**0,001**
Чувство общности с представителями своей религиозной группы	0,42	0,09

Данные Таблицы 4 свидетельствуют высокозначимых статистических связях самооценки себя как патриота с: субъективной значимостью гражданской идентичности, с чувством общности с гражданами России (что ожидаемо ввиду близкого смыслового сходства этих показателей). Можно отметить некоторые статистические тенденции, не достигающие стандартного уровня значимости: связи самооценки себя как патриота с возрастом и религиозной верой респондентов и чувством общности с представителями своей религиозной группы. Важно обратить внимание на следующие три корреляционные связи - самооценки себя как патриота с чувствами общности с этнической группой (R=0,45), с жителями своего региона (R=0,52), с жителями своего города (R=0,71, p<=0,001). Последний коэффициент корреляции из этих трех самый высокий, что означает особую важность локальной (городской) идентичности, малой родины в формировании чувства патриотизма. Исходя из этих результатов, можно сказать, что работа на городском уровне является важным ресурсом как подъема позитивных эмоциональных составляющих социального самочувствия граждан города, так и гармонизации гражданской идентичности в целом.

Интересны взаимосвязи оценок межэтнической, межрелигиозной и социально-экономической напряженности с характеристиками гражданской идентичности респондентов (Таблица 5).

Получены значимые корреляции самооценки себя как патриота и оценок напряженности в сфере межрелигиозных и экономических отношений: чем в большей степени респондент оценивает себя как патриота России, тем более благоприятно он оценивает уровень напряженности вокруг себя. Аналогичные связи получены и с показателем чувства общности со своей этнической группой, и с гражданами России: чем в большей степени человек ощущает общность, тем ниже воспринимаемая напряженность. Корреляция между чувством общности с представителями религиозной группы и оценкой межрелигиозной напряженности почти достигает стандартного уровня статистической значимости (R=0,47, в таблице выделено курсивом): при усилении религиозной идентичности оценка

межрелигиозной напряженности не усугубляется, а наоборот, становится более позитивной.

Таблица 5.

Корреляции оценок межэтнической, межрелигиозной и социально-экономической напряженности с характеристиками гражданской идентичности респондентов

Оценки напряженности:	возраст	Отношение к своей этн.группе	Субъективная важность гражд.идентичности	Самооценка себя как патриота	Чувство общности с гражданами России	Чувство этнической общности	Чувство общности с предст.религиозной группы
межэтнической	**0,52**	**-0,66**	0,39	0,34	0,46	0,39	0,24
межрелигиозной	**0,56**	**-0,49**	**0,46**	**0,65**	**0,67**	**0,48**	**0,47**
экономической	0,28	**-0,52**	0,40	**0,56**	**0,54**	**0,58**	0,39

С другой стороны, получены значимые связи отношения к собственной этнической принадлежности с оценками напряженности: чем больше этнической индифферентности и нигилизма в системе идентичности респондента, тем хуже оценивается обстановка с напряженностью в регионе проживания (корреляции значимы по всем аспектам напряженности).

Полученный результат укладывается в представление о том, что позитивная этническая (и, добавим, - гражданская) идентичность является здоровой нормой, дающей сбалансированное сочетание положительного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам (Солдатова, 2003). Этническая индифферентность, черты которой наблюдаются в полученных результатах у молодого поколения респондентов - размывание этнической идентичности, выраженное в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности. При её усилении возможен «отход от собственной этнической группы и поиски устойчивых социально-психологических ниш не по этническому критерию» (Солдатова, 2003), т.е. ослабление внутренних взаимосвязей гражданской идентичности.

Образно и духовно о важности позитивной этнической и гражданской идентичности написано у писателя Н.А. Павловой: «Есть тайная пуповина, связывающая человека с человечеством. И таинство данной Господом заповеди «чти отца твоего и матерь твою» заключается не только в том, что надо, конечно же, почитать родителей. Это еще и условие самосохранения человечества и данный нам от младенчества опыт соборности и любви. … Человек через свой род врастает в человечество, впитывая в себя опыт поколений и усваивая через ближних, как построить дом и семью, как защищать свое Отечество и как жить в мире с другими народами» (Павлова, 2012: 17-18).

Особенности субъективной картины праздничной культуры и их взаимосвязи с характеристиками гражданской идентичности

Одним из направлений опроса являлось изучение понимания респондентами значимости событий российской истории и оценки важности праздников общегосударственного, регионального и локального (городского) уровня в собственной жизни и жизни общества.

Разработка проблем психологии праздника началась относительно недавно как особая научная область, отличающаяся по своей направленности от исследований историков и этнологов. Здесь изучается то, какие изменения вносили и вносят праздники в жизнь каждой конкретной личности (Воловикова, 2003: 4).

Определения понятия «праздник» как в XIX, так и в XX веках содержат отсылку к сфере священного, сакрального. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля читаем: «Праздничный день или праздник вообще - день, посвященный отдыху, не деловой, не работный... день, празднуемый по уставу церкви, или же по случаю и в память события гражданского, государственного, или по местному обычаю, по случаю, относящемуся до местности, до лица» (1863-1866 гг). В современном нам определении устав церкви не упоминается, но акцентируется идея причастности участника к сфере, с которой связан праздник. Он определяется как противопоставленный будням (повседневности) отрезок времени, характеризующийся радостью и торжеством, выделенный в потоке времени в память или в честь кого или чего-либо, обладающий сущностной связью со сферой сакрального, отмечаемый в культурной или религиозной традиции как институционализированное действо, которое обеспечивает его участникам максимальную причастность к этой сфере» (Пигалев, 1996).

Причастность празднующего к смыслу праздника, действительно, является тем путем, которым он может психологически и духовно соединиться с той сферой культуры, к которой относится праздник. М.И. Воловикова опирается на работу о. Павла Флоренского «Философия культа», в которой раскрывается суть связи между религиозным культом и жизнью. Главное, что придает смысл празднику в контексте индивидуальной человеческой жизни в том, что «идея культа понимается как организация нашего спасения» (Флоренский, 1977: 198), то есть имеет отношение абсолютно к каждому человеку - в этом основа возможного соединения индивидуального и общего, смысл религиозного праздника для каждого человека.

Ключевая цитата из книги о. Павла Флоренского, приводимая исследователем такая: «задача культа может быть выполнена только иерархической организацией жизни - так, чтобы вся жизнь была освящена, но чтобы притом в самом освящении ее были свои ступени, <…> , свои степени преображенности земного - в небесном. <…> Степеням

восхождения первого соответствуют степени нисхождения второго; и чем выше восхождение земного тем ниже нисхождение небесного, тем ближе они друг к другу, тем теснее их связь, тем взаимо-проникновеннее они, тем полнее преображение жизни, преображение мира, преображение вещества» (Флоренский, 1977: 197 - по Воловикова, 2003: 44).

С этим тесно связано особое понимание праздничного времени: это граница между явлением и сущностью, где сквозь явление просвечивает сущность, а сквозь настоящее - прошлое, которое, как он (о. Павел Флоренский) чувствовал, никуда не уходит. ….. Такой подход ко времени является основой понимания сущности праздника, всегда происходящего в настоящем. Праздник - это не воспоминание, а *само событие*. (Воловикова, 2003: 43-44). Можно добавить: со-бытие.

Могут быть разные уровни причастности к смыслу праздника. Самое простое - выразить свою причастность внешне, например, одеться в зеленое на день памяти св.Патрика или в красное на Пасху, или печь куличи и красить яйца «по обычаю» в пасхальные дни. Иной путь - «принять день памяти святого как импульс к совершению внутреннего, нравственного усилия» (Воловикова, 2003: 107). Для этого нужно вникнуть в смысл празднования или узнать житие святого, осмыслить его для себя.

Роль праздников в общественной жизни всегда была велика, они устанавливаются властями общегосударственного и регионального уровня, их смысл тесно связан с этнической, религиозной и гражданской идентичностью. В контексте уже описанных выше данных о тесной и значимой взаимосвязи чувства патриотизма с локальной идентичностью интересно обратиться к соотношению локальной идентичности и понимания значимости праздников.

В опросных данных ответы на вопросы о праздниках, которые респонденты считают значимыми для своего региона и города были отображены на шкалу, в которой называние праздников регионального и локального, городского уровня (например, день города, фестиваль «Преображение»), получало более высокую оценку, чем отождествление важных региональных праздников и праздников, важных для страны в целом

(минимальная оценка по шкале - это отсутствие каких-либо названных праздников). В результате статистического анализа получены интересные корреляционные связи (Таблица 6).

Таблица 6.

Корреляции называния праздников локального уровня как значимых событий жизни и некоторых показателей гражданской идентичности

Взаимосвязи называния праздников регионального уровня и:	Коэффициент ранговой корреляции R (по Спирмену)	Уровень статистической значимости
возраста	**0,48**	**0,02**
религиозности мировоззрения	**0,77**	**0,0001**
Чувства общности с жителями своего города	**0,46**	**0,02**

Среди полученных корреляций первой можно упомянуть взаимосвязь называния праздников регионального уровня с возрастом: людям более старшего возраста более свойственно понимание важности праздников регионального, городского уровня. Предполагавшаяся взаимосвязь понимания важности праздников регионального уровня с чувством общности с жителями своего региона также была получена: знание и личное переживание ценности праздников, важных для малой родины, взаимосвязано с чувством общности с жителями своего города. (При этом взаимосвязь понимания важности праздников регионального уровня и самооценки себя как патриота России имеет величину слабоположительной статистической тенденции (R=0.23). Это может означать, что связь этих показателей есть, но она опосредована совместным переживанием праздника с ближним).

Высокозначимая корреляция получена между религиозностью мировоззрения респондента и называнием городских праздников, важных для жизни региона (R=0,77; p<=0,0001). По-видимому, это может указывать на

чувствительность религиозного человека с опытом участия в церковных праздниках к происходящим рядом значимым социальным событиям, стремление понимать их и участвовать в них (любопытно заметить, что ни один из названных праздников регионального уровня не был праздником религиозным, церковным).

Однако, приходится отметить, что перечень городских праздников, названных респондентами, довольно беден, что указывает на возможный ресурс для совершенствования понимания праздничной культуры как стороны квалификации педагогов. В основном респонденты называли день города, в то время как региональных праздников и памятных дат в области существенно больше. В 2014 году Ярославской областной думой установлены праздники и памятные даты Ярославской области «в целях развития традиций патриотизма, любви к своему Отечеству, уважения к чести, доблести и мужеству предыдущих поколений» (Закон …, 2014). Среди них - день образования Ярославской губернии, дни рождения великого флотоводца Федора Ушакова и полководца и политического деятеля Александра Невского, день памяти преподобного Сергия Радонежского - уроженцев Ярославской земли, дни памяти князя Ярослава Мудрого, Мологи и Ситской битвы. Наши респонденты не упомянули ни один из этих праздников или памятных дат. Интересно, что в опросниках их учеников-старшеклассников эти имена встречаются. Возможно, это означает, что в программы школьных уроков и мероприятий эти сведения и празднования входят и реализуются педагогами, а в систему локальной идентичности самих наших респондентов - не включены.

Из этого можно сделать вывод о том, что совершенствование праздничной культуры городов как части городской социально-культурной среды может стать ресурсом гармонизации локальной идентичности как важной части гражданской идентичности.

Еще один ресурс гармонизации локальной идентичности можно поискать в высказываниях горожан и гостей Ярославля в соцсетях, направленных на сбор отзывов о городе для людей, которые планируют в него переехать (здесь - сайт nesititsa.ru).

Приведем некоторые высказывания - со знаком плюс и со знаком минус.

Коренной ярославец: летом в центре города очень красиво, а зимой постоянно вода на дорогах, приходится специальные спреи для обуви покупать. Тут уж вы сами решите, нравится ли вам это море слез или нет.

Экология: радиация… Много как-то у нас промышленных заводов. Некоторые часто нарушают норму, экономят на переработке и т. п. Следите, чтобы дети снег не ели, а то не откачают. С неба падает грязный снег. … В Волге не покупаться, а Которосль - просто текучее болото, хотя пляж живописный. … Из крана воду пить тоже невозможно, ведь она из Волги. Грязюка, проще говоря. Свозят нам мусор из других городов в вагонах, люди негодуют просто.

Экономика: просто долги на долгах. Интересно, куда делись все деньги с налогов? … Школам не доплачивают. Советские туалеты, текущие крыши, исписанные стены.

Коренная ярославна: Отвратительные дороги, малое количество фонарей, … Город не меняется, ничего не делают, чтобы жить в нем стало лучше

Коренная ярославна: Плюс: …это крупный старинный город с большим количеством достопримечательностей, учебных заведений, детских садов, школ, больниц, магазинов, кафе и развлекательных организаций….

Минус: … слишком большое количество промышленных предприятий, которые загрязняют воздух. ….

Переехавшие из Татарстана: Плюс: … муж (химик) быстро нашел работу… еще выбирал. … Сына взяли в школу без вопросов, никаких поборов, обстановка и в школе и в классе спокойная. Потрясающая набережная! Очень уютные, чистые улочки и скверы в центре.

Минус: ... (не в центре) Утоптанная грязь вместо дороги! Кстати, о дворах. Детей и вообще жильцов своих власти города не любят. Лавочки и детские площадки во дворах если и есть, то выглядит это убого. Не редко вместо лавочки во дворе стоит грязный старый диван

Уже решившие переехать в Ярославль с Дальнего Востока: Плюс: Комаров нет. Жары нет, лютого холода... С

климатом … все понравилось … Да еще поразили люди и это пожалуй самое главное - ОНИ УЛЫБАЮТСЯ! Хотя про себя говорят плохо.

Минус: … Очень шумно от машин и запах. Красноперекоп вызывает … депрессивное состояние. Узко, грязно, шумно. Всеми хваленый Заволжский … красота только по двум центральным улицам, остальное как бы мягко сказать не очень обжитое. Про доехать и выехать с Заволги - это как мне с Дальнего Востока добраться до Москвы.

По приведенным высказываниям видно, что именно вызывает позитивные и негативные переживания у коренных жителей города и решивших или решающих сюда перебраться. Это, безусловно, отображается в состоянии локальной идентичности жителей. Некоторые из этих негативов, по-видимому, несложно исправить, например, решить вопросы с крышами, школьными туалетами, дырами в асфальте, или хотя бы со скамейками и благоустройством дворов. Экология и транспорт - это, конечно, финансово дороже, но самое главное - чтобы люди почувствовали заботу не только о красивом фасаде - центре города, но и обо всех горожанах. Это самое важное для гармонизации локальной идентичности, а совместно с гармонизацией может последовать и рост патриотизма

Благодарности. Авторы выражают глубокую благодарность администрации школ и Департаментам образования Рыбинска, Тутаева и Ярославля за оказанное содействие в проведении исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Барретт М. 2001. Развитие национальной идентичности: концептуальный анализ и некоторые итоги Западноевропейского исследования. - В кн.: Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков. Под ред. М.Барретта, Т.Рязановой, М.Воловиковой. М., Изд-во Института психологии РАН. С. 16-58.

Валеева Е.В., Мануильский М.А. 2018. Единая российская нация: проблемы формирования ее идентичности (к итогам всероссийской конференции). - Социологический журнал. 24 (1): 176-184.

Воловикова М.И. 2005. Социальные представления об идеале в российском менталитете. М.: Изд-во Института психологии РАН.

Воловикова М.И., Тихомирова С.В., Борисова А.М. 2003. Психология и праздник: праздник в жизни человека. М.: PerSe. 142 с.

Гроздья гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Осень 2013 - весна 2014 года. [Электронный ресурс]. - URL: http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/.

Диалог религий Татарстана: культура сотрудничества и стратегии этноконфессионального взаимодействия. Сборник материалов грантового проекта. Редакторы: Гуськова А.О., Костылев П.Н. М.: Московская областная общественная организация содействия формированию здорового образа жизни «Здоровое поколение», 2018. 166 с.

Закон Ярославской области № 88-з от 23.12.2014. О праздниках и памятных датах Ярославской области. [Электронный ресурс] - URL: www.duma.yar.ru [26.09.2020].

Когатько Д.Г., Тхаканов В.Х. 2010. Российская идентичность: культурно-цивилизационная специфика. СПб.: Алетейя. 136 с.

Малыгина И.В. 2015. Российская идентичность: в поисках утраченного единства. - В кн.: Национально-культурная идентичность в современной России: истоки, особенности, перспективы Санкт-Петербург: Алетейя. С. 96-109.

Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад за 2015 год. Ред. В.А. Тишков, В.В. Амелин, В.В. Степанов. М., Оренбург: Университет, 2015. 184 с.

Мосина В.В. 2010. Некоторые причины межэтнической напряженности в Приволжском федеральном округе. - Известия Саратовского университета. 10(2): 43-46.

Павлова Н.А. 2012. Национальный вопрос и моя мама. С. 5-32. - В кн.: Национальный вопрос и моя мама. М.: Даниловский благовестник. 160 с.

Пигалев А.И. 1996. Праздник. - В кн.: Культурология XX век. Энциклопедия. Москва. [Электронный ресурс] - URL: https://gufo.me/dict/culturology/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA [26.09.2020].

Позитивные межнациональные отношения и предупреждение нетерпимости: опыт Татарстана общероссийском контексте. Под ред. Л.М. Дробижевой, С.В.Рыжовой. Институт социологии РАН. Москва - Казань - СПб.: Изд-во Нестор-История, 2016. 152 с.

Рожкова Л.В., Михнева С.Г., Маслов Д.Г. 2017. Межэтнические взаимодействия в поликультурных регионах как фактор обеспечения национальной безопасности. - Logos et Praxis. 16 (2): 82-92.

Рязанова Т.Б. 2010. Проблемы нравственности и этничности (на материале этнопсихологических исследований молодежи). - В сб.: Психология нравственности. Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во ИП РАН. С. 117-142.

Рязанова Т., Сергиенко Е., Гренкова-Дикевич Л., Городечная Н., Барретт М. 2001. Когнитивные аспекты становления этно-национальной идентичности у русских детей и подростков. - В сб.: Развитие

национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков. Под ред. М. Барретта, Т. Рязановой, М. Воловиковой. М.: Изд-во Института психологии РАН. С. 164-196.

Семёнов В.Е. 2015. Социальные ценности, идентичность и полиментальность в современной России. С. 117-136. - В сб.: Национально-культурная идентичность в современной России: истоки, особенности, перспективы Санкт-Петербург: Алетейя. 592 с.

Собкин В.С., Адамчук Д.В. 2006. Методическое руководство для проведения мониторинговых социологических исследований проявления толерантности в подростковой среде. - В сб.: Социология образования: Беседы, технологии, методы. Труды по социологии образования. Т. XI, Вып. XVIII. Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО. С. 105-222.

Солдатова Г.У. 2003. Толерантность: психологическая устойчивость и нравственный императив. С. 4-13. - В кн.: Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности. М.: МГУ. 112 с.

Флоренский П. 1977. Философия культа. - Богословские труды. 17.

Получена / Received: 10.09.2020
Принята / Accepted: 30.09.2020

Humanity space *International almanac* VOL. 9, No 4, 2020: 415-428

DOI: 10.24412/2226-0773-2020-4-415-428

Задачи воспитания старшеклассников*

И.В. Тихоновский

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
127051, Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1
Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities
Likhov lane, 6, build. 1, Moscow 127051 Russia
e-mail: igortix@mail.ru

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, поликультурное пространство, патриотическое воспитание старшеклассников, традиции народов России.
Key words: spiritual and moral education, multicultural space, Patriotic education of high school students, traditions of the peoples of Russia.
Резюме: В статье рассматриваются задачи патриотического и духовно-нравственного воспитания старшеклассников в условиях поликультурного пространства.
Abstract: The article deals with the problems of Patriotic and spiritual and moral education of high school students in a multicultural environment.
[Tikhonovsky I.V. Tasks of educating high school students* **]**

Проблема культурного и духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения в поликультурном пространстве издавна волновала выдающихся мыслителей, педагогов, ученых, писателей, общественных деятелей различных стран мира.

Проведенный анализ педагогической литературы показал, что при достаточно полном описании содержания народных патриотических традиций их сущность рассматривается учеными в самых общих чертах. В связи с этим, в исследованиях в определенной степени объясняется и отсутствие глубины и понимания в разработке механизмов использования народных патриотических традиций в практической деятельности образовательных учреждений.

Народ есть, не только совместное живущее население, но

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества № 19-1-022083.
The article was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for the development of civil society No. 19-1-022083.

и совместно действующая общность, имеющая общий язык и культуру и общие судьбы. В связи с этим в народной памяти надолго удерживаются события, которые коснулись всего народа, в которых он принял участие и через это совместное участие почувствовал себя единым целым. Но такие события обыкновенно не проходят бесследно не только для народной памяти, но и для народной педагогики.

Народные традиции, легенды, сказания, песни, эпос, фольклор так или иначе передают явления истории и становятся отражением общественного сознания народа.

Таким образом, есть основания рассматривать проблему данного исследования с точки зрения синтеза педагогики и истории народа. С исторической и педагогической точек зрения воспитание гражданских и патриотических чувств у юных граждан любого общества восходит своими корнями в далекое прошлое. Историю материальной и духовной жизни любого народа, живущего на территории сегодняшней России, нельзя рассматривать в отрыве от жизни и истории русского народа, а жизнь русских - без учета тех особенностей, которые совершались в истории и жизни совместно-проживающих народов. По условиям своей исторической жизни и географической обстановки русское население распространялось, переселяясь на новые места. При каждом таком передвижении оно попадало под действие новых условий, вытекавших как из этно-социальных и природно-географических особенностей края, так и из новых отношений, какие завязывались на этих местах. Эти местные особенности и отношения при каждом новом размещении народа сообщали народной жизни особое направление, особый склад и характер.

Патриотическое мировосприятие прежде всего основывается на исторической памяти, на религиозном осмыслении событий в жизни народа, на воспоминаниях и наиболее ярких эпизодах прошлого народа. Речь идет не о случайном наборе фактов, а о событиях, которые люди не без основания выстраивают в один ряд. Можно задаться вопросом: следует ли считать подобный способ исторического мышления недавно возникшим - или патриотические традиции были значительным фактором общественного сознания уже в древние

времена? Иначе говоря, вспоминали ли в час Куликовской битвы о героях Невы и Ледового побоища? Как отозвались ратные подвиги предыдущих веков в умах и сердцах людей при становлении единого Российского государства? Этот исторический ряд можно продолжить, включая в него Смутное время, петровские баталии. Отечественную войну 1812 г. Опираясь на свидетельства исторических источников, попытаемся рассмотреть поставленную проблему. Необходимо при этом сделать два предварительных замечания. Во-первых, следует признать, что до недавних пор тема патриотизма освещалась в российской литературе без учета религиозного фактора, имевшего в течение веков исключительно важную роль в формировании патриотических традиций народов. Во-вторых, для нашей темы важно выявить хотя бы в общих чертах отношение людей разных эпох к своему Отечеству как к исторической реальности. Если для позднейших времен данный вопрос более или менее ясен, то более отдаленная история с этой точки зрения заслуживает большего внимания.

Разделение общин на семьи и увеличение сословных различий привело к превращению равного и всеобщего воспитания в семейно-сословное воспитание, произошла замена общественного воспитания детей семейным воспитанием, как основы гражданского воспитания. Семья во главе с отцом стала центром воспитания и обучения детей. Дети наследовали виды занятий своих родителей - земледелие, охоту, скотоводство, ремесла. В связи с этим, имея единые традиции, подходы к воспитанию всё более различались в зависимости от общественной принадлежности: у рядовых членов семьи и ремесленников главным считалось трудовое и нравственное воспитание, наследственное ученичество; духовное воспитание, у духовенства на примере святых подвижников и национальных героях; у знати подготовка к ратному делу и руководству простыми соплеменниками; у ученых монахов умственное воспитание и овладение культовыми знаниями. Носителями подобных идеалов являлись герои эпосов и сказок: Никита Кожемяка, Иван-Царевич.

Н.А. Бердяев утверждал, что в развитии личности, обучении и воспитании молодежи общую роль играет познание

истории. Все, что окружает человека, сопутствует ему в жизни: религия, национальность, государственность, культура, история, не только его собственная, но и народа, человечества, прошлое и будущее - все это сконцентрировано в личности (Бердяев, 1918). Отсюда следует вывод, что забвение истории - забвение самой личности, отказ от истории - отказ от самого себя. Это положение выдающегося философа особенно актуально звучит сегодня.

Патриотизм всегда сопряжен с историей своего народа, его героизма и самоотдачи на благо совей Родины. Подростку нужны герои, нужны те честные, открытые люди, на которых он мог бы равняться. Мы должны подать нашу историю в личностях разных эпох. Подросток всегда хочет равняться на взрослых и этим надо пользоваться. Для его возраста характерен максимализм и именно на этом этапе развития человека и гражданина необходимо показать связь между народом, его историей, Церковью как носителем духовно-нравственных ценностей, и государством с его скрепляющим законом все Отечество.

Понятие патриотизм наиболее точно определил Н.М.Карамзин: «Патриотизм есть любовь ко благу и славе Отечества и желание способствовать им во всех отношениях» (Карамзин, 1964: 282). Похожее определение дает В.С.Соловьев: «Ясное сознание своих обязанностей по отношению к отечеству и верное их исполнение образуют добродетель патриотизма» (Рощин, 2006: 58). Исходя из этих определений, суть любви к Отечеству состоит в понимании главных задач, стоящих перед обществом и государством, в неустанной борьбе за их решение. Патриотизм в русском национальном самосознании был связан с жертвенностью, с необходимостью, если надо, отказаться от себя, от семьи. Призыв «положить жизнь за Отечество» звучал в стихах П.М. Карамзина, С.П. Глинки, А.И. Тургенева. В то же время патриотизм чаще всего сопряжен в общественном сознании с военной деятельностью, но незахватнической. В годы правления Петра I патриотизм приобретает характер государственной идеологии, считается выше всех ценностей и добродетелей, а главным девизом россиян становятся слова "Бог, Царь и Отечество". С тех пор воспитание в армии

основывается на положении: русский солдат служит не ради чести и славы своей или императора, а в интересах государства Российского. «Вот пришел час, который решит судьбу Отечества, - обращался Петр I к воинам перед Полтавской битвой. - И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество... А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе, для благосостояния вашего...» (Соловьев, 1994: 117).

Патриотизм - как отношение к Родине, Отечеству. Гражданственность и патриотизм - явления общественные и они тесно связаны с нравственными, духовно-церковными и политическими категориями, с социальными нормами жизни. С точки зрения социально-философской категории, связь гражданственности и патриотизма выступает как общественно-историческое явление. В советские времена патриотизм рассматривался как гражданский долг, стремление людей к экономическому, социальному и культурному развитию родной страны, как защита ее от иноземных захватчиков (Философская энциклопедия, 1970). П.М. Рогачёв (1974) отмечает, что: «Настоящий патриотизм означает не просто чувство любви к Родине, оно есть, прежде всего, высокое сознание гражданской ответственности за судьбу Родины, глубокое убеждение в необходимости подчинить интересы каждого интересам всех». Исследования А.В. Русецкого показывают, что патриотизм можно рассматривать как феномен, состоящий из двух частей: эмоционально- психологической (чувство любви к Родине) и рационально-идеологической (осмысление идей, действий на укрепление Отечества) (Художественная культура и развитие личности, 1978: 43)· Отсюда следует вывести два ключевых понятия - «Родина» и «Отечество». Отечество выступает как социально-политическое явление, связанное с общественными отношениями, историей развития народа. Родина как понятие отражает «естественную» сторону патриотизма, связанную с местом, где родился и вырос человек, с языком, верой и культурой этноса. Отечество, как одна из сторон патриотизма, имеет непосредственный выход на гражданственность. Поэтому правы некоторые исследователи, утверждающие, что

патриотизм - это любовь к Родине и верность Отечеству (Ипполитова, 2000: 198). Проблема отношений выступает связующим звеном между патриотизмом и гражданственностью, а, следовательно, и в гражданско-патриотическом воспитании. В.Н. Мясищев отмечал: «Важнейшая социально-психологическая проблема воспитания нравственного характера заключается в формировании устойчивых, доминирующих, определяющих поступок нравственных отношений... Отношения людей формируются в процессе их взаимодействия» (Мясищев, 1995: 166). Отношения выступают как ценность, как средство взаимосвязи частей воспитания, в том числе патриотизма и гражданственности, а следовательно, гражданско-патриотического воспитания, результатом которого являются отношение к обществу, природной среде, государственной системе, к другим людям, к себе, своим правам и обязанностям. Связь патриотизма и гражданственности на социально-философском уровне проявляется в триаде: в формировании сознания, отношений и поведения. Гражданско-патриотическое сознание формируется на основе присвоения общественных ценностей, в том числе нравственных, правовых норм отношений, национальных и религиозных обычаев и традиций. Отношения отражают позицию в форме установки, ориентации на патриотические, духовные ценности. Нравственные и духовные ценности выступают как гражданские ценности. Поведение личности выступает средством и результатом гражданско-патриотического воспитания, которое можно характеризовать через направленность личности, ее потребности и ценностные ориентации. В социуме устанавливаются, утверждаются соответствующие ценностные представления о нормах отношения к Родине, Отечеству, общественному и государственному устройству, к их требованиям и нормативам, которые выступают связующим звеном между гражданственностью и патриотизмом. Организация присвоения личностью духовно-нравственных норм, основанных на традиционной религии Православия и неразрывно с ней связанным мировоззрением русского человека - главная цель воспитания гражданственности и патриотизма, следовательно, и гражданско-патриотического воспитания

молодежи в целом. Рассмотрение с социально-философских позиций единства патриотизма и гражданственности показывает, что они основываются на единстве духовного (любви к Родине) и предметно-практического (верности Отечеству). В Предметно-практической части проявляются результаты воспитательного процесса. При рассмотрении педагогического аспекта связи гражданственности и патриотизма также нет однозначного подхода. В.Г. Крысько отмечает, что «патриотизм - сложное явление общественного сознания, связанное с любовью к Родине, Отечеству, своему народу, которое проявляется в виде социальных чувств, нравственных и политических принципов жизни и деятельности людей. Содержанием патриотизма выступает любовь к Отечеству, преданность Родине, гордость за ее прошлое и настоящее, готовность служить ее интересам и защищать от врагов» (Крысько, 2001: 323-324). В тоже время В.А. Мижериков отмечает: «К основным элементам гражданственности относятся нравственная и правовая культура, выражающаяся в чувствах собственного достоинства, внутренней свободы личности, дисциплинированности, в уважении и доверии к другим гражданам и к государственной власти, способности выполнять свои обязанности, гармоничного сочетания патриотических, национальных и интернациональных чувств» (Мижериков, 1998: 99). В том и другом высказываниях явно сквозит нерасчлененный подход к воспитанию патриотизма и гражданственности.

Такой подход мы встречаем и в психолого-педагогическом словаре, в котором патриотизм рассматривается как «чувство любви к своему Отечеству, готовность подчинить свои личные и групповые интересы общим интересам страны, верно служить ей и защищать ее» (Мижериков, 1998: 317). В педагогических работах советского периода доминирует нерасчлененный подход в понимании гражданственности и патриотизма. Так, Т.А. Ильина патриотизм рассматривает как любовь к Отечеству, как сильное человеческое чувство, как высшее проявление идейности и политической сознательности (Ильина, 1984: 105). Многие элементы этого понятия, такие как Отечество, идейность, политическая сознательность, в равной

мере относятся как к патриотизму, так и гражданственности. Следует отметить, что в педагогике советского периода, явно или скрыто, но связь гражданственности и патриотизма прослеживается по следующим направлениям:

-нравственное воспитание, как система овладения нормативными правилами поведения и отношений, что присуще воспитанию патриотизма и гражданственности;

- формирование идейно-политической направленности личности, что связано с политикой государства и господствующей идеологией в обществе. Связь между патриотизмом и гражданственностью непосредственна;

-процесс воспитания носит целостный характер, так как личность целостна, поэтому единство сторон (нравственной, традиционно-религиозной, патриотической, интернационалистской, гражданственности), их взаимосвязь выступает как естественное явление;

- воспитательный процесс несет на себе печать времени, что относится в равной мере как к воспитанию гражданственности, так и патриотизма. В постсоветских исследованиях воспитание гражданственности и патриотизма рассматривается как социальное явление, ориентированное на общечеловеческие ценности как глобальные процессы. Это прослеживается в работах П.И. Пидкасистого, И.П. Подласого (1999: 166), что ведёт к определённому космополитизму (талантливая молодежь покидает Родину). Обстоятельства нашего общественного развития настоятельно требуют организации воспитания на российских гражданско-патриотических ценностях и отечественном менталитете. Кроме того, выделение эмоционально-чувственного элемента в патриотизме личности связано с формированием социальных чувств. Чувства патриотизма формируются с раннего детства. Дальнейшее развитие патриотизма, особенно в старших классах, связано с становлением гражданственности, с ориентацией личности на отечественные духовные и социальные ценности. Выделение в структуре личности интеллектуального, религиозного, эмоционального, волевого, действенно-практического аспектов дает основание для рассмотрения гражданско-патриотического воспитания с позиции

формирования национального сознания, развития эмоционально-мотивационной сферы, волевых практических действий. Интеллектуальная сторона воспитания гражданственности и патриотизма связана с ориентацией личности на нравственно-правовые ценности. К таким ценностям следует отнести: долг, обязательность, верность слову, порядочность, преданность социальным институтам, руководство социальными принципами в поведении и отношениях, законопослушание. Все ценности имеют непосредственный выход на удовлетворение потребностей гражданина-патриота. Содержательная сторона воспитания гражданственности и патриотизма выступает в форме информации, установки, ценностных ориентации и убеждений личности. Убеждения в интеллектуальной сфере выполняют интегративную функцию, консолидируют информацию и эмоциональные отношения, а вместе с этим патриотизм и гражданственность. Эмоционально-волевой компонент - один из важнейших факторов, обеспечивающих единство и взаимосвязь гражданственности и патриотизма. Нравственные и духовные чувства выступают как переживания личности, исходя из ее отношений к действительности, к социуму, коллективу, его членам, к себе, государственным институтам, выполняющие функцию регулятора взаимодействия. Следовательно, эмоционально-волевой компонент имеет непосредственный выход на гражданственность и патриотизм. Воспитание гражданственности и патриотизма развивающихся личностей связан с включением их в систему социальных отношений, имеющие общественную ценность. Действенный компонент позволяет приобрести опыт отношений, ценностных ориентации. А.Н. Леонтьев отмечает: главное, что отличает одну деятельность от другой, состоит в различии их предмета. Предмет деятельности придает ей определенную направленность. Предмет деятельности есть действительный мотив деятельности. За мотивом всегда стоит потребность (Леонтьев, 1974: 123). Нам представляется, что воспитание патриотических чувств является ведущим в формировании направленности личности, в гражданской позиции. Ядро направленности личности включает в себя: принципы,

потребности, ценностные ориентации, идеалы, убеждения. Ядро, уровень его развития отражает степень гражданской, патриотической зрелости личности. Мотивационно-потребностная сфера воспитания выступает как фактор развития направленности личности на гражданско-патриотические ценности. Начиная с древности, русские исследователи обращают внимание на нравственный аспект военно-патриотического воспитания. Так Епифаний Славинецкий как и последующие исследователи, рассматривал гражданское воспитание как важную сторону нравственного воспитания детей. «Гражданство обычаев детских» - замечательное педагогическое произведение. В нем говорится, что соблюдение детьми правил общежития является отражением их высоких внутренних качеств: благорасположения и уважения к людям, сдержанности, сознания чувства собственного достоинства и т. п. Огромное внимание уделялось военно-патриотическому воспитанию, хотя так оно в то время не называлось, а было просто ратным делом. Десятки поколений молодых людей в нашей стране воспитывались и будут воспитываться на примере жизни и боевого наследия выдающегося полководца, учителя русских воинов А.В. Суворова, который оставил нам непревзойдённые методы обучения и воспитания воина-патриота.

В то же время героические события отечественной истории, выдающиеся достижения страны в области политики, экономики, науки, культуры и спорта в прошлом ещё сохранили качества нравственных идеалов, что создает реальные предпосылки для разработки комплекса мероприятий по патриотическому воспитанию граждан с учетом сложившихся к настоящему времени тенденций, связанных с консолидацией общества и подъемом патриотизма, переносом усилий по патриотическому воспитанию в регионы, общественность которых демонстрирует негативное отношение к сепаратизму. Специфика патриотического и духовно-нравственного воспитания приобретает сегодня исключительную значимость, поэтому возникла необходимость принятия кардинальных проектов и программ по патриотическому воспитанию, призванных обеспечить:

- развитие чувства любви, гордости за свой город и край, ответственности за их судьбу, сопричастности к решению проблем социума;
- сплочение, консолидация усилий молодежных структур и организаций, направленных на решение задач социально-экономического и культурного развития города и края;
- целенаправленность духовного, интеллектуального потенциала молодёжи на созидательно-творческую деятельность;
- обеспечение преемственности поколений, сохранение и приумножение лучших традиций и их характерных качеств. Для реализации этого необходимо:
- формировать у молодежи гражданско-патриотические чувства, гордость за принадлежность к великому народу, к его истории и культуре;
- приобщать молодежь к духовным ценностям России, развивать их творчески созидательную потребность, практическую смекалку, создавать условия для самовыражения, личностного развития;
- активно использовать созидательный потенциал многокультурного общества к цивилизованному развитию общества. Основной путь воспитания достойных граждан и патриотов - это формирование проектируемых качеств через учебно-прикладную, созидательную деятельность образовательных учреждений, где учащийся находится большую часть времени

Важным компонентом в воспитании является проведение краеведческих, религиозно-этнических, различных патриотических мероприятий и гражданских акций в системе общественно полезной, трудовой деятельности, в том числе в процессе дополнительного образования и в сфере общественных организаций. Такую значимость представляет проведение нами в рамках Президентского гранта «Поволжье - регион добрососедства» культурологического исследования «Духовное краеведение», где старшеклассникам предлагается найти в своем родном регионе те святыни, которые чтили их деды, те места и культовые сооружения, которые формировали культуру

и мировоззрение народов нашей страны. Старшеклассник должен увидеть и пропустить через себя тысячелетнюю историю и любовь к своему краю и тем людям, которые создавали и защищали свой край. Мы делали опросы старшеклассников по вопросам межрелигиозным и межэтническим вопросам. Также вопросы касались героического прошлого и настоящего. Старшеклассникам предлагается сделать исследовательскую работу, ограниченную своим регионом на любую тему, связанную с их родным краем. Темы делились по направлениям: памятники истории и великой Отечественной войны; религиозные культовые здания и религиозные деятели; деятели литературы и культуры региона. Необходимо было разбудить в старшеклассниках интерес к своему региону и его истории. Нам это удалось сделать.

Задачи этнокультурного и культурологического подходов в воспитании старшеклассников позволяют идентифицировать себя, свое мировоззрение со святынями религиозных и этнических культур в поликультурном пространстве. Грант Президента «Поволжье - регион добрососедства» позволяет реализовать задачи воспитания в старшеклассниках понимания ценности исторических, религиозных, этнических и культурных памятников в условиях поликультурного региона. Исследование затронуло три региона Поволжья – Ярославская область, Астраханская область и республика Татарстан. В этих регионах достаточно разнообразен полиэтнический и поликультурный слой общества, поэтому очень важно акцентировать свое внимание в исследовании со старшеклассниками на изучение памятников религий и культур, как например, православные храмы, мусульманские мечети, синагоги и протестантские кирхи. Также очень важно дать старшеклассникам задачи изучения великих исторических и героических персоналий, живших на данных территорий. Тем самым мы сформируем у старшеклассников историческую память и уважение к ней в условиях полиэтнического и поликультурного пространства.

Отдельным вопросом в задачах воспитания старшеклассников становится формирование уважительного отношения к иноверцам и иным национальностям. Формирование такого отношения в поликультурном

пространстве, на наш взгляд, должно складываться из знаниевого подхода и культурологического подхода. Конечно, говоря о задачах воспитания старшеклассников, необходимо указать и личностно-ориентированный подход в воспитании.

Знаниевый подход предполагает овладение системными знаниями, умениями, навыками, применения их элементов в решении дидактических задач, что позволяет быстро ориентироваться в обновляющихся знаниях и применение их в решении практических задач.

Фундаментом нашего исследования является культурологический подход в воспитании старшеклассников, так как формирование полноценной личности невозможно без учета её религиозного, этнического склада, а также психологических особенностей, традиций и обычаев этноса в условиях поликультурного пространства.

В связи с этим, при решении задач воспитания старшеклассников, мы опираемся на духовно-нравственные ценности народов России, их сознания, исторические ценности, религиозность, народную мудрость и традиции.

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н.А. 1918. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности / Николай Бердяев. М.: Изд. Г. А. Лемана, С. И. Сахарова. [4], V, [3], 240 с.

Ильина Т.А. 1984. Педагогика: курс лекций. [Для педагогических институтов]. М.: Просвещение. 495 с.

Ипполитова Н.В. 2000. Теория и практика подготовки будущих учителей к патриотическому воспитанию учащихся. Дисс. … доктор педагогических наук: 13.00.08. - Челябинск: ЧелГУ. 380 с.

Карамзин Н.М. 1964. О любви и отечеству и народной гордости. - В кн. Карамзин Н.М. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л.: Художественная литература. Т. 2: 280-287.

Крысько В.Г. 2001. Социальная психология: словарь-справочник. Мн.: Харвест. М.: АСТ. 688 с.

Леонтьев А.Н. 1975. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат. 302 с.

Мижериков В.А. 1998. Психолого-педагогический словарь: для учителей и руководителей общеобразовательных учреждений. Автор-составитель: В.А. Мижериков; [под ред. П. И. Пидкасистого]. Ростов-на-Дону: Феникс. 540 с.

Мясищев В.Н. 1995. Психология отношений : избранные психологические труды. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО

МОДЭК. 356 с.
Подласый И.П. 1999. Педагогика. Кн. 2. М.: Владос, 256 с.
Рогачев П.М., Свердлин М.А. 1974. Патриотизм и общественный прогресс. М.: РШЛ. 270 с.
Рощин А.Н. 2006. Гражданско-патриотическое воспитание подрастающего поколения в истории педагогической и общественной мысли России. Дис. … кандидата педагогических наук: 13.00.01. Москва. 169 с.
Соловьев В.С. 1994. Национализм. Патриотизм. (Из энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона). - Новый Вавилон. №1.
Художественная культура и развитие личности. М.: Мысль, 1978. 211 с.
Философская энциклопедия. Т. 4. М.: ИСЭ, 1970. 921 с.

Получена / Received: 05.09.2020
Принята / Accepted: 30.09.2020

Humanity space *International almanac* VOL. 9, No 4, 2020: 429-437

DOI: 10.24412/2226-0773-2020-4-429-437

Патриотизм как цель воспитания старшеклассников*

И.В. Тихоновский

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
127051, Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1
Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities
Likhov lane, 6, build. 1, Moscow 127051 Russia
e-mail: igortix@mail.ru

Ключевые слова: патриотическое воспитание старшеклассников, великая Отечественная война, историческая память, проблемы гражданственности и патриотизма.

Key words: Patriotic education of high school students, the great Patriotic war, historical memory, problems of citizenship and patriotism.

Резюме: В статье рассматриваются задачи патриотического и гражданственного воспитания старшеклассников в условиях поликультурного пространства на примере исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Abstract: The article deals with the problems of Patriotic and civic education of high school students in a multicultural environment on the example of the historical memory of the great Patriotic war.

[Tikhonovsky I.V. Patriotism as the goal of educating high school students***]**

Какие бы сложные, противоречивые, а порой и разрушительные, процессы ни происходили в нашем обществе в переходный период, как бы ни складывались отношения между людьми разных поколений и социальных слоев, всегда остается актуальной проблема гражданско-патриотического воспитания российской молодежи. Решение этой задачи возможно лишь при условии формирования качественно новой системы общественных отношений, создания жизненной среды, объективно стимулирующей воспитание личности интеллектуально активной, высоконравственной, разносторонне профессионально подготовленной и не сомневающейся в самоценности своей жизни. Становление и развитие личности происходит в социокультурном пространстве, как процесс

---

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества № 19-1-022083.
The article was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for the development of civil society No. 19-1-022083.

выборочного присвоения ценностей социокультурного сообщества, основанного на духовных традициях в условиях поликультурного пространства. Наше социокультурное пространство многонационально и многоукладно. Поэтому воспитание гражданственности и патриотизма следует рассматривать как с интернационалистских, так и с интерсоциальных позиций. В повседневной практике гражданственность рассматривается как отношение личности и общества к государству и властным структурам. Патриотизм - как отношение к Родине, Отечеству. Гражданственность и патриотизм - явления общественные и они тесно связаны с нравственными и политическими категориями, с социальными нормами жизни. С точки зрения социально-философской категории, связь гражданственности и патриотизма выступает как общественно-историческое явление. В советские времена патриотизм рассматривался как гражданский долг, стремление людей к экономическому, социальному и культурному развитию родной страны, как защита ее от иноземных захватчиков (Философская энциклопедия, 1970).

Каждое поколение, принимая накопленный предшественниками социальный опыт, вносит что-то новое в систему социально значимых качеств. Анализируя взаимодействие поколений, приходится констатировать, что вступающие в жизнь поколения подчас вносят революционные изменения в привычную жизнь, вызывая качественный скачок в развитии общества. При этом содержание «нового» определяется изменениями, происходящими в обществе. В качестве основных факторов при формировании патриотических и гражданских качеств, влияющих на этот процесс, можно выделить следующие взаимосвязанные группы макросоциальных явлений:

- социальные изменения, приводящие к появлению новых форм отношений в системе «патриот-государство», «патриот-общество»;
- нравственные, морально-этические изменения, производящие большие изменения в психологии личности и народа.

Именно вокруг этих двух групп глобальных проблем,

определяется развитие общества и степень сознательного вмешательства в жизнь, в окружающий мир, согласования развития, формирования и воспитания патриота, выяснение содержательных аспектов, этапов процесса формирования патриотических чувств и сознания под воздействием управляемых и неуправляемых факторов. Несмотря на извечное стремление человечества подчинить развитие и формирование личности воспитанию, сегодня наблюдается целый ряд тенденций, оказывающих противоречивое влияние на ход и результативность процесса вхождения в жизнь подрастающих поколений. Среди них видим:

- преобладание спонтанных воздействий на личность учащегося вследствие постоянного изменения социальной среды;
- в обществе, приводящее к скептическому отношению к институтам постоянное падение престижа образования и образованности в образования и воспитания со стороны юношей и девушек;
- смещения в приоритетах и стереотипах гражданского и религиозного поведения в сторону игнорирования традиционных систем;
- неопределённость в границах ценного и неумение использовать в условиях интерсоциальности учебных заведений прогрессивных идей этнопедагогики и этнопсихологии;
- ломка структуры педагогического процесса, особенно его методологических и научно-теоретических основ, приведшая к нарушениям. И по вертикали, и по горизонтали, и в содержании, и в формах организации педагогического процесса:
- семья перестает быть примером воспитания ребенка, а ее члены - источником вдохновения и идеала для маленьких членов этой ячейки общества.

В задачу нашего исследования не входит выяснение всех причин неэффективности воспитательного процесса. Речь идет только об основных, непосредственно влияющих на успешность процесса формирования личности гражданина-патриота. Обозначив эти тенденции, попытаемся их конкретизировать, придерживаясь задач исследования. Тенденция преобладания спонтанных влияний, обусловленных быстрым изменением

окружающей, социальной среды, в основном включает возрастную политическую активность населения, которая находит выход в разнообразных социально-политических течениях и в еще более разнообразных формах проявления. Плюрализм и связанное с ним богатство точек зрения на историю, современные явления общественной жизни оказывают на подрастающее поколение сильное и далеко не положительное влияние. При этом необходимо сказать о том, что подростки становятся приверженцами и носителями эмоционально бурно проявляемых течений. С другой стороны, возврат подвергавшихся долгому молчанию идей, исторических фактов, имен также не может оказывать влияние на формирование личности молодых людей. Смешение приоритетов и стереотипов поведения с акцентом на игнорирование и неприятие традиционных форм воспитания и отказ от исторически сложившихся духовных ценностей народов России приводит к дифференцированному подходу к оценке различных качеств личности молодых людей. По утверждению многих исследователей, социологов, философов, педагогов, психологов, создавшийся вакуум быстро заполняется другими негативными качествами, интересами наживы и потребностями частной собственности. Влияние на формирование патриотических качеств данного фактора особенно сильно, так как следование идеалам, образцам поведения - один из самых эффективных путей становления человека, но у современной молодёжи нравственный идеал отсутствует. Появление семейно-ущербной, узко коллективной педагогики, которую мы сегодня наблюдаем, основано на педагогической несостоятельности социального окружения образовательных учреждений, прежде всего родителей, переложивших всю воспитательную работу на них. С другой стороны, духовная ущемленность в связи с невозможностью больше быть с детьми, оказывает на них действенное и постоянное влияние, стремление видеть своих детей лучшими ведут к преднамеренной агрессивности родителей. Неопределённость границ ценного в традиционной культуре наряду с другими негативными причинами приводит к формализму и неблагоприятно сказывается на формировании подрастающего поколения. Незнание основ национального,

интерсоциального в воспитательной работе не может способствовать ее конкретизации, дифференциации, организации индивидуального подхода к ученику. В последние годы, когда влияние к этнопедагогике усилено, учительские коллективы могут получить определенную помощь в своей работе из различных методических разработок (Национально-региональный компонент государственного образовательного стандарта. Мурманск, 2001: 114). Что касается идеала патриота в народной педагогике, то приходится констатировать, что он сегодня уходит из педагогической действительности.

Что же нам делать? Раздается законный вопрос со стороны. В первую очередь необходимо понять и осознать старшему поколению, педагогам, родителям и всему обществу, что мы теряем поколение за поколением. Нужно знать, что именно нынешние подростки придут на смену нам, и уже от них будет зависеть существование России. Как правильно сказал Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II 7 мая 1999 г. в г. Туле, обращаясь к подросткам: «Пусть вера, надежда и любовь никогда не покидают вас. Вера будет укреплять вас на жизненном пути. Никогда не надо терять надежды. И любовь да объединяет всех вас. Мы сейчас смотрим на вас с великой надеждой. От вас зависит, будет ли жить Россия, потому что вам жить в XXI веке, вам строить третье тысячелетие».

Сложнейшие проблемы воспитания гражданственности и патриотизма в настоящий период встают перед современной педагогикой. Одни из них волновали учёных и педагогов издавна и были предметом дискуссий у нас и за рубежом, другие возникли в связи с кардинальными социальными переменами развития общества. Переход от одной официальной методологии, одного обязательного мировоззрения к философскому, педагогическому, историческому плюрализму, исчезновение десятилетиями складывающихся общественных дисциплин, замена их новыми, ещё не до конца обретшими своего предмета, привело к разногласиям среди учёных и практиков. Это касается и современных задач гражданско-патриотического воспитания, которые отмечаются сегодня своей сложностью и противоречивостью. Кризисная ситуация, сложившаяся в посткоммунистическом обществе, сказалась на

формировании негативных тенденций во всех сферах жизни общества. В усилении их значительную роль сыграло отсутствие общероссийской национальной идеи, преемственности в понимании национальных традиций. Стали брать верх стремления к изменению условий ради удовлетворения собственных притязаний и амбиций. Это привело к расколу общества, существовавшего со своими взглядами на жизнь и нравственными устоями. В этих условиях значительно усложнилась возможность духовно-нравственного воспитания молодежи. Вряд ли можно у ограбленного и ставшего нищим гражданина выработать осознание связи и необходимости согласования личного поведения с интересами общества. Для него такие нравственные качества, как честность, принципиальность, чувство совести и долга, достоинства и стыда, уважительное отношение к другим будет иметь такое же значение, как и для других, но методы воплощения их будут иметь соответственную окраску. Следовательно, принципы, нравственные нормы не могут оставаться вечными и неизменными. Все зависит от приоритетных направлений в общественном развитии. В зависимости от них и меняются взгляды, помыслы, представления. Вместе с тем формирование привычек повседневного поведения отдельных лиц, выражающих потребности и интересы большинства населения, остаются вечными проблемами. Решить их можно на основе ценностей, базирующихся на глубоких знаниях традиций народа, преодолении упрощенных представлений о связи прошлого с настоящим. Исторический педагогический опыт убеждает в том, что моральная деградация человека обусловлена отходом от истоков национального мышления и связанных с ним духовных ценностей. Анализ ситуации показывает: проблема формирования гражданского, патриотического мироощущения и миропонимания сегодня осложнена, прежде всего, тем, что:

- дискредитирован в глазах молодёжи образ Родины;
- подвергнуты сомнению дела и свершения старшего поколения;
- разомкнут педагогико-психологический тормоз в сознании и поведении учащихся;

- необоснованно объявлены неэффективными, а то и просто вредными приёмы и формы работы с подрастающим поколением, возникшие в советское время;
- признаны недействительными некоторые, прошлые достижения и успехи педагогической науки;
- изменены в сознании молодёжи нравственные ориентиры;
- сформировалось негативное отношение к армии;
- в процессе депатриотизации зачастую принимают активное участие средства массовой информации;
- сузился круг участников патриотического воспитания, и он ограничен в настоящий момент в основном школой и армией (Рощин, 2006: 107).

Наиболее опасным последствиям в процессе становления патриота является деформация внутреннего мира личности, самых глубинных, жизненных основ существования нашего социума - духовности, нравственности - Отечественная история, её героические события, величайшие свершения, выдающиеся личности, утратили силу нравственного идеала. Произошла потеря российским обществом своего идеала. Вакуум осознания общественной значимости своей деятельности нашей молодёжи заполняется преступными устремлениями, «войной всех против всех». Среди факторов, влияющих на выработку отрицательных жизненных ориентиров мы находим: девальвация ценностей и знаний; переоценка морально-этических ценностей; пересмотр исторических явлений и фактов; полное отрицание положительного опыта советского периода страны; пренебрежение созидательного труда; снижение внимания к воспитанию ответственности; пропаганда насилия, образцов лёгкой жизни; примеров обогащения без затрат труда; обострение криминогенной ситуации; неравные возможности подрастающего поколения в реализации права на образование, труд и социальную защиту. В массовом сознании молодёжи широкое распространение получили апатия и равнодушие, нигилизм и цинизм. Признавая формирование патриота и духовно-нравственной личности как цель воспитания, необходимо определится с направлениями этой работы, важнее всего определить соответствующие задачи. Это может

конкретизировать работу педагога, вооружить его видением первостепенных и более отдалённых перспектив. Задачи патриотического и духовно-нравственного воспитания вытекают из специфики самого процесса, из специфики связей с окружающей макро- и микросферой. Последние представляют собой особую ценность, так как, несмотря на нестабильность общественно-политической ситуации, всегда существует определённый эталон патриотического сознания и патриотического поведения. В свою очередь данный эталон становится развёрнутой перспективой для организации практической воспитательной деятельности.

Проведение патриотических и гражданских акций в системе военной патриотики, трудовой деятельности, в том числе в процессе дополнительного образования и в сфере общественных организаций. Такую значимость представляет проведение нами в рамках Президентского гранта «Поволжье - регион добрососедства» где очень важным делом значится память о наших воинах в Великой Отечественной войне. Мы предлагаем ребятам викторину «Тропой войны», в которой старшеклассники должны рассказать о своих близких родных-участниках войны, что сформирует уважение и преемственность поколений. Дается удобная форма для осознания самим подростком сопричастности с героями из его семьи. Мы делали опросы старшеклассников по вопросам межрелигиозным и межэтническим вопросам. Также вопросы касались героического прошлого и настоящего. В рамках гранта Президента также предлагалась викторина о Великой Отечественной войне, где старшеклассникам предлагалось рассказать о городах-героях, о руководителях страны и их роли в годы войны. Дети должны ответить на вопросы о героях войны и роли религии и духовных традиций народов России в победе над фашизмом. Героические события Великой отечественной войны становятся его личным делом, психо-эмоциальной идентификации с событиями войны. В викторине предлагается сформировать знания и уважение к героям, городам и народам, участвующим в освободительной войне народов России против фашистов. Историческая память народа - вот, что важно донести до наших старшеклассников, нашей

молодежи. И, конечно, нельзя забывать и о наших педагогов, которые необходимо должны нести молодежи любовь и уважение к памяти свершений прошлых поколений нашей Родины. Для этих целей мы проводим семинары для педагогов общеобразовательных школ с целью познакомить и углубить их знания в сфере религиозных культур, межэтнических и межрелигиозных отношений для более эффективного предотвращения экстремистских и фундаменталистских течений в обществе.

Это путь практический, который призван реализовать на практике и в жизни те духовно-нравственные ценности, которые будут формироваться на базе традиционных религиозных культурах народов России и героического прошлого русского народа, того, что составляет русского патриота и духовного человека.

ЛИТЕРАТУРА

Национально-региональный компонент государственного образовательного стандарта: История. Программно-методические материалы. Мурманск, 2001.

Рощин А.Н. 2006. Гражданско-патриотическое воспитание подрастающего поколения в истории педагогической и общественной мысли России. Дис. … кандидата педагогических наук: 13.00.01. Москва. 169 с.

Философская энциклопедия. Т. 4. М.: ИСЭ, 1970. 921 с.

Получена / Received: 06.08.2020
Принята / Accepted: 30.09.2020

Humanity space *International almanac* VOL. 9, No 4, 2020: 438-459

DOI: 10.24412/2226-0773-2020-4-438-459

Нравственный идеал: диалог вечного и временного в душе человека*

О.Е. Серова

Психологический институт Российской академии образования
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4
Psychological Institute of the Russian Academy of Education
Mokhovaya str., 9, build. 4, Moscow 125009 Russia
e-mail: s_olga953@mail.ru

Ключевые слова: нравственный идеал, история отечественной психологии, преемственность исследовательских стратегий, внутриструктурная диалектика психологического явления, интегративная методология.
Key words: moral ideal, history of domestic psychology, continuity of research strategies, intrastructural dialectic of psychological phenomenon, integrative methodology.
Резюме: В статье отражены результаты попытки создания комплексной исследовательской стратегии изучения нравственного идеала, исходящей из понимания культурно-исторической преемственности семантических структур отечественных умозрительно-теоретических учений конца XIX-начала XX вв. и методологического вектора современных психологических трендов на разработку онтологических вопросов психологической науки. Фундаментальным основанием предлагаемой стратегии является смысловое содержание категориально-понятийного аппарата и принципов интегративной методологии, введенные в контекст психологических исследований выдающимися русскими учеными В.А. Снегиревым, Г.И. Челпановым, А.Ф. Лосевым, Н.О. Лосским, обусловливающее возможность аутентичной интерпретации фактов нравственного сознания личности.
Abstract: The article reflects the results of a pilot attempt to create a comprehensive research strategy for studying the moral ideal, based on an understanding of the cultural and historical continuity of the semantic structures of domestic theoretical and theoretical teachings of the late XIX-early XX centuries and the methodological vector of modern psychological trends for the development of ontological issues of psychological science. The fundamental basis of the proposed strategy is the semantic content of the categorical-conceptual apparatus and the principles of integrative methodology, introduced into the context of psychological research by prominent Russian scientists V.A. Snegirev, G.I. Chelpanov, A.F. Losev, N.O. Lossky, stipulating the possibility of authentic interpretation of the facts of the

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества № 19-1-022083.
The article was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for the development of civil society No. 19-1-022083.

moral consciousness of the individual.
[Serova O.E. Moral ideal: the dialogue of the eternal and temporary in the human soul*]

Состояние исследований проблемы нравственного идеала в контексте отечественной психологии последних десятилетий не подходит под определение *mainstream*. Но и говорить о «неактуальности» данной проблемы вряд ли кто рискнет, поскольку только ленивый не пишет сегодня на тему утраты духовной идентичности, девальвации нравственных ценностей, воспитательной несостоятельности образовательных стандартов и проч. Однако фактически существующий социокультурный запрос не стимулирует сегодня активное развитие исследовательской работы в этом направлении. И если, не углубляясь в рассмотрение всех каузальных аспектов формирования наличной ситуации, сосредоточиться на ее логико-научном контексте, то с необходимостью придется зафиксировать тот факт, что наша научная психология не обладает опытом адекватного решения таких проблем как проблема нравственного идеала. И это несмотря на достаточно пристальное к ней внимание советских ученых - философов, психологов, педагогов - и создание обширной базы научной литературы по этой теме. Суть в том, что проблема идеала в тот период раскрывалась исследователями в отчетливо бихевиористском толковании и собственно идеал осмысливался преимущественно только в качестве произвольно конструируемого извне регулятора социальной активности человека в «нужном» направлении. Философы и психологи, отыскивая этико-практическое назначение предметов и явлений, или тот их «смысл», который «детерминирует поведение», достаточно декларативно относились к важнейшему условию, выделенному в свое время С.Л. Рубинштейном, - условию соотносительности «того, *что* имеет значение, с тем, для *кого* оно это значение имеет» (Рубинштейн, 1997: 191). И главное здесь - это отсутствие безусловности понимания того, что этот «*кто-то*» - самоценная личность человека, которая в существе своем принадлежит сфере духа и идеалов. Утверждение духовной основы человека, - все еще очень смелое для современной психологии, так и не сумевшей до конца

отрешиться от отожествления личности только с социальным планом ее проявлений, - было общепринятым до начала XX века в отечественной психологической науке, коренящейся в традициях православной культуры самонаблюдения и самосознания. Самобытная русская мысль органично развивала христианскую интерпретацию платоновского «учения об идеях» и заново прошла путь рефлексии своей причастности к этому направлению в трудах выдающихся философов начала XX века - кн. С.Н. и Е.Н. Трубецких, Л.М. Лопатина, В.Ф. Эрна, В.В. Зеньковского, Л. С. Франка и др. (Серова, 2018).

Понятно, что в прокрустовом ложе материалистической парадигмы была невозможна адекватная постановка проблемы нравственного идеала как предмета научного осмысления. И вот монополия ее разрушена, однако на смену материалистически прямолинейной, но все же фундаментальности заступил социокультурный контент, уже фактически отожествленный с психологической наукой вообще. А в его плоскостном пространстве состояние мышления в теоретико-умозрительных категориях не оказывается уже столь необходимым. Значит - опять же - ни адекватная постановка, ни полноценное рассмотрение фактов духовной сферы и нравственного сознания в масштабе нагрянувшего «западного» варианта психологии просто методологически невозможно.

И еще. Идеал - источник и составляющая нравственного опыта. Объективистское же отсутствие в современной психологии точных определений, что называется, по «оси ординат» лишает описание духовных и нравственных явлений всякого смысла. Как признаются сами исследователи, в конвенциональном пространстве современной методологии они, интуитивно опираясь на здравый смысл и достижения мировой гуманитарной культуры, наполняют определенным содержанием свои представления о нечто «высшем» и «низшем», и по умолчанию исходят в своей работе из этого знания. Потому что понятийный аппарат современной психологии, давно заблудившейся в лабиринтах «амбивалентности», нужных определений дать не может. В редуцированном по параметру качественности методологическом поле научной психологии невозможно

полноценное рассмотрение такого явления как идеал. Ведь в пространстве, *лишенном существенной качественности* все будет стремиться стать всем. И понятие совершенного состояния, в приложении к индивидуальному сознанию будет означать полное преодоление границ между единичным и общим, частью и целым, трансцендентным, созерцаемым и чувственным, эмпирическим миром. Возможно реальное достижение такого идеала? Возможно. По существу, это освобождение фактов психического от ограничений самосознания - внутренняя жизнь становится потоком сознания, сознанием как оно есть, сознанием, освобожденным от личности. Переход психики в *такое* идеальное состояние называется нирвана. Вот тот идеал, для констатации и изучения которого более или менее подходит методологический арсенал современной психологииа. С.Ю. Лепехов в своем исследовании также поднял вопрос о вплетении восточной духовной традиции, например, в теоретический арсенал классической философской западноевропейской мысли и пришел к выводу о необходимости «учитывать более широкий исторический и культурологический контекст, оценивая позиции немецких мыслителей в отношении к Востоку и его присутствию в немецкой философии» (Лепехов, 2018: 43).

Для того, чтобы расставить столь необходимые (хотя в процессе познания никогда не окончательные и всегда промежуточные) точки над “i” в вопросе действительной *полноты* понимания проблемы идеала, имеет смысл обратиться к истории отечественной психологической мысли, а именно - к наследию уникального русского ученого и богослова В.А. Снегирева (1841-1889). В труде «Психология» (1893) ученым была представлена очень емкая по смыслу своего содержания концепция идеала. Эта концепция отразила основные черты его научного подхода, в котором «созерцание мира высшего, выходящего за пределы чувственного, феноменального бытия, было дополнено реальными доказательствами, сообразными с изменившимся понятием о физической вселенной» (Несмелов, 1889:154). Как будет показано ниже, В.А. Снегирев сумел отразить внутреннюю диалектику идеала: предвечность и порождение,

противоречивое мыслительное единство представлений мира горнего и земного в душе человека.

Изначально система понятий об идеале проф. В.А. Снегирева принадлежит *метафизической вертикали* «добро - зло», где согласно православному миропониманию, содержание понятия добра прямо связывается с идеей *возвышения*, «отражающего в себе совершенство действующей личности как духовного существа» (Снегирев, 2008: 618), а понятие зла - с вторичной по отношению к понятию добра идеей *падения* как несовершенства (болезненного расстройства) творящей зло личности. Хотелось бы подчеркнуть: без идеала для человека невозможно различение добра и зла. Именно с этим связана многолетняя кампания по дискретизации нравственного идеала, свидетелями которой все мы являемся в наше смутное время. При этом подчеркнута исходная дифференциация содержания идеи добра и зла от множества привходящих содержаний - представлений о житейских радостях и пользе или несчастье и вреде, выступающих только случайными приложениями к той первоначальной идее, в которой задана и в неявленном виде содержится будущее понятие идеала (представление, образ).

Мыслительным истоком генезиса понятия идеала выступает идея той предельной духовной высоты, на которую может подняться личность, т.е. идея совершенства личности вообще, и, соответственно, идея низшего уровня, до которого может пасть личность, или идея несовершенства вообще. Однако формулировка «вообще» не указывает на «отвлеченность» данной первоначальной идеи, по той реальной причине, что в опыте совсем нет материала, подлежащего обобщению для создания абстрактной идеи. Соответственно, «идея совершенства… необходимо… превращается в ***идеал***, является в форме идеала - идеальной личности» (Снегирев, 2008: 768).

Но по совокупности каких качеств мы можем указать на личность как на совершенную? Ведь даже многократное увеличение представлений о личном счастье вплоть до всеблаженства или представлений о личной деятельности вплоть до ее оценок как «абсолютно разумной и полезной» все

же недостаточно для создания «портрета» такой личности. По Снегиреву, совершенство есть ***всестороннее*** **и** ***бесконечное развитие всех духовных сил*** идеальной личности. Т.е., идеал - образ совершенства духовной природы человека.

Как уже было сказано, сколько бы мы не пытались внешним эмпирическим путем найти материал для построения такого умственного понятия как идеал совершенства, любая подобная попытка в нашей всегда несовершенной действительности обречена на неудачу. Если идеал совершенства не имеет реальных оснований появиться извне, но существует, следовательно, остается единственный путь для его создания - внутренний. Это значит, что он может сложиться в человеческом духе как результат интуиции и созерцания. Его исходным моментом может быть только самонаблюдение. А значит его «материалом» - результаты (само)наблюдения за силами и свойствами личности. Иными словами, идеал может быть создан только самой личностью, ее духом. Так каково отношение идеала к личности? «Идеал… может быть только полной и нераздельной ***собственностью личности духовной***» (Снегирев, 2008: 621).

Но из установленного отношения *принадлежности* прямо следует, «что человек как человек, т.е. мыслящий и творящий или просто фантазирующий дух, не может обойтись без идеала, *не* может *не* создать его в такой или другой форме. Другими словами, идеал составляет нераздельную и необходимую часть человеческого духа, необходимую часть его содержания, содержания личности» (Снегирев, 2008: 621).

Но не свидетельствует ли тезис о *необходимости* идеала как элемента духовной природы личности об его изначальной прирожденности человеку? Безусловно, - идеал прирожден человеку. Но тогда: человеку изначально прирожден сам «***источник его нравственного развития»*** (Снегирев, 2008: 622).

Проследить процесс образования идеала также можно, опираясь на универсальное знание об «организационном плане» становления всего живого как осуществления в каждом организме идеала его природы (понятия энтелехии, телеологии). Такой идеал «возрастания», или план бытия присутствует и в

человеческом духе. Но дух в отношении своего «организационного плана» - и в целом, и в частностях, - в отличие от органической природы, активен и сознателен.

На разных ступенях своей жизни с разной степенью отчетливости он сознает и свою *целостность*, и свой *каждый элемент.* Доказательством первого служит присутствие идеи «я», или идеи личности у любого человека, доказательством второго - существование у любого человека понятий о мышлении, памяти, чувствах и т. п.. Точно так же с разной мерой ясности человеческий дух осознает и ту совершеннейшую форму бытия, к которой он должен стремиться, и которая лежит в его основе как творческий план развития. И «это сознание лежащего в основе жизни духа… ***организационного плана как конечной цели его бытия»***, или «это представление совершенства конечной цели человеческой природы… ***дает начало тому, что называется идеалом»*** (Снегирев, 2008: 624).

Ответ на необходимо возникающий вопрос о том, как дух может сознавать то, что еще не наступило на данном конкретном этапе его жизни, тесно связан с пониманием основной деятельности духа - творчеством. Идеал есть результат духовного творчества: «Как бы сквозь увеличительный прибор фантазии творящей, дух созерцает в зародыше свое будущее величие, совершенство, созерцает, конечно, сообразно со степенью своего развития» (Снегирев, 2008: 624). Приближенно к современному пониманию, творчество духа по осознанию идеала может быть интерпретировано через понятие гиперболизации: воссоздание духом «методом» гиперболизации на основе уже имеющихся в его созерцании элементов образа того, чем он должен стать и быть всегда (в данном случае гиперболизация носит предельный характер). Т.е. идеал «извлекается» (определение В.А.Снегирева) духом из своего собственного содержания.

Живущий в душе образ идеала предписывает особую драматургию всем проявлениям человеческой деятельности, так как требует постоянного *сравнения* с собой всех действий человека. Сравнение можно толковать как специальное психическое приспособление, заложенное в идеале, как

работающий «психический орган». Сопоставление с идеалом в обычных условиях протекает незаметно для сознания - постоянно, моментально и автоматически, и только в критических условиях этот процесс замедляется и становится доступен осознанию. Работа механизма сравнения приводит к возникновению *оценки* приближенности/ отдаленности *всякого действия* к идеалу совершенства (а значит к добру или злу). Оценка эта совершается *непосредственно* в подлинном смысле этого слова: «как сознание тепла или холода, вообще изменений температуры, причем мерою, масштабом является здесь никак уже не опыт, а определенная, нормальная или ненормальная температура организма, данная в непосредственном сознании, помимо всякого опыта внешнего, в опыте внутреннем» (Снегирев, 2008: 626).

Оценка соотношения с идеалом осуществляется как таковая - без учета последствий, из нее вытекающих. *Непосредственность* характера этой оценки сравнима с непосредственностью ощущения здоровья или болезни, бодрости или усталости и т.п. Православным русским человеком оценка добра и зла всегда называлась *чувством*, причем *естественным,* присущим любой личности, или ***нравственным чувством***.

Рассмотренный выше сопоставительно-оценочный механизм - явление всецело психическое - есть ***внутренний орган нравственного чувства***. У человека уровень его развития, как и нравственного чувства, хотя и зависит в первую очередь от степени ясности и отчетливости осознания им идеала, но во многом также формируется под влиянием факторов социальной среды. А оно может иметь как поддерживающий, так и разрушающий характер. Потому и нравственный орган, и нравственное чувство могут давать не только адекватную, но и иллюзорную оценку (т.е. принимать добро за зло и наоборот). Но всегда по условиям своего существования они включены в состав каждой из естественных сил и способностей человеческого духа. Потому поиск методов для тщательного их изучения и поиск средств для правильного их воспитания, на основании полученных знаний об их природе, - это важнейшая и непреходящая задача, решением которой

занималось и занимается не одно поколение людей.

Неустойчивость (невоспитанность) нравственной сферы является причиной искажающих трансформаций, порожденных конфликтом между содержанием личных (внутренних) представлений о добре/зле при столкновении с реалиями внешнего опыта. В данном случае, имеется в виду такая ситуация. Например, в процессе жизни у человека накапливаются некоторые результаты наблюдений за последствиями влияния на его благополучие различных реально осуществленных действий. С течением времени формируется ожидание лучших последствий от определенных действий. Повторяясь в последующих поколениях, опыт, оправдывающий антиципацию таких положительных результатов, закрепляется. И незаметно в идею добра вводится представление о связанном с ним благополучии, полученный конгломерат уже мыслится как открытие новых идеалов, и постепенно «утилитарно-эвдемоническая оценка действий делается преобладающей в обществе» (Снегирев, 2008: 628).

Все активнее и успешнее новое представление вытесняет из сознания череды поколений знание о первоначальном источнике и основе этой оценки, в том числе, и из сознания будущих исследователей нравственной жизни человека.

Однако, вопрос исторической изменчивости идеала, имеет сложную структуру. Исторической изменчивости, подчеркивает В.А. Снегирев, подвержена только *формально-организационная* сторона идеала: так из него со временем может быть исключено что-то такое, что казалось совершенством при определенных условиях, и может быть включено то, что раньше в этом плане и не рассматривалось. Однако функциональность идеала есть величина постоянная: и при своем зарождении, и на разных ступенях своего развития, он всегда задает возможность непосредственной оценки действий человеком, - т.е. ***«производит явление нравственного чувства»*** (Снегирев, 2008: 629).

Таким образом, *значение* идеала во внутренней жизни человека остается всегда *неизменным.*

Так же и нравственное чувство вообще обладает способностью к изменению (более совершенное/менее

совершенное, притупленное). Но по значению во внутренней жизни человека (по условиям своего бытия) оно всегда остается неизменным - всегда «делает человека и высокоразвитого, и дикаря одинаково ***моральной личностью***, и их поступки - добрые, гармонирующие с идеалом каждого из них, совершаемые под влиянием идеала, - одинаково ценными, одинаково добродетельными с общей точки зрения» (Снегирев, 2008: 629). Нравственное чувство имеет характер самостоятельной способности, сопровождая все проявления жизни духа, оно не смешивается с ними, отличаясь уровнем интенсивности своей природной силы и свойств, приобретенных в процессе воспитания. Потому человек, овладевший всеми благами цивилизации, может обладать неразвитым, слабым моральным чувством, а нецивилизованный житель далеких островов - в высшей степени «напряженным и тонким» моральным чувством. Так кто же из них заслуживает названия «дикарь»? Как нравственная личность, второй будет ближе к совершенству, писал В.А.Снегирев.

В контексте вышеизложенного подхода к рассмотрению идеала и нравственного чувства совершенно определенный смысл приобретает понимание существа нравственного закона и чувства долга. И этот смысл противоположен смыслу тех представлений, которые привносятся современными гуманистическими теориями, или, в точном, по сути, определении В.А. Снегирева, «утилитарно-эвдемоническими» учениями - такими, в которых ставится знак равенства между долгом и принуждением, нравственным законом и насилием над личностью.

Для правильного толкования мысли Снегирева, следует вновь обратиться к глубинным идеям, лежащим в основе нравственной жизни человека - идеям добра и зла. Что есть добро? Лучшее и совершеннейшее, сознание которого прямо и непосредственно дается созерцанием совершенства своей природы в идеале. Тогда, что есть чувство долга и обязанности? Это потребность лучшего и совершеннейшего, любовь и расположение к лучшему и совершеннейшему - к идеалу. Значит, эту потребность следует определять в качестве безусловно *приятной.* Но если так, то по отношению к ней

применение негативных эпитетов *логически* не правомерно. «Говорить здесь о принуждении так же нелепо, как говорить о принуждении - считать прекрасным то, что кажется таковым и есть на самом деле, о принуждении считать сладкое сладким, горькое горьким и т.п.» (Снегирев, 2008: 630).

Но чувство принуждения действительно может возникать, но только не в отношении самой потребности лучшего, а в отношении *осуществления* этой потребности *в повседневной жизни*. Осуществление идеала в жизни (а потребность этого есть чувство долга в чистом виде) связано с преодолением множества препятствий и требует часто тяжелого труда, напряжения физических и духовных сил человека: именно поэтому «потребность добра, любовь к добру ***кажется*** тяжелым ***принуждением по своей природе***» (Снегирев, 2008: 630). Происходит перенос характеристик существования на существо явления, и тогда представления о насилии прочно связываются с представлениями о нравственном долженствовании.

Отсюда и порочная практика нравственного воспитания, заключающаяся в попытках пробуждения нравственного чувства путем приказаний и наказаний. Понимание природы этого чувства указывает действительный и единственный путь его воспитания - это *осознанное развитие идеала и формирование чувства расположения, любви к идеалу*.

Иллюзия принудительности также распространяется и на оценку нравственного закона, когда забывают, что он есть выражение требований *собственной духовной природы человека*, сознаваемых самим человеком с разной степенью отчетливости в разное время. И с этой точки зрения, его требования носят естественный характер, хотя и выражаются в форме заповедей и предписаний. Т.е. нравственный закон имеет особенный характер, отличающий его от всех прочих законов: «Нравственный закон есть закон, предписываемый себе самим человеком, или - все равно - Божеством, создавшим эту его природу» (Снегирев, 2008: 631).

Другими словами, нравственный закон - это такой закон, в котором человек повинуется собственным приказаниям. Следовательно, разумной альтернативы их исполнению для него

не существует. Потому нравственный закон предшествует любому другому, он - начало, придающее силу гражданским, политическим, экономическим и проч. законам.

Поскольку источником нравственного чувства, или сознания обязанности осуществлять идеал является *естественное* стремление к совершенному, к высшему благу и счастью, то с полным правом чувство долга названо В.А.Снегиревым ***«духовным инстинктом»***. Стремление к идеалу и требование к его осуществлению - естественное и неотразимое требование природы человеческого духа. Его обязательность такая же, как и у любого другого органического инстинкта. Потому, даже прибегая к принудительным мерам его воспитания, например, развивая привычку повиноваться заповедям (а такая форма принуждения чаще всего и используется) - мы не в силах изменить его *естественную* природу. Чувство нравственного долга, в сущности, всегда остается «стремлением к совершенству, и, на высших степенях своего нормального развития и в совершеннейшей своей форме, сознанное и продуманное, есть любовь страстная, обнимающая всю душу, - любовь к идеалу» (Снегирев, 2008: 632).

Но идеал совершенства человеческой природы имеет свой источник в идеале всесовершенства - Боге. Значит в своем высшем проявлении чувство долга «превращается в любовь к Богу, т.е. к идеалу и источнику всех совершенств. Тогда процесс исполнения должного, осуществления в жизни идеала, становится величайшим наслаждением, соединяется с чувством близости Божества, жизни в Нем. Самая тень какого-нибудь принуждения исчезает, и наступает то ***состояние праведности***, когда сами заповеди и предписания закона нравственного становятся излишними, исчезают из сознания: они сливаются с жизнью и деятельностью человека, становятся жизнью, которая раскрывается со всею возможною для человека полнотою и совершенством» (Снегирев, 2008: 632).

Такое состояние человека, с одной стороны, является историческим фактом - это жизнь святых и праведников, о которой сохранилось немало свидетельств, но с другой стороны - оно остается фактом, не существующим для современной науки, которая исходит из утилитарного взгляда на обязанность

человека как внешнее принуждение и, в лучшем случае, как на внутреннее согласие повиноваться.

В терминах современной психологии можно выделить несколько условий формирования неадекватного отношения к нравственному долгу.

Наиболее отчетливо выражена его *социально-психологическая* составляющая. Социальная жизнь, движение которой направляется страстями и своекорыстным расчетом сильных мира сего, навязывает людям под видом естественных и важных такие требования и обязанности, которые никоим образом нельзя вывести из идеала, более того, невозможно вывести даже из требований здравого смысла. Потому немало обычных людей говорит об идеале и нравственном долге, как о чем-то противоположном естественной природе человека. Исполнение идеала людьми с развитым нравственным чувством идет вразрез с представлениями, бытующими в обществе, и становится для них тяжким бременем. Но в данном случае переживание тяжести долга, по сути, представляет собой негативное экстернальное выражение внутреннего инстинктивного, не поддерживаемого требованиями социального контекста, *желания к исполнению нравственных обязанностей*.

Еще одним условием формирования ложного отношения к нравственному долгу можно назвать *духовно-личностную несостоятельность* конкретного человека. Трудность осуществления идеала при поверхностном суждении можно легко связать с необходимостью постоянной внутренней работы по рефлексии своих действий. Однако именно работа над собой, направляемая сознательным стремлением к совершенствованию, сопровождаются у человека переживанием удовольствия. А чувство тяжести возникает при попытке *преодоления конфликта* между образом идеала, живущего в душе (часто безотчетно), и образцами сытой успокоенности или, например, современной, доведенной уже до обязанности, игры в «гламур», предъявляемыми и навязываемыми в качестве социально одобряемых и поощряемых форм поведения.

Но с нравственной точки зрения такое поведение есть не что иное, как манифестация состояния «духовного сна».

Поскольку движение вниз всегда легче, чем вверх, а удержаться на высоте вообще очень трудно, то человек достаточно быстро погружается в такое «сонное» состояние. Однако и в процессе этого «погружения» он может испытывать, и иногда очень сильное, стремление к идеалу, который пробуждает в нем осознание падения и чувство своего недостоинства. Но развивающаяся в геометрической прогрессии нисходящая «инерция всего существа человека» требует все больших усилий для подавления своего сопротивления. Отсюда и возрастающее «чувство тяжести и трудности следовать внушениям долга» (Снегирев, 2008: 632).

Примеры живых человеческих судеб свидетельствуют, что для части людей такая бессмысленно-спокойная жизнь становится настоящим страданием. Но что оно означает? Дело в том, что это мучительное состояние есть внешний символ крайнего ослабления и дезорганизации духовных сил. Теперь вследствие *устоявшегося* болезненного расстройства духа осуществление стремления к идеалу (желания разорвать мучительные узы бессмысленной и сонной обыденности) становится просто *невозможным*, и чувство невыносимой тяжести нравственного долга достигает своего предельного переживания.

Однако оба вышеназванные фактора - социально-психологических влияний и духовно-личностной несостоятельности - выступают как вторичные. Исходной является причина, связанная с условиями самой природы идеала: идеал по сути своих свойств есть *вечная нескончаемая цель человеческого существа,* т.е. идеал по существу *бесконечен и недостижим* в период конечного земного существования. Потому присутствие в душе идеала порождает широчайший континуум переживаний: от переживания человеческой ничтожности и, вместе с тем, высокого смирения - до чувства любви к Богу, уверенности в Его существовании и, следовательно, чувства бессмертия личности, непоколебимой уверенности духа в своей неразрушимости.

Если идеал определяет то, что есть вечное и неизменное в природе человека (чем она должна стать и оставаться всегда), значит в душе человека идеал, одновременно и разделяет и

объединяет жизнь вечную и жизнь временную, которая, в свою очередь, понимается как начало и приготовление к жизни вечной. Но земная жизнь *по своим* меркам формирует нравственный план человека: постоянно актуализируя в его сознании мысль о краткости человеческого бытия, она разжигает желание полноты благ для временного личного пользования. И, поскольку «требования идеала абсолютны, а потребности конечно-чувственной личности как таковой имеют смысл и значение только в короткое течение земной жизни, то между теми и другими неизбежно возникает коллизия», - писал В.А. Снегирев (2008: 635).

Конечно, переживание этой «коллизии», или глубины внутреннего конфликта индивидуально и зависит от степени напряженности переживания человеком мысли о конечности своего бытия. Но общим остается тот факт, что удовлетворение чувственных потребностей в сравнении с удовлетворением потребностей нравственного долга доступнее, приятнее и более ассоциируется с «естественным» действием человеческой природы. Потому и жертвовать ими в пользу долга *кажется* насилием над личностью, над ее природой. Однако эта удобная иллюзия, так легко обретающая черты уверенности, может стать началом нравственного распада личности: ведь она стимулирует любовь к тому, что «*противоречит* идеалу - любовь ко греху, или любовь ко злу» (Снегирев, 2008: 636).

Таким образом, по учению В.А.Снегирева:

1. Нравственный идеал - образ совершенства духовной природы человека.
2. Идеал формируется с необходимостью и не может не явиться у человека как человека.
3. Идеал - нескончаемая цель человеческого существа. В этом его основное свойство, лишившись которого он перестает быть идеалом.
4. Идеал есть результат внутреннего наблюдения духом своего состава и является нераздельной частью его бытия, его действительного содержания.
5. В то же время идеал есть осознание и воспроизведение: воссоздание творческого плана, положенного в основу духа и творческое созерцание такой конечной

совершенной формы его бытия, элементы которой даны в зачаточной форме в самом его существе.

6. Идеал прирожден человеку, начертан в природеего духа.

7. Идеал может трансформироваться в формальном плане.

8. Значение идеала во внутреннем мире человека всегда неизменно - идеал актуализирует нравственное чувство в душе человека.

9. Нравственное чувство - прирожденный оценочный механизм, устанавливающий меру соотносительности действий человека с идеалом.

10. Психический механизм возникновения нравственного чувства одинаков у всех людей и связан с присутствием в душе человека идеала.

11. Источник этого чувства - в изначальном образовании до всякого эмпирического наблюдения идей добра и зла путем самосознания, возникновение «из той глубины сознающего себя и созерцающего свой состав духа, из которой возникает и сам идеал, выступающий основой этих идей» (Снегирев, 2008: 625-626).

Возникает вопрос о методологической правомерности собственно психологического исследования нравственного идеала, понимаемого так, как он описан В.А. Снегиревым.

Обратим внимание, в этом учении генезис понятия (представления, образа) идеала, формы его осознания, функциональная направленность, условия существования и деформации, формирование мотивации и новых внутренних взаимосвязей на его основе и проч. раскрываются на основании фундаментального определения его принадлежности: «идеал - собственность личности». Следовательно, они выступают как «непосредственно переживаемые каким-либо *я* как его собственные проявления, т.е. как принадлежащие этому *я»*, или собственно *психические* явления, по выводу Н.О. Лосского (1917: 25).

Психофизическая составляющая генеза идеала очевидна и на сегодняшний день имеет прочную научную традицию изучения в психологии, и прежде всего, в психологии

отечественной. Однако, идеал нравственного совершенства, существующий в сознании человека, имеет свой первообраз, свое духовное первооснование, законы существования которого выходят за рамки аналитических возможностей психологической науки. Последнее методологическое определение такого понятия как идеал относится уже к сфере логики и выводимо по ее *не*психологическим законам. Следовательно, идеал как факт внутренней жизни человека, его психологии, не может рассматриваться вне взаимосвязей с внепсихическими элементами - его духовно-логическими основаниями. Несмотря на сверхнормативный для психологической науки уровень, эти основания в психологическом исследовании необходимо должны быть указаны, во-первых, для того, чтобы (исходящее из них) психическое явление могло обрести свое подлинное определение, во-вторых - чтобы уже в научном анализе было найдено адекватное ему понятие, заключающее максимально доступную полноту признаков, принадлежащих именно этому явлению, в-третьих - чтобы в самом психологическом исследовании мы имели дело с реальным явлением как предметом научного изучения и могли выстраивать адекватную, не уводящую в сторону от этого предмета, методологическую стратегию.

Ответ на вопрос «что это?» в отношении психического явления может быть найден только в контексте интегративного подхода. Такое явление внутренней жизни личности как нравственный идеал по своему происхождению и условиям существования неотделимо от интенции психологической сферы, как на «физические», так и на «духовно-логические элементы», которые в ее русле сами становятся психическими фактами. Но именно закономерности психической жизни в ее направленности на элементы, «находящиеся вне психической сферы субъекта, т.е. законы, по которым непсихическое становятся содержанием сознания» и составляют задачу собственно *психологических исследований*, как писал Н.О. Лосский (1917: 24)

Соответственно, вопрос методологической правомерности психологического изучения нравственного

идеала как мыслимого образа (понятия, представления) совершенства духовной природы человека может быть снят.

Вопрос психологического определения природы идеала, без ответа на который невозможно выстроить его понимание как предмета исследования, более сложен. И в этом смысле, идеал так, как он описан в учении В.А. Снегирева, представляет собой явление, в отношении определения которого современная научная психология беспомощна. Подобная learned helplessness была приобретена под влиянием давно уже несознаваемой самой психологией установки на «овеществление сознания» (Термин А.Ф. Лосева. - *О.С.*), уводящей любую попытку мысли пробиться к действительному, - онтологическому - пониманию психики в тупики трудно разрешимых противоречий.

И тут, как нам представляется, более чем уместно, обратиться к идее А.Ф. Лосева о необходимости кардинальной смены воззрений на психику, существующих в формате теоретических положений немецкого рационализма, и своевременности перехода к новой логике понимания психического, а именно: отказу от оперирования психическим явлением как некой вещью; умению различать «в реальном познавательном опыте идеального, т.е. не подверженного эмпирическим переменам, смысла и явления, текучего, становящегося, непостоянного»; установлению несоответствия принятых теоретических схем для описания этих смыслов; признанию реальной первичной ценности «конкретной самоинтуиции нашего духа, познающего себя во всей качественной определенности своих состояний» (Лосев, 1999: 41- 42).

В концепции проф. В.А. Снегирева подчеркивается идеальный, вне-эмпирический уровень рассмотрения *основных* характеристик нравственного идеала и внутреннего механизма его воссоздания. Не случайна в его рассмотрении апелляция к самым глубинным уровням духа, определениям типа непосредственный, инстинктивный, вневременный, универсальный и т.п. в отношении характера возникающих в этих глубинах процессов, завораживающая сложность возникновения в личном сознании идеала как конкретной идеи, наследующей всеобщность значения, пребывающую в этих

глубинах, и структурирующую их по законам своего существования. Исходным, изначально данным выступает здесь то глубинное состояние духа, которое не может быть отражено в какой-либо фиксированной форме (идее, образе, представлении), потому что его *содержание* - вечная нескончаемая цель человеческого существа. Именно свойства этого содержания (бесконечность и эмпирическая недостижимость) являются его существенными свойствами, т.е. теми, без которых невозможно его бытие. Это же содержание составляет основу *жизни* духа человека, который постоянно и постепенно уточняет недифференцированность по отношению к личному «*я*» своего первоначального состояния, проясняет его в созерцаниях идей добра и зла, совершенства личности, конкретных интуициях *воссоздания* (осознания) *идеала* (теперь уже в форме идеи, образа, представления), на основании общей целостности и отдельных элементов первоначального содержания. По выводу ученого, идеал прирожден человеку, начертан в природе его духа. Он сразу дан как факт его *психологии*, т.е. как содержащий в себе логику своего развития и потому ни в коей мере не «бессознательный». Иными словами, он - непосредственная данность, которая, по определению А.Ф. Лосева, «утверждается до всякого исследования, утверждается как непосредственно усматриваемая первичность, нуждающаяся не в доказательстве, а только в приведении в известность» (Лосев, 1999: 65).

По В.А. Снегиреву, эта первичная данность есть принадлежность личности, но это «то “переживание”, в котором еще не выделены субъект и объект познания и в котором одинаково участвуют как тот, так и другой, производя вместе некое объективное обстояние, лишенное каких-нибудь структурных форм сознания, так и материально-психических определений и лишь в рефлексии разложимое на субъект и объект», в толковании А.Ф.Лосева. Можно сказать, что это еще не идеал, но предчувствие идеала.

Однако, одновременно, В.А.Снегирев подчеркивает эталонную роль предначертанного идеала в организации нравственной сферы человека и формировании ее понятий, все многообразие которых корениться в изначальном образовании

до всякого эмпирического наблюдения идей добра и зла путем самосознания «***из*** той ***глубины духа***, сознающего себя и созерцающего свой состав, из которой возникает и сам идеал…- ***источник и основа этих идей***» (Снегирев, 2008: 626-627). Эту "*принципиальную координацию*", являющуюся первичной данностью» А.Ф. Лосев назвал «*объективным смыслом*» (Лосев, 1999: 77). И с этой точки зрения, онтологическая основа идеала - первичная и непосредственная данность объективного смысла, обеспечивающая принципиальную координацию творческой деятельности человеческого духа, воссоздающего из собственных глубин идеал совершенства личности.

Эти рассуждения находят подтверждение в выводах фундаментального исследования восприятия пространства Г.И. Челпанова, который, по словам А.Ф. Лосева открыл и доказал, что в психологическом явлении «таится такая сложность, которую, вообще говоря, трудно и предчувствовать» (Лосев, 1999: 55). В многомерности психического явления Г.И. Челпанов различал базовый уровень, на котором оно «первоначально и непосредственно, или "непроизводно"» и в силу имманентного динамизма проявляется далее - другой уровень - «как становящийся переход от своей недифференцированной формы е сознательному представлению, раскрывающемуся в актах самосознания посредством рефлексии над первоначально воспринятым психическим материалом (Серова, 2012: 46). Если применить логику Г.И. Челпанова к концепции В.А. Снегирева, то «предначертанный в природе духа» идеал в психологическом определении - это первоначальное содержание сознания, которое «представляет из себя нечто недифференцированное, оно *только* содержание и больше ничего» (Челпанов, 2011: 201). Но это содержание объективно по существу, поскольку сознание еще «не рефлексирует на самое себя», т.е. еще не произошло выделение нашего «я» (Лосев, 1999). Именно объективное сознание «есть нечто первоначальное» по отношению к той форме сознания, содержание которого ограничено нашим «*я»,* т.е. сознанию как производной из него форме» (Челпанов, 2011: 200). В контексте нашего исследования, производными формами нравственного сознания,

полученными в результате рефлексии, являются образ, понятие, представление идеала, нравственная оценка и суждения, нравственная мотивация и действия.

После обобщения результатов вышеозначенных выводов, возможна формулировка *психологического определения природы* нравственного идеала как *переживания личностью непосредственной данности объективного смысла, дифференцируемого далее в ее нравственном опыте (нравственных категориях и поступках).*

Заключение

Концепция идеала В.А. Снегирева, гармонично сочетающая в своем основании и положения православного традиционализма и достижения науки XIX века, отразившая понимание идеала как исполненного внутренней динамики диалога вечного и временного в душе человека, диалектического понятийного единства идей мира горнего и земного, как интегративного психологического явления в широком спектре духовно-логических и психофизических связей, в высокой степени отвечает современному запросу на полноту освещения заявленной проблематики. В ситуации поиска новых категорий и путей психологического познания эта концепция, дополненная логикой рассмотрения фундаментальных проблем психологии в работах Г.И. Челпанова, Н.О. Лосского, А.Ф. Лосева, должна занять свое место в теоретико-методологическом пространстве психологии не только в качестве исторического прецедента, но как теория во многом опережающая содержание современных научно-психологических идей и подходов.

ЛИТЕРАТУРА

Лепехов С.Ю. 2018. Присутствие востока в немецкой философии. - Вестник Бурятского государственного университета. 3 (2): 43-55.

Лосев А.Ф. 1999. Исследования по философии и психологии мышления. С. 7-234. - в кн.: Лосев А.Ф. Собрание сочинений: в 9 т. Т.8. Личность и Абсолют. Общая редакция А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль.

Лосский Н.О. 1917. Понятие психического и предмет психологии. - Психологическое обозрение. 1 (1): 18-26.

Несмелов В.И. 1889. Памяти Вениамина Алексеевича Снегирева. - Православный собеседник. 5: 97-154.

Рубинштейн С.Л. 1997. Человек и мир. М.: Наука. 191 с.

Серова О.Е. 2012. Метапсихология представления пространства. - Альманах Научного архива Психологического института: Юбилейный выпуск к 150-летию Георгия Ивановича Челпанова. Сост. и науч. ред. Е.П. Гусева, О.Е. Серова. М.: ПИРАО; МГППУ. 5: 30-57.

Серова О.Е. 2018. Русская психологическая наука и русское общество XX века: несостоявшийся диалог. - Гуманитарное пространство. Международный альманах. 7 (5): 996-1009.

Снегирев В.А. 2008. Психология. Систематический курс чтений по психологии. СПб.: Общество памяти игуменьи Таисии. 768 с.

Челпанов Г.И. 2011. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. 1: Представление пространства с точки зрения психологии. С. 55-332. - в кн.: Челпанов Г.И. Собрание сочинений: в 6 т. 1 (1). Отв. ред. В.В. Рубцов, О.Е. Серова, Е.П. Гусева. М.: ПИРАО, МГППУ.

Получена / Received: 05.09.2020
Принята / Accepted: 30.09.2020

Humanity space *International almanac* VOL. 9, No 4, 2020:460-471

DOI: 10.24412/2226-0773-2020-4-460-471

История возникновения ислама и современное состояние мусульманских сообществ на территории Астраханского края в контексте представлений о добрососедских отношениях с православными жителями края (обзор основной литературы)*

Т.В. Берщицкая

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
127051, Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1
Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities
Likhov lane, 6, build. 1, Moscow 127051 Russia
e-mail: tvpolivanova@yandex.ru

Ключевые слова: православие, ислам, Астраханская земля, культура, миграция, диалог, религия, межрелигиозный, многоконфессиональный.
Key words: Orthodoxy, Islam, Astrakhan land, culture, migration, dialogue, religion, interfaith, multi-faith.

Резюме: Ислам, как неотъемлемая часть российской истории и культуры, является важным фактором, влияющим на общественно-политическую жизнь современной России, особенно в регионах со значительной численностью народов мусульманского вероисповедания, которое в значимой степени формирует стереотипы сознания и поведения мусульман.
Abstract: Islam, as an integral part of Russian history and culture, is an important factor influencing the socio-political life of modern Russia, especially in regions with a significant number of Muslim peoples, which significantly forms the stereotypes of consciousness and behavior of Muslims.

[Bershitskaya T.V. The history of the emergence of Islam and the current state of Muslim communities in the territory of the Astrakhan region in the context of ideas about good-neighborly relations with the right-wing inhabitants of the region (review of the main literature)***]**

Астраханский край - один из регионов Российской Федерации, в котором мусульмане, после православных христиан, представляют наиболее многочисленную конфессию, долгое время сосуществовавшую с немусульманскими народами. История и современное состояние ислама в

---

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества № 19-1-022083.
The article was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for the development of civil society No. 19-1-022083.

Астраханском крае изучены недостаточно. Тем не менее, имеется ряд публикаций, из в которых можно почерпнуть сведения, необходимые в ходе работ, связанных с представлениями о добрососедском проживании народов православного и мусульманского вероисповедания в данном регионе.

Общие исторические сведения доступно изложены в монографии «История Астраханского края» (2000). В ней монографии обзорно рассмотрены этапы со времени палеолита и включающие периоды сарматской эпохи, хазарского каганата, предмонгольских кочевников, гуннов, образования и распада Золотой орды вплоть до возникновения Астраханского ханства с его дальнейшим присоединением к России и существования уже именно как Астраханского края внутри Русского государства с середины XVI до XVIII века включительно, в котором этническая колонизация Астраханского края происходила наиболее значительно.

История становления полиэтнического состава населения Астраханской области достаточно подробно изложена в работе Е.А. Васильевой (2011). Проследив историю заселения Астраханских земель с середины XVI по конец XX в., автор выделяет четыре миграционные волны, на основе которых сформировалось население данного региона. Вслед за заселением, в силу различных причин, происходило взаимопроникновение многообразных культур. Характерными для этого региона в период заселения были связи с кочующими тюркскими племенами, которые также оказывали влияние на социальную и политическую жизнь края. Благодаря выгодному географическому положению, Астрахань достаточно быстро стала крупным торговым и ремесленным центром, имеющим своеобразную характеристику - полиэтнический состав своего населения. Е.А. Васильева отмечает, что происходящие в крае территориальные изменения приводили к изменениям численности и национального состава в этом регионе, но внутренних межнациональных и порубежных конфликтов за собой не влекли (Васильева, 2011: 328-341).

Краткий обзор об истории православия в Астраханском представляет в своей небольшой работе протоиерей Виктор Гнатенко.

Привыкшие к движению народов на Астраханской земле населяющие ее люди, несмотря на трудности, порою доходящие до отчуждения, привыкли жить вместе, с уважением относясь к культуре и религии соседа. В этом отношении Астрахань рассматривают иногда неким полигоном, «на котором проходят обкатку межконфессиональные и межэтнические отношения» (Малашенко, 2008). Присутствие здесь как радикалов, так и носителей различных форм традиционного ислама, позволяет проследить характерные тенденции современного исламского мира. Характерным фактором считается, что именно в Астрахани в июне 1990 г. проходил важный для религиозного возрождения мусульман России съезд Исламской партии возрождения. Также отмечено, что происшедший организационный раскол астраханских мусульман, не приобрел здесь той остроты, которая происходила в ряде других регионов (Малашенко, 2008: 96).

Большая часть работ по истории ислама и современному состоянию мусульманских общин в Астраханском крае принадлежит Виктору Викторину и Андрею Сызранову.

Один из авторитетных исследователей ислама в Астраханском крае Виктор Викторин в своей работе «Ислам в Астраханском регионе» представляет Астраханский (Нижневолжский) регион как «исторический и современный южный форпост Российского государства, для которого межэтническое и межрелигиозное общение всегда составляло неотъемлемую часть жизнедеятельности» (Викторин, 2008).

В этой его работе представлен исторический обзор событий, с которыми связано первое проникновение ислама в Астраханский регион, его утверждение и дальнейшее здесь бытование. Придерживаясь концепции «регионального ислама», В.Викторин отмечает специфику астраханского ислама, которая обуславливается многообразием оттенков религиозной традиции, полиэтническим составом приверженцев ислама. Здесь переплетается ортодоксальный суннитский ислам с его народным пониманием (Викторин, 2008).

Еще один современный исследователь ислама в Астраханском регионе в своей монографии «Ислам в Астраханском крае: история и современность» (Сызранов,

2007), подробно исследуя возникновение и эволюцию ислама в Астраханском крае вплоть до настоящего времени, также особое внимание уделяет характеристике региональных особенностей - «народному» исламу: культу мусульманских святых, исламизированному шаманству, анимистическим верованиям мусульманского населения региона.

В своем исследовании А.В. Сызранов подчеркивает, что именно местные доисламские культы и обычаи, подвергшись влиянию ислама, обуславливают его локальное своеобразие в разных регионах, а вслед за этим представляются в сознании верующих мусульман как истинный ислам.

А.В. Сызранов в своей монографии подробно прослеживает миграционных процессы и расселение мусульман различных этнических групп на территории Астраханского края. Особо автор отмечает роль суфиев, которые наиболее активно занимались распространением ислама среди тюркских кочевников евразийских степей, в том числе и тюркского населения Золотой Орды и Астраханского ханства.

Желая облегчить принятие ислама, суфии нередко включали различные доисламские верования и обряды кочевников в комплекс проповедуемого ими вероучения, в силу чего, в степи суфийская форма ислама была более жизнеспособна, нежели «ортодоксальный» ислам. Сызранов А. отмечает, что тюрко-мусульманские народы Нижнего Поволжья сохранили доисламские верования и обряды вплоть до начала XXI в.

В 1930-е и последующие годы мусульманское духовенство Нижнего Поволжья понесло значительные потери. Несмотря на жесткие меры антирелигиозной политики, ислам «выжил» и сохранил свою роль и влияние на протяжении всего советского периода в жизни мусульманских народов Нижневолжья, удержав к концу 1980 гг. достаточно прочно свои позиции (Сызранов, 2007).

Начавшееся во второй половине 1980-х гг. «религиозное возрождение», коснулось в том числе и ислама. Стало расти количество мусульманских общин. В 1991г. в Астраханской области был организован мухтасибат, преобразованный в 1994 г. в Духовное управление - ДУМ АО, а в 1999 г. - АРДУМ (в настоящее время РДУМ АО). РДУМ АО в настоящее время

подчиняется Центральному Духовному управлению мусульман России и европейских стран СНГ (ЦДУМ).

Увеличивающийся приток мигрантов с Кавказа и из Средней Азии в 1990-2000-е гг., усилил этническое разнообразие астраханских мусульман. Одновременно с миграционным притоком в регион начали проникать идеи, нехарактерные для российского «традиционного» ислама, вслед за которыми появились экстремистские группы (как из числа приезжих, так и местных, новообращенных жителей), борьбу с которыми начали вести правоохранительные органы.

Несмотря на возникающие трудности, руководство АРДУМ старалось проводить достаточно результативную деятельность в области просвещения, образования и благотворительности уделяя большое внимание мероприятиям, посвященным социальным проблемам, вопросам взаимопонимания и мира как в целом в стране, так и в Астраханском регионе в частности.

Анализ проблемы фундаментализма в Астраханском крае проводит В.Викторин в статье «К проблеме Поволжско-Предкавказского исламского «обновленчества» в мирной и радикальной формах (на материалах общины в г. Астрахани в 1990-2000 гг.). Несмотря на небольшой объем статьи, автор приводит достаточно оснований, чтобы обратить внимание на тенденцию видеть радикализм там, где его нет. Соображения автора на этот счет представляются важными.

Основное внимание автора данной статьи направлено на размежевание, окончательно оформившееся к концу 1990-х гг. в российском обновленческом исламе, - на радикальное направление, умеренное и ряд переходных групп к традиционному.

В. Викторин отмечает, что внутренняя разобщённость в организационном исламе, характерная для Российских регионов, в основном проявляется в силу определенных несогласий и амбиций лидеров общин, что может выливаться в межличностные конфликты и дестабилизацию обстановки, поскольку становится неясным, на какие персоналии лучше ориентироваться. Тем не менее, В.Викторин констатирует, что в Астраханском крае ситуация достаточно стабильна, а

происходящая здесь адаптация очередной разноликой волны переселенцев-мигрантов, не ведет к прямой угрозе конфликта на этнической почве. Автор напоминает, что мир, кров и защиту на этой земле в прежние века находили представители многих этносов, теперь же все повторяется в новом контексте и сложной современной обстановке (Викторин, 2002).

Однако, радикализм в ряде групп продолжал существовать. «В 2000-х годах в гряде мест Астраханской области образовалось несколько салафитских группировок (состоящих как из выходцев с Кавказа, так и из местных жителей), часть из которых даже готовили террористические акты. Большинство из них были «раскрыты» спецслужбами и ликвидированы как организации» (Сызранов, 2019).

В одной из последних статей «Деятельность мусульманских организаций Астраханской области в 2016-2018 гг.» А.В. Сызранов отмечает все возрастающую роль исламского фактора в жизни данного региона. В связи с приходом нового руководства активизировалась деятельность Астраханского духовного управления мусульман. Заметно оживление в астраханской умме: «растет количество мусульманских общин, открываются новые мечети. Регулярными стали собрания имамов-мухтасибов с участием представителей органов государственной власти. Определились основные направления в деятельности астраханского муфтията - от чисто религиозных до спортивных и социально ориентированных» (Сызранов, 2019).

В связи с радикализмом, имеющим место в Астраханской области несомненный интерес, представляет работа М.С. Топчиева: «Основные векторы конфессиональных отношений российского Прикаспия». Главная цель работы выявление - выявлние основных направлений и проблемных точек межконфессиональных отношений на территории современного Прикаспия. В статье автор обращает внимание, что «на данный момент в Астраханской области доминирует православие, но вектор межконфессиональных конфликтов находится внутри ислама в этом регионе, т.е. относится в внутриконфессиональному конфликту и наиболее болевой и проблемной точкой называет «ваххабитский» вектор. Конфликт

заключается в противоречии между традиционным исламом и салафитами («ваххабитами»). Термин «ваххабизм» берется в кавычки в силу того, что между экспертами нет единогласия на предмет отождествления ваххабизма, салафизма и экстремизма в российском контексте» (Топчиев, 2014).

В еще одной своей работе «Этническая ситуация в Астраханской области: история и современность» А.В. Сызранов, обращаясь к этнической ситуации в Нижневолжье и отмечая уникальность этого региона Российской Федерации, представляет его, несмотря на вышеперечисленные проблемы, «как образец межэтнического и межконфессионального спокойствия, толерантности и взаимного этносотрудничества, как некую своеобразную «визитную карточку» региона» (Сызранов, 2014b). Говоря же о причинах такого положения, он отмечает ряд факторов, среди которых прежде всего - историческая традиция многонациональности, поскольку «Астраханский край издревле являлся перекрёстком путей и «вратами народов», регионом открытых этнических и культурных миграций. Кроме того, особое географическое и природное своеобразие региона - территориальный простор и жёсткость климата - способствовало сплочению населения. Народы, населяющие Астраханский край, всегда проявляли уважение друг к другу, к чужим обычаям и традициям, готовность вместе противостоять общей беде» (Сызранов, 2014b).

Наряду со значительным приростом мигрантов в Астраханской области с Кавказа и из Средней Азии на рубеже XX-XXI вв., Сызранов А.В. отмечает, что падает численность традиционных, «коренных» народов: русских, татар, украинцев, белорусов. К предполагаемым причинам автор относит такие причины, как низкую рождаемость, высокую смертность и отток населения в другие регионы.

Обращает на себя внимание еще одна работа - «Межэтнические отношения в Астраханской области: современное состояние и особенности» А.В. Григорьева (2019). Автор отмечает позитивную динамику оценки взаимодействий в сфере межэтнических отношений, по сравнению с наблюдаемой в 2000-х гг. Среди ключевых причин таких изменений он

выделяет смену поколений внутренних мигрантов, прибывших на территорию Астраханского региона в 90-х гг. XX в. Автор считает, что «проблемы, связанные с увеличением масштабов внутренней миграции в тот момент (прежде всего с мигрантами из республик Северного Кавказа), были обусловлены главным образом их дезадаптированностью к местным социальным нормам и ценностям, отсутствием позитивного опыта совместного проживания с представителями иных культур. В настоящее время, спустя 20 лет, взаимодействие со вторым поколением мигрантов происходит на приемлемом уровне прежде всего потому, что их социализация прошла в локальных социокультурных условиях, способствовавших закреплению позитивного опыта взаимодействия» (Григорьев, 2019).

Исходя из полученной информации, автор работы рассматривает как одну из максимально продуктивных мер для поддержания позитивного развития ситуации межнационального общения населения региона - повышение числа социализирующих мероприятий, организуемых прежде всего для молодежи (Григорьев, 2019).

Что касается перспектив в развитии добрососедских отношений, то здесь внимание привлекает диссертационная работа на соискание ученой степени кандидата философских наук М.А. Фарапоновой, представленная на защиту в Ставрополе в 2017 г.: «Роль православно-исламского диалога в духовно-нравственном развитии российского общества» (Фарапонова, 2017). Представляется, что некоторые выводы автора вполне актуальны и применимы в целях повышения уровня добрососедства в полиэтническом и поликонфессиональном регионе.

Наиболее актуальным и эффективным в настоящее время автор считает православно-исламское содействии в области духовно-нравственного влияния на российское обществоКак считает автор, «духовно-нравственный потенциал основных российских религий - православия и ислама огромен, но, к сожалению, мало реализован» (Фарапонова, 2017).

М.А. Фарапонова обращает внимание на уникальный многовековой опыт религиозного взаимодействия в России, не нарушающего конфессиональной идентичности. Она отмечает, что

«Православно-исламский диалог в России исключает из повестки дня поиски догматического единства и общность духовных практик, но предполагает необходимость личностного общения и совместного решения широкого круга социальных проблем, из которых особое значение придается вопросам духовно-нравственного развития общества» (Фарапонова, 2017).

Перспективными направлениями, по мнению автора, являются, в первую очередь, работы по государственно-конфессиональной политике в области принятия законов, которые защищают традиционные ценности, а также нахождению мер по предотвращению конфликтов на этнической и религиозной почве. Первостепенной задачей, требующей совместных усилий государства и религиозных структур, автор считает «создание условий (правовых, социокультурных), способствующих сохранению и упрочению семейных ценностей» (Фарапонова, 2017).

В сфере образования, по мнению автора, главной должна стать «ориентация на духовно-нравственное воспитание детей в общеобразовательной школе с учетом мировоззрения и культурных традиций среды, к которой они принадлежат» (Фарапонова, 2017). Духовно-нравственное образование и воспитание личности, по мнению автора, должно быть непрерывным - от начальных классов общеобразовательной школы до последних курсов института. Относительно воздействия духовного потенциала межрелигиозного диалога через СМИ, автор видит более перспективы практического характера, а именно - расширение «сети вещания радио-, телеканалов, веб-сайтов, издания литературы духовно-нравственного содержания» (Фарапонова, 2017).

Краткий обзор основной литературы в рамках темы добрососедских отношений в Астраханском регионе, представляет основные направления исследований, имеющих важное значение в контексте вышеназванной темы. Ниже размещен список литературы, которая позволяет более глубоко проследить современные тенденции в исследованиях по теме представлений о добрососедских отношениях православных и мусульман в Астраханском крае.

Т.В. Бершицкая / T.V. Bershitskaya

ЛИТЕРАТУРА

Баширов Л.А. 2011. Исламо-православный диалог как фактор гармонизации межрелигиозных отношений в России. - Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2: 231-244.

Васильева Е.А. 2011. История становления полиэтнического состава населения Астраханского края. - Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 6: 328-341.

Викторин В.М. Ислам в Астраханском крае. [Электронный ресурс] - URL: https://docviewer.yandex.ru/view/104777294/?*=lpyhrec4k1hd90cw4pqjniatuar7invybci6imh0dha6ly9hymhpzghhcm1hlnj1l0evswnsyw0vq29udgvudc8wmdevmdaxmc5wzgyilcj0axrszsi6ijawmtaucgrmiiwibm9pznjhbwuionrydwusinvpzci6ijewndc3nzi5ncisinrzijoxntgwmjm5ntiwmdaylcj5dsi6iji5mtqynzk2mte0odm4nzq4nzqilcjzzxjwugfyyw1zijoibgfuzz1ydsz0bt0xntgwmdcxoti4jnrszd1ydszuyw1lptawmtaucgrmjnrlehq9juqwjuiyjuqwjui4juqwjujbjuqxjtgyjuqwjujfjuqxjtgwjuqwjui4juqwjujejuqwjuiwkyvemcvcocvemsu4msvemcvcqivemcvcmcvemcvcqyslrdalqjirjuqwjuiwjuqxjtgxjuqxjtgyjuqxjtgwjuqwjuiwjuqxjtg1juqwjuiwjuqwjujejuqxjtgxjuqwjujbjuqwjujfjuqwjui5jnvybd1odhrwjtnbly9hymhpzghhcm1hlnj1l0evswnsyw0vq29udgvudc8wmdevmdaxmc5wzgymbhi9mjezjm1pbwu9cgrmjmwxmg49cnumc2lnbj02odi3ztnjmty4ytc5mzfjnjmxzmizogm4ogvmn2y4oczrzxlubz0win0%3d&lang=ru [10.08.20]

Викторин В.М. 2002. К проблеме Поволжско-Предкавказского исламского «обновленчества» в мирной и радикальной формах (на материалах общины в г.Астрахани в 1990-2000 гг.). Центр региональных и трансграничных исследований ВолГУ. [Электронный ресурс]. - URL: http://www.transbound.narod.ru/annual1/victorin.html

Викторин В.М. 2008. Ислам в Астраханском регионе. М.: Логос. 96 с.

Воденко К.В., Лубский А.В., Войтенко В.П. 2018. Межрелигиозные взаимодействия в региональных сообществах на Юге России как предмет научно-исследовательских практик. - Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 4: 211-217

Галихузина Р.Г., Марданшин М.М. 2014. Религиозный экстремизм на почве ислама в Приволжском федеральном округе. - Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 14 (4): 78-85.

Григорьев А.В. 2019. Межэтнические отношения в Астраханской области: современное состояние и особенности. - Общество: социология, психология, педагогика. 5.

Гнатенко Виктор, иер. История православия в Астраханском крае. [Электронный ресурс]. - URL: http://astinform.ru/viktor-gnatenko-istoriya-pravoslaviya-v-astrahanskom-krae.html [10.08.2020].

Имашева М.М. 2015. Деятельность мусульманской национально-конфессиональной благотворительной организации в Астраханской губернии в начале XX века. - Исламоведение. № 1: 69-83.

Имашева М.М. 2015. Институты государственной власти российской империи

в восприятии локальной мусульманской общины в начале xx века (на примере Астраханской губернии). - Исламоведение. № 2: 17-28.

История Астраханского края: [монографическое исследование] [Викторин В. М. и др.; редкол.: гл. ред.: Н. М. Ушаков]; М-во образования Российской Федерации, Астраханский гос. пед. ун-т. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2000. 1119 с.: ил.

Котин И. 2012. Ислам в России и перспективы мусульманско-христианского диалога. - Россия и мусульманский мир. 8: 28-56.

Магомедов А., Викторин В. 2005. Каспийско-Предкавказский пограничный ислам: социально-религиозное «обновление» на периферии мусульманского мира. - Центральная Азия и Кавказ. 5 (41): 141-162.

Магомедов А. 2007. Ислам и политика на полумусульманском евразийском пограничье: особенности локальной трансформации в Астраханской и Ульяновской областях. Ислам от Каспия до Урала: макрорегиональный подход. Сборник статей. Под ред. К. Мацузато. М.: РОССПЭН. С. 159-197.

Малашенко А.В. 2008. Предисловие. - В кн.: Викторин В.М. Ислам в Астраханском регионе. М.:Логос. 96 с.

Сагитова Л.В. 2010. Поволжский ислам в эпоху глобализации: традиция-реставрация или традиция-инновация? - Вестник института социологии. 1: 476-486.

Семенов В.В. 2010. Антиэкстремистская деятельность мусульманских религиозных организаций Поволжья. - Россия и мусульманский мир. 9. 28-34.

Силантьев Р.А. Ислам и Христианство. Попытки восстановления диалога в 2007 году. [Электронный ресурс]. - URL: https://bogoslov.ru/article/291125 [10.08.2020].

Сызранов А.В. 2007. Ислам в Астраханском крае: история и современность. - Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет». 181, [3] с.

Сызранов А.В. 2008. Этносы и этнические группы Астраханской области. Справочное пособие. Астрахань: ОМЦ НК. 72 с.

Сызранов А.В. 2013. Раскол духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) и образование региональных муфтиятов в постсоветской России. - Вестник клмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 4: 13-17.

Сызранов А.В. 2014а. Мусульманская книжная культура Астрахани. - Исламоведение. 2: 62-67.

Сызранов А.В. 2014b. Этническая ситуация в Астраханской области: история и современность // Политическое образование: информационно-аналитический журнал. (15.07.2014). [Электронный ресурс]. - URL: http://lawinrussia.ru/content/syzranov-av-etnicheskaya-situaciya-v-astrahanskoy-oblasti-istoriya-i-sovremennost\ (10.08.2020).

Сызранов А.В. 2015. О деятельности «Хизб ут-Тахрир» в Поволжье. - Вестник Астраханского государственного технического университета. 2 (60): 102-107.

Сызранов А.В. 2019. Деятельность мусульманских организаций Астраханской области в 2016-2018 гг. - Манускрипт. 12 (9): 65-71.

Топчиев М.С. 2014. Основные векторы конфессиональных отношений российского Прикаспия. - Кубанского государственного аграрного университета. 102 (8): 1-12.

Утебалиева Р.Р. 2013. Ренессанс мусульманской культуры в нижнем Поволжье. - Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 3 (78): 24-28.

Хазов Н.К. 2016. Суфийская традиция в Нижнем Поволжье. - Мусульманский мир. 4: 6-22.

Фарапонова М.А. 2017. Роль православно-исламского диалога в духовно-нравственном развитии российского общества. Дис. … кандидата философских наук: 09.00.11. Ставрополь: ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет». 177 с.

Получена / Received: 05.09.2020
Принята / Accepted: 29.09.2020

Humanity space *International almanac* VOL. 9, No 4, 2020: 472-478
DOI: 10.24412/2226-0773-2020-4-472-478

Об основах добрососедства и диалога православных и мусульман в России*

А.Б. Ефимов

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
127051, Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1
Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities
Likhov lane, 6, build. 1, Moscow 127051 Russia
e-mail: missioner2017pstgu@gmail.com

Ключевые слова: православие, ислам, традиция, добрососедство, диалог, религия, межрелигиозный, многоконфессиональный.
Key words: orthodoxy, Islam, tradition, good neighborliness, dialogue, religion, interreligious, multi-confessional.
Резюме: Обсуждаются духовные основания добрососедства православных русских и мусульман в России. Православие есть религия мира и любви и традиции добрососедства православия и ислама в России вырабатывались веками. Сегодня важно обратиться к этим традициям и к межрелигиозному диалогу, который становится также традиционным во всем мире.
Abstract: The spiritual foundations of good-neighborliness between Orthodox Russians and Muslims in Russia are discussed. Orthodoxy is a religion of peace and love, and the traditions of good-neighborliness between Orthodoxy and Islam have been developed in Russia for centuries. Today, it is important to turn to these traditions and to interreligious dialogue, which is also becoming traditional all over the world.
[**Efimov A.B.** On the basics of good-neighborliness and dialogue between Orthodox and Muslims in Russia*]

Многовековые традиции добрососедства православных и мусульман в России основывались прежде всего на православном менталитете русского населения и русской администрации. Традиции эти как правило вырабатывались интуитивно, хотя имелись и православные научные центры, разрабатывавшие теоретические основы взаимоотношений православных с людьми и народностями, проживавшими в Российской империи. Напомним, что по переписи 1897 года в

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества № 19-1-022083.
The article was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for the development of civil society No. 19-1-022083.

Российской империи имело 197 народов и небольших народностей. Десятки народностей получили от русских письменность, книжность, школы, благодаря чему выростала национальная интеллигенция и сохранилась национальная идентичность; при этом некоторые народности почти поголовно принимали православие и укореняли свой язык и свою культуру в духовных православных корнях, сохраняя свое национальное своеобразие. Многие народности исповедовали ислам, который распространялся и расширял свое влияние до конца XIX - начала XX века. В годы советской власти ислам как и православие претерпевал давление или преследовался, но не столь кардинальное, как православие.

Разработкой теоретических оснований отношения православного населения к исламу и к мусульманам начали глубоко заниматься лишь в последние десятилетия, когда наступила свобода для православия. История традиций добрососедства сегодня отражена в ряде монографий и статей, например, в (Макаров, 2000; Рязанова, 2015; Ефимов, 2007; Ефимов, 2015). Среди теперь уже многочисленных теоретических работ можно указать (Миссилогия, 2010; Стамулис, 2003; Шмеман, 1996; Рязанова, 2015; Facing the world, 2003) и другие. Вопросам межкультурного и межконфессионального диалога посвящено большое количество работ, в том числе (Стамулис, 2003; Рязанова, 2015; Ефимов, 2007; 2017). Общим фундаментальным вопросам диалога посвящены, в частности (Рязанова, 2015; Завершинский, 2017; Флоренская, 2013; Колпакова, 2013) и другие.

Ниже даются некоторые принципиальные положения, обосновывающие традиции добрососедства и успешного диалога православных и мусульман в России.

Православие не умаляет ценности других религий. Православное богословие, конечно, признает уникальность Церкви, но допускает, что даже вне Церкви возможно постижение основных религиозных истин: существование Бога, стремление к спасению, этические принципы и многое другое. И рассматривает христианство не просто как религиозное верование, но как переживание опыта связи человека с Богом, с Личным Богом. Для Восточной Церкви характерна уверенность

в том, что Бог всегда действует в творении и в человеческой истории. Через воплощение Бога, через жизнь и служение Христа упразднен разрыв между естественным и сверхъестественным, трансцендентным и мирским. Он упразднен самим Богом, который принял человеческую плоть и обитал с нами.

При обсуждении этой проблемы надо помнить, что сияние любви Божией, сияние славы Божией, его постоянное промышление обо всем творении распространяется на всех людей.

Каждый человек имеет один и тот же источник своего бытия, разделяет одну и ту же человеческую природу и имеет одно и то же предназначение. Это относится ко всем людям, не только к христианам. Слава Божия, благодать Божия, милость Божия, энергии Божественные исходят от Бога и охватывают Вселенную и все творение. Поэтому все люди способны воспринимать и усваивать хотя в разной степени сияния Солнца Правды – Бога и приобщаться к его любви.

Достаточно сказать, что Авраам, который является родоначальником еврейского народа и от которого также идет и ислам по преданию в детстве стал перед звездным небом, и созерцание звездного неба привело его к стремлению знать Бога - творца мира и, затем, к личным отношениям с Личным Богом.

Христос не исключает из своего попечения людей других религий. Он разговаривает с людьми самых разных религиозных традиций: с самарянкой, с хананеянкой-язычницей, с римским служащим и, наконец, с римским центурионом и оказывает им помощь. Более того, Он говорит об их вере. А об одном из них он говорит, что «и в Израиле не нашел я такой веры» (Мф. 8:10). Особое внимание Он обратил на чувства благодарности со стороны самарянина, который был исцелен от проказы (Ин. 5:1-15). В разговоре с самарянкой Он открыл ей истину о том, что Бог есть Дух (Ин. 4:4-42). И дальше образ доброго самарянина раскрывает основы Его учения (Лк 10:25-37) о новом измерении любви, которую Он проповедует.

Если посмотреть на религиозный опыт с точки зрения духовной, то «Дух дышит где хочет» (Ин 3:8) и, более того, все возвышенное и воистину благое есть результат действия Духа.

Везде, где мы встречаемся с проявлениями и плодами Духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание, на них нет закона (Гал 5:22). Это явления и действие Духа Святаго.

Можно много говорить и об апостолах, которые общались с людьми других религий. Более того, восточные православные богословы говорят о спасении через Церковь. Что это значит? Дело в том, что Церковь по православному учению, кафолична, то есть она имеет отношение ко всему, ко всей Вселенной, и к каждой пташке и к каждой травинке. Церковь кафолична. Она имеет отношение ко всем государствам, ко всем религиям, ко всему. Через Церковь идет освящение всего мира. Достаточно сказать, что величайшее наше Таинство Евхаристии совершается о всех и за вся, то есть о всей Вселенной. И Божественные нетварные энергии, которые освящают совершающих это таинство и участвующих в этом таинстве, одновременно освящают всю Вселенную, всех людей. Так через церковь невидимо, не явно, совершается спасение всего мира. И попечение Церкви обнимает собой все человечество. Евхаристия совершается и распространяет лучи Славы Бога на все творения. Это побуждает нас относиться к религиозному опыту человечества с уважением, но при этом, конечно, и с рассуждением. И обращаясь к различным религиозным системам мы должны избегать как поверхностного энтузиазма, так и высокомерного критицизма. Сегодня нам нужно очень внимательно и осторожно относиться к оценке тех или иных религиозных явлений. Религия – это органическое целое, а не набор традиций и культовых практик. Религия является живым организмом. В каждой из них отдельные составляющие находятся в связи друг с другом. Мы не можем вырвать какие-то элементы из определенно религиозной доктрины и отождествлять их с подобными элементами других религий.

Человек после грехопадения сохраняет образ Божий. Он остается восприемником посланий, исходящих от Бога. Однако зачастую он не в состоянии постичь их должным образом. Для православных критерием остается Сам Бог, который воплощается и дает нам пример любви как переживания в таинствах Церкви. Любовь, которая открывается

в Его личности и в Его действиях, является для православного верующего сущностью и в то же время величайшим примером и полнотой религиозного опыта.

Встает вопрос: нужен ли нам диалог? Диалог, в частности с исламом, с великой религией, которой, как мы знаем, сегодня придерживаются порядка 1.5 миллиарда человек в мире. А православных христиан всего 1/10 от этой цифры. Католиков близко к этой цифре. Мы по-разному можем и должны относиться к разным религиозным системам, мы должны знать, что некоторые религиозные системы просто античеловечны. Но мы всегда должны сохранять уважение и любовь к каждому человеку. К людям, принадлежащим к той или иной религии или идеологии, по примеру Самого Господа. Ибо человек продолжает быть носителем образа Божия и желает постичь богоподобие, поскольку обладает свободной волей, духовным разумом, желанием и способностью любить. С самого начала христиане были обязаны пребывать в диалоге с людьми иных религиозных верований. Более того, многие наши богословские понятия сформулировались благодаря такому диалогу. Диалог принадлежит к церковной традиции. Временами он был главным фактором развития христианского богословия. Большая часть святоотеческого богословия является плодом прямого или косвенного диалога с античным греческим миром как с религиозным течением, с философскими системами. Диалог становится новой формой и вызовом сегодня. Мы все имеем дело с общечеловеческими достижениями. Стремимся к миру всеобщему, к справедливости, к братству. И каждый человек в каждой традиции должен предложить лучшее из унаследованного им в прошлом. И в свете опыта и критики со стороны других взращивать здоровые зерна истины, которыми мы обладаем.

Приведем выдержки из Послания представителей Православных Церквей, собранных в Вифлееме в юбилейном 2000г. Представители Православных Церквей приняли следующее обращение: «Православие с уверенностью вступает в третье тысячелетие. С сознанием верности своей традиции, чуждой беспокойства или страха или агрессии. Оно не испытывает презрения к людям других религиозных верований.

И со всей определенностью подчеркивает: мы обращаемся к другим великим религиям, особенно к монотеистическим религиям, иудаизму и исламу с готовностью создавать благоприятные условия для диалога с ними ради достижения мирного сосуществования всех народов. Православная церковь отвергает религиозную нетерпимость, осуждает религиозный фанатизм, откуда бы он ни происходил».

Это серьезное заявление в 2000 г. актуально и сегодня. Вопросы, которые сегодня волнуют весь мир: это требование мира для всего мира. справедливость, уважение к человеческому достоинству, поиск смысла человеческого существования, защита окружающей среды, проблема семьи, биоэтика, права человека и многие другие вопросы, которые требуют богословского внутреннего духовного осмысления.

И мы должны вступать в межрелигиозный диалог с уважением, рассуждением, любовью и надеждой. Мы стараемся понять, что является существенным для других и избегать какой бы то ни было конфронтации. И последователи других религий призваны объяснить самим себе, как они могут уяснить свои религиозные верования в новых терминах. Использовать или изложить в свете новых вызовов. Итак, диалог плодотворен для обеих сторон. В этой перспективе важно готовиться и общаться. Потому что каждое общение - это и есть диалог. И православное свидетельство обозначает именно свидетельство об опыте и уверенности. Мы исповедуем нашу веру не как интеллектуальное открытие, но как дар благодати Бога. Пренебрегать исполнением долга такого личного свидетельства значит отвергать заповедь Бога. Все это не означает, что проповедь может сопровождаться каким-либо насилием, ибо она может служить прикрытием для достижения тех или иных политических или экономических или иных целей. Речь идет о том, чтобы не навязывать кому-то другому что-то, а свидетельствовать о том, что мы знаем в личном опыте. И такие свидетели - это первые христиане первых веков. Они назывались «мартирии». Свидетельство мученика, свидетельство до смерти, когда люди были готовы отдавать свою жизнь за свое свидетельство. Наше свидетельство начинается в молчании участием в боли и страдании других и

продолжается в радости возвещения Бога, которая достигается в богослужении. Потому что православное христианство - это радость, радость и радость.

ЛИТЕРАТУРА

Ефимов А.Б. 2007. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М.: ПСТГУ. 688 с.

Ефимов А.Б. 2015. Роль религии и культуры в воспитании подрастающего поколения. - В сб.: Национально-культурная идентичность в современной России. Спб.: Алетейя. 467-474 с.

Завершинский Г., прот. 2017. Богословие диалога: Тринитарный взгляд. Науч. ред. и коммент. С.А. Чурсанова. М.: Изд-во МП РПЦ. 336 с

Колпакова М.А. 2013. Введение в диалогическую психологию. М., КАНОН-ПЛЮС. 256 с.

Макаров Д.М. 2000. Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья (XVI-XVIII вв.): Монография. Чебоксары. 272, [7] с.

Миссилогия. М.: Миссионерский отдел РПЦ, 2010. 400 с.

Рязанова Т.Б. 2015. Национально-культурная и религиозная идентичность в современной России. - В сб.: «Национально-культурная идентичность в современной России». Спб.: Алетейя. С. 137-150.

Стамулис И. 2003. Православное богословие миссии сегодня. М.: ПСТГУ. 448 с.

Флоренская Т.А. 2013. Диалог в практической психологии. М.: КАНОН. 256 с.

Шмеман А. 1996. Церковь, Мир, Миссия. - В кн.: Мысли о православии на Западе. М.: ПСТБИ. 272 с.

Anastasios Archbishop of Tirana and all Albania. Facing the world, 2003. pp. 103-125.

Получена / Received: 06.09.2020
Принята / Accepted: 29.09.2020

Humanity space *International almanac* VOL. 9, No 4, 2020: 479-500

DOI: 10.24412/2226-0773-2020-4-479-500

Иван Ильин о проблеме различных конфессий и народностей Российской Империи*

Ю.Т. Лисица

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
127051, Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1
Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities
Likhov lane, 6, build. 1, Moscow 127051 Russia
e-mail: missioner2017pstgu@gmail.com

Ключевые слова: религиозный философ, правовед, конфессии, народности, история, культура, многонациональный, Иван Александрович Ильин.
Key words: religious philosopher, lawyer, confessions, nationalities, history, culture, multinational, Ivan Aleksandrovich Ilyin.

Резюме: Иван Александрович Ильин (1883-1954) - выдающийся русский религиозный философ, ученый правовед и государствовед, посвятивший свою жизнь и свое творчество России: ее истории, культуре, своеобразии и назначении в прошлом, настоящем и будущем; при этом, в частности, уделил особое внимание как проблеме многоконфессиональности и многонациональности народов, проживавших и проживающих ныне на территории Императорской России, Советского Союза и Грядущей России, так и проблеме отношения и общения этих многочисленных - больших и малых народов. Эти проблемы рассмотрены им систематически и не изолированы от других правовых, религиозных, философских, культурных и политических проблем.

Abstract: Ivan Alexandrovich Ilyin (1883-1954) - an outstanding Russian religious philosopher, legal scholar and statesman, who dedicated his life and work to Russia: its history, culture, identity and purpose in the past, present and future; in particular, he paid special attention to the problem of multi-confessional and multi-ethnic peoples who lived and now live on the territory of Imperial Russia, the Soviet Union and the Future Russia, as well as the problem of relations and communication of these numerous-large and small peoples.

These problems are considered by him systematically and are not isolated from other legal, religious, philosophical, cultural and political problems.

[Lisitsa Yu.T. Ivan Ilyin on the problem of various confessions and nationalities of the Russian Empire***]**

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества № 19-1-022083.
The article was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for the development of civil society No. 19-1-022083.

Еще в 1912 году в небольшой рецензии на вышедшую книгу Шлейермахера «Речи о религии» (Шлейермахер, 1911) Ильин сформулировал главную проблему и апорию всякой религии и всякой конфессии, к которой подошел Шлейермахер в своем исследовании: «Основная антиномия, заданная религиею - религиозной философии: *как примирить абсолютную, т. е. единственную, исключительную и конечную верность и истинность религиозного усмотрения и верования, с множественностью столь же абсолютных, но иных по содержанию усмотрений и верований*?» (Ильин, 1994: 13). Из возможных двух ответов: одного - религиозная истина единственна, а все иные верования суть заблуждения; другой - все верования истины, как таковые, и нет заблуждений в религии не так просто выбрать один. Если первый ответ удовлетворяет верующего, но не удовлетворяет философа, то второй - удовлетворяет философа, но не удовлетворяет верующего. Шлейермахер принял второй ответ на эту антиномию, который удовлетворяет философа, что неудивительно для протестанта. Неприятие решения, удовлетворяющего верующего, связано было со страхом «религиозной нетерпимости». Ильин как философ-феноменолог предложил свое решение: «На новых поколениях религиозных мыслителей лежит задача снова подойти к этой антиномии, признав ее неразрешимость лишь за неразрешенность в прошлом (неизбежная и необходимая героическая иллюзия!) и вновь пытаясь найти примирение для нее, с опытом прошлого в руках и с феноменологической тенденцией в исследовании. Но прежде всего установить, что проблема практической "веротерпимости" и внешней социально-политической организации религиозного общения не зависит в своем решении от судьбы этой антиномии. И если бы, например, исследование действительно показало, что в сущности религиозного верования входит исключительность и нетерпимость, то важно с самого начала выяснить со всей силой искренности и недвусмыслия, что эта нетерпимость есть не более, как религиозно-созерцательное, хотя и пламенное "*нет*" по отношению к иным верованиям и по крайним практическим последствием этого осуждения может быть только исповедание "*не приемлю*"» (Ильин, 1994: 14).

В 1919-1922 годах, находясь еще на территории Советской России до его высылки властями в 1922 году в Германию, он преподавал в Московском университете курс «История религии» студентам и своим ученикам, интересовавшимся этой проблематикой. Его лекции и исследования в этой области продолжались всю оставшуюся жизнь и закончились публикацией в Париже двухтомного труда «Аксиомы религиозного опыта. Исследование» (1953), в котором изложены все основополагающие стороны рассматриваемых проблем через систематическое рассмотрение пневматической актологии, т. е. акта (действия) Святого Духа в человеке - *духовности* человека, так отличающее его от других живых созданий Божиих.

Эти проблемы неразрывно связаны с такими фундаментальными проблемами как сущность *веры*, *свободы*, *естественного права*, *религии*, *нравственности*, *воли*, *власти*, *государственного устройства*, *церковной* и *духовной жизни*.

Ценность всех исследований Ильина состоит не только в глубоких теоретических исследованиях русского национального мыслителя, но и в их практической значимости. Мы знаем какую дискуссию внес в настоящее время вопрос о поправках в Конституцию Российской Федерации, в частности, об упоминании в ней *Бога* и *русского народа.* Проблема была и остается нетривиальной. Пример тому является попытка Евросоюза написать свою Конституцию европейских стран, объединившихся в экономический и политический союз, стран, которые полтора тысячелетия являются христианскими, которые сформировали свою культуру и цивилизацию на христианской основе. Но, к большому удивлению, эта Конституция так и не была принята *только* из-за того, что в нее не смогли внести упоминание о *Христианстве*, являющимся культурообразующим *всех* европейских государств. Компромиссом стал отказ от самой Конституции Евросоюза; так что этот по сути *религиозный* вопрос не смог быть решен положительно.

Напротив, Иван Александрович Ильин написал в 1938 году свой «Проект Основного Закона Российской Империи» в качестве возможной Конституции

постбольшевистской России и обсудил его на Совещания в Женеве 22-28 января 1939 года, в котором принимали участие 22 человека - митрополиты, пресвитеры, философы и политики русского зарубежья.

В этом Проекте рассматриваемой нами проблеме он посвятил полностью Раздел Второй. О вере и религии, в котором написано 25 статей, и Раздел Двенадцатый. Высший церковно-исповедальный суд, в котором написано 17 статей. Еще две статьи - 1 и 5 входят в Раздел Первый. О государстве.

Все это разительным образом контрастирует с проблемами упоминания Бога или Христианства в современных основополагающих для совместной жизни народов документах.

На Земле существует много религий и верований. Есть мировые религии, насчитывающие сотни миллионов верующих - Христианство с их многочисленными конфессиями: Католичество, Православие, Протестантизм; Ислам, с его разделением на суннитов и шиитов; Буддизм, с южным Буддизмом Цейлона и западным Ламаизмом. Есть древние религии - Конфуцианство, Даосизм, Индуизм, Синтоизм, Иудаизм. Есть многочисленные языческие верования, среди которых выделяется Шаманизм, особенно на территории России. Есть атеисты и безрелигиозные люди - внецерковные, внеисповедные и безбожные. Проблема состоит в том, чтобы найти условия для мирной и приемлемой жизни всех людей с их различными и теоретически непримиримыми взглядами и предпочтениями.

Эта проблема не только планетарная, но может быт рассмотрена и в отдельной взятой стране, например, России, где проживают многочисленные народы и народности, где существуют различные религии, верования и исповедания - христианские, мусульманские, иудейские, буддийские и языческие. В основном Россия православная страна, Восточное Христианство которой Православие наложило свой отпечаток на все другие религии народов, проживающих на ее территории, о чем пишет Ильин: «Отстаивая свою национальность, Россия боролась *за свою веру и религию*. Этим Россия, как *духовный организм*, служила не только *всем православным народам* и не только всем народам европо-азиатского территориального

массива, но и всем народам мира. Ибо Православная вера есть особое, самостоятельное и великое слово в истории и в системе Христианства. Православие сохранило в себе и бережно растило то, что утратили все другие западные исповедания и что наложило свою печать на все ответвления христианства, магометанства, иудейства и язычества в России. Всякий внимательный наблюдатель знает, что лютеране в России, и реформисты в России, англикане в России, и магометане в России - разнятся от своих иностранных со-исповедников по укладу души и религиозности, удаляясь от своих перво-образцов и приближаясь незаметно для себя к Православию... А Католичество кончило тем, что открыто выработало и выдвинуло межеумочно-подражательную форму исповедания: «католичество восточного обряда», - форму, по видимости, православно-свободно-молитвенную, но по существу католически-лукаво-неискреннюю, симулирующую в обрядах *невоспринятый и даже не постигнутый дух Православия...*» (Ильин, 1993: 299).

Фундаментальным понятием, входящим в рассматриваемую проблему, является *вера*, причем как узком, но главном понимании - вера в Бога, так и самом широком понимании этого слова, да еще в русской артикуляции и русской коннотации. Христианское определение веры дано Апостолом Павлов в его Послании к Евреям: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр 11, 1) и вся 11 глава этого послания посвящена библейским примерам, что было *познано* верой, что было *принесено в жертву Богу* верою, как праведники *угождали Богу* верою, как важнейшие библейские события *определялись* верою, как библейские патриархи *вели* свой народ верою, как пророки *получали откровения* верою, как избранный народ *освобождался от рабства* верою, как *строился Израиль* верою, как великою верою *спасались* грешники и преступники, больные и здоровые, бедные и богатые, иудеи и язычники.

Отношение с Богом, вера в Бога - состояла в безусловном до*верии* Ему. В русском же языке слово «вера» имеет один корень со словом «верно»: про*верить* нечто означает убедиться в том, что это нечто *верно*. Аксиомы, которые в науках

принимаются и не доказываются, принимают на веру, потому что они *верные* утверждения. Никто и никогда не строит науку на неверных утверждениях и неверных предпосылках - ложные утверждения и ложные предпосылки рано или поздно уничтожат саму науку. Так что *вера* основа знания и познания, а в предельных случаях, когда знание имеет свой предел и потолок, вера поддерживает знание - вдохновляет открывателей, укрепляет и расширяет горизонт сознания и регион (область, универсум, мир) предметности. Вот почему *всякий* человек имеет *естественное право* на *веру*, на *религию*, которая оформляет отношение человека с Высшим Существом, Богом, источником самой *жизни*, самой *истины*, самого *добра*, самой *красоты*. Такое естественно право человека наряду с естественным правом на *жизнь*, на *образование*, на *свободу*, на *духовное достоинство* является основополагающим. Ценность этого права есть *достойная, внутренне-самостоятельная* и *внешне свободная* жизнь *всего множества индивидуальных духов*, составляющих человечество. Ильин подытоживает определение многих правоведов, рассматривающих это естественное право: «Единичное человеческое существо есть возможность одухотворенной жизни; вести такую жизнь, создавая ее самостоятельно и свободно, есть *основное и безусловное право каждого*. Его можно назвать *естественным* правом*, потому что оно выражает существенную* природу *духовной жизни человека: его можно назвать* вечным *правом, потому что оно сохраняет свое значение для всех времен и народов, потому что всякое умаление или попрание его извращает духовную жизнь и унижает достоинств человека*» (Ильин, 1994: 196-197).

В греческом языке слово «жизнь» передается двумя словами: «bios» - жизнь, сила, мощь и «zoe» - жизнь, образ жизни, средства к жизни, которые можно отнести ко всем тварным существам, включая животных, но «духовная жизнь», «жизнь с Богом», а образ жизни как «церковная жизнь» - вот что отличает человека от животного. И это вопреки дарвинистам-когнитивистам, считающим «религию ошибочным продуктом эволюции», существенно отличает человека от сугубо природного существа. Вот почему эта «третья» жизнь человека

всегда считалась самой сокровенной и самой сакральной, требующей права и защиты.

Духовная жизнь человека является не только жизнью с Богом, в Его Царстве и спасением своей души для жизни вечной, но и для священной и главной цели своей жизни, «которою сто́ит жить, за которую стоит бороться и в борьбе за нее отдать свою жизнь: эта главная цель его жизни именуется *делом Божьим на земле*, т. е. делом религиозного осмысления духовной культуры» (Ильин, 1993: 88). Другими словами, жизнь человека на земле не является *спиритуалистической*, отвлеченно-созерцательной, а конкретно-реалистической, не отвергающей этот мир, но принимающей его как это делал Сам Бог - Спаситель наш Иисус Христос. С другой стороны, жизнь и вера человека не является исключительно земной, она не просто некоторое «ощущение» или «чувство», «Напротив, - говорит Ильин, - она есть некий целостный жизненный опыт, некое миросозерцание и система действий; она вовлекает в свой процесс и волю, и мысль, и слово, и дело - все сразу, всего человека целиком: ибо исходит из последней глубины человеческого существа и потому неизбежно захватывает всего человека. Только при этом условии вера становится *деятельной*, *творческой* верой: укорененной. Искренней, цельной и победной. Но для того, чтобы вера возникла и загорелась, и приняла такую силу и обличие, человек должен быть в своей вере *свободен*» (Ильин, 1993: 88-89). Именно в силу этой безусловной *внутренней свободы* человека и производной от нее *внешней свободы* человек и может *веровать, любить, творить.* Ничего из этого нельзя добиться по принуждению, при насилии и понуждению - в этом главная ошибка тоталитарных, деспотических и военных режимов. Свобода человеку дарована от Бога и в такой полноте и неограниченности, что человек даже может ею злоупотребить, что и случилось в момент его грехопадения. Поэтому человек должен быть предельно *ответственен* за свободу своей воли и своих действий. В идеале это выраженно греческим словом iliotropion, т. е. подсолнечник, - символизирующий согласование человеческой воли с Божественной. Защищая веру, мы защищаем свободу и наоборот, защищая свободу, мы защищаем веру.

Ильин считал, что «все *живые источники человеческого качества* - от элементарной порядочности до высших ступеней святости, - суть дело *свободы*, т. е. ненавязанного и невынужденного другими людьми, самостоятельного приятия и осуществления. Так, *чувство собственного духовного достоинства*, - эта воспитанная в нас христианством живая основа личности и ее служения (морального, общественного, гражданского и воинского), есть дело свободного опыта и свободного утверждения: кто сам не воспринимает в себе Божьего сына, того не исправит никакой террор. Чтобы пробудилось в человеке *чувство чести*, надо погасить в нем раба; и *совесть* есть прямое проявление *личной свободы в добре*; и *патриотизм можно пробудить и расшевелить* в людях, для того, чтобы он свободно загорелся в них, но *навязать* его невозможно. И самый высший героизм, и самое чистое самоотвержение являются проявлением свободной, доброй воли» (Ильин, 1993: 194).

Так как Россия страна огромна, многолюдна, многоплеменный и многоконфессиональный мир людей и никогда не была единосоставным, простым народным массивом и будет в дальнейшем таковой - единством во множестве: государством пространственной и бытовой дифференциации, и, в то же время, - органического и духовного единения, то она обречена на правильное решение этой религиозной проблемы: она будет строиться не страхом, а любовью, не классовым произволом, а правом и справедливостью, не принуждением, а свободой. Она сможет выработать такое законодательство, которое удовлетворяло бы все религиозные и этнические чаяния своих народов. Для этого у нее есть накопленный исторический опыт. Императорская Россия разумела это и выговаривала открыто. В статье 67 Основных Законов (в Своде Законов см. том. I, часть I, раздел I, статья 45) свобода веры присвоялась всем русским гражданам, включая и язычников: «да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских Монархов и моля Творца вселенной о умножении благоденствия и укрепления силы Империи». Императорская Россия понимала, что только *искреннее*

верование полноценно и что только *свободное* верование может быть искренним. И никто не сомневаемся в том, что будущая Россия восстановит эту свободу, - не свободу соблазна, лукавого совращения, извращения, сатанизма и безбожной пропаганды, но свободу Богосозерцания и Богоисповедания.

Из этого исходил Ильин, когда писал Проект Основного Закона Грядущей России. Этот проект Конституции Российского государства представляет собой содержательное и полное описание всех задач и проблем государственного и общественного устройства, но для нас важны его статьи, касающиеся религиозных и межэтнических, национальных аспектов.

Уже в *Разделе Первом* **О РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ** примечательны две статьи:

Ст. 1. В порядке Божьего изволения возникшее, Божиим Промыслом в веках ведомое, Российское Государство утверждается как установление по духу своему христианское и национальное, призванное ко хранению и осуществлению закона правды в жизни российских народов.

5. Российское Государство есть единство *священное*, ибо оно объединяет людей не токмо внешне, но и внутренне, не токмо за страх, но и за совесть, не токмо перед лицом всех людей, но и перед лицом Божиим. Российское Государство служит делу Божьему на земле: оно ограждает и обслуживает жизнь русского национального духа в его единстве и в его всенародной и общенародной совокупности.

Следующий раздел полностью посвящен этому. Более того, Ильин оставляет статью 5 и статью 12 для будущего конкретного наполнения, которое можно будет внести в определенное время с учетом сложившейся ситуации, т. е. не ограничивая ее 30-ми годами прошлого столетия.

Раздел Второй. О ВЕРЕ И РЕЛИГИИ

Ст.1. Первенствующая в Российском Государстве вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания. Российский Государь или Верховный Правитель не может исповедовать никакой иной веры, кроме православной. Российские граждане, принадлежащие к православной вере, обязаны воспитывать в ней своих детей. Во

всех официальных, торжественных и воинских богослужениях моление отправляется православным духовенством по православному обряду.

2. Всем российским гражданам обеспечивается свобода веры, молитвы, исповедания и богослужения.

3. Эта свобода присваивается как христианам иных исповеданий, так и евреям, магометанам, язычникам и иным нехристианским общинам, да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя Российское Государство и его верховную власть и моля Творца вселенной о умножении благоденствия и укрепления духовной силы русского народа.

4. Сия свобода не распространяется, однако, на вероучения безнравственные, противоестественные, изуверские, противогосударственные и сатанинские. Подведение под эту статью закона совершается на основании приговора Высшего Церковно-Исповедного Суда. Такие общины не пользуются правами публичного лица и публичной свободы, имущество их конфискуется, а члены их могут быть высылаемы из пределов России в страну по собственному выбору, без права возвращения.

6. Все вероисповедные общества, существующие в России, подлежат обязательной регистрации в Высшем Церковно-Исповедном Суде. Общины, принадлежащие к запрещенным вероучениям, не должны быть регистрируемы.

7. Правами юридического лица публично правового характера могут пользоваться только вероисповедные общества, имеющие свою высшую церковную юрисдикцию на территории Российского Государства (автокефальные) и обязательно возглавляемые кем-либо из российских граждан.

Все остальные вероисповедные общества могут пользоваться лишь правами юридического лица частноправового характера.

8. Никто не может быть преследуем за исповедуемые им верования. Никто не может быть принуждаем к участию в обрядах иного вероисповедания. Однако присутствие на официальных, торжественных и воинских богослужениях

обязательно для всех российских чинов по принадлежности.

9. В течение первых 10-25 лет после восстановления в России законного порядка воспрещается всякая взаимная религиозная пропаганда среди христианских вероисповеданий. Это запрещение может быть распространено и на другие нехристианские исповедания.

10. Лицам, достигшим 25-летнего возраста, не возбраняется переход в иное исповедание.

11. Всякое безбожие есть личное духовное несчастье человека. За безбожие никто не подлежит ни суду, ни осуждению. Однако всякая пропаганда безбожия воспрещается: она подлежит суду Высшего Церковно-Исповедного Суда и наказанию. Особый закон определит, к каким государственным и публично-общественным должностям безбожники вообще не могут допускаться.

13. Государство и церковно оформленные религиозные союзы - служат единой высшей цели: делу Божьему на земле, но разными способами и средствами (см. ст.1 и 5 Раздела Первого Осн. Зак.). Посему они призваны не к борьбе и соревнованию, но ко взаимной поддержке и творческому сотрудничеству. Этим устанавливается не отделение церкви от государства, а разделение сфер и творческое согласование целей и усилий, обоюдное уважение, обоюдная жизненная независимость при взаимном сотрудничестве, непосягании и невторжении. Это относится не только к Христианской Православной церкви, но и ко всем иным, христианским и нехристианским церковно-оформленным религиозным союзам.

14. Посему все церковные общины и их члены повинны соблюдать законы государства. Никакие религиозные учения и никакие постановления церковной власти не освобождают ни религиозные союзы, ни верующих граждан от повиновения государству и его законам, доколе законы сии не посягают на заповеди Божии.

15. Каждый церковно оформленный и законно зарегистрированный религиозный союз является самостоятельной и канонически-самозаконной организацией внутри Российского Государства и должен управляться единым главою, имеющим русское гражданство и постоянно

пребывающим в России.

16. Российское Государство и его законная власть не призваны править церковью в сфере догмата, обряда, таинства и организации. Но они обязаны требовать от церкви и от верующих - верности отечеству и соблюдения законов.

17. Никакой церковный союз, состоящий из русских граждан, не имеет права вмешиваться в государственные дела и их законное течение. Однако высшие церковные органы имеют право обращаться к Государю или Верховному Правителю со своими соображениями о пользах государства и нуждах церкви, с жалобами, просьбами и проектами законов.

18. Государственная власть не имеет права подчинять себе религиозные и церковные союзы, вовлекать их принудительно в светские дела, навязывать им свои мерила и способы действия, привлекать их к уголовному сыску или политическому доносительству, нарушать тайну исповеди, умалять свободу церковного слова и церковной печати, поскольку эти последние не вторгаются в государственные и политические дела.

19. Церковные и религиозные союзы не имеют права злоупотреблять своим влиянием и авторитетом в делах государственных и политических. Никакое принудительное оцерковление политики, жизни и духовной культуры не допустимо.

20. Церковные и религиозные союзы не пользуются никакими постоянными «субсидиями» или «дотациями» из средств государственной казны. Единоразные чрезвычайные ассигнования проводятся по особому ходатайству соответствующего вероисповедного общества в законодательном порядке. Такое ходатайство допустимо только со стороны вероисповедного общества, пользующегося правами юридического лица публично-правового характера и при том непременном условии, что Высший Церковно-Исповедный Суд поддерживает это ходатайство.

21. Средние и высшие духовные учебные заведения первенствующего вероисповедания содержатся на государственный счет, но стоят в заведовании Православной Патриархии, назначающей должностных лиц, учителей и профессоров. По сим назначениям Министерство Народного Просвещения имеет право отвода.

22. Во все высшие управления церковных союзов Российская государственная власть назначает своего непременного члена для законного надзора, осведомления и согласования. По этим назначениям высшие управления церковных союзов по принадлежности имеют право отвода.

23. Патриашее Управление Православной церкви назначает в высшие государственные органы (в Земский Собор, в Государственный Совет, в Совет Старейшин и в Думу Национального Единения) своего непременного члена с правом совещательного голоса. По сему назначению Глава Государства имеет право отвода.

24. Св. Патриарх Православной Церкви по должности имеет право лично участвовать с решающим голосом во всех коллегиальных высших государственных органах Российского Государства. Право назначать себе заместителя с теми же правами ему не предоставляется.

25. Высший Церковно-Исповедный Суд ведает регистрацией церковно-исповедных союзов и общин, согласованием и примирением деятельности различных церквей и исповеданий в пределах России, борьбой против безбожия, судом по делам о безбожниках и т. д. Предметы его ведения, его состав и действие определяется в Разделе Двенадцатом Основных Законов (Ильин, 1998: 510, 513-517).

Ясно одно, что уровень современного правосознания в России не на такой высоте, чтобы подобные содержательные и по существу документы были не то, что приняты, но и даже рассматриваемые на любом государственном и общественном уровне. Это положение дел еще больше подчеркивает значимость Ильинского Проекта Основного Закона, так как позволяет каждому *отдельному* читателю, всякому *индивиду*, каждой *личности* в силу ее естественно-правовой свободы прочесть и осмыслить этот содержательны текст. Более того, Ильин писал только те статьи, которые фундаментальны и вневременны, понимая, что в будущем могут наступить конкретные, этому времени присущие условия, и оставляет - оттачивает некоторые статьи своего Проекта для написания их людьми грядущей эпохи.

Примечателен и рассмотренный юристом Ильиным

судебный аспект, разделяющий полномочия светской и религиозной власти.

Раздел Двенадцатый. ВЫСШИЙ ЦЕРКОВНО-ИСПОВЕДНЫЙ СУД

1. Высший Церковно-Исповедный Суд есть всероссийское государственное Учреждение, состоящее при Главе Государства и ведающее общерелигиозными и между-исповедными делами в пределах Российской Империи.

2. Задача его: создание и упрочение между-исповедного мира в стране; обеспечение религиозных прав и надлежащей религиозной свободы всем российским гражданам; водворение законности и справедливости во взаимных отношениях различных церквей, исповеданий и религиозных обществ в России; взаимное ограждение исповеданий от всяческих религиозных совращений и недобросовестной религиозной пропаганды; совместная борьба всех признанных исповеданий с вероучениями безнравственными, противоестественными, изуверскими, противогосударственными и сатанинскими; совместная борьба всех признанных исповеданий с безбожием и безбожниками; взаимная поддержка всех исповеданий в воспитании российских граждан к религиозной вере, к добродетели, отечественной верности и духовному характеру.

3. Членами Высшего Церковно-Исповедного Суда состоят избранные соответствующими синодами или назначенные соответствующими возглавителями религиозных обществ (в зависимости от канонического устроения каждого из них) представители всех зарегистрированных, автокефально организованных церквей и исповеданий Российского Государства, в количестве не свыше тридцати, в зависимости от численного преобладания каждого из них в стране.

Религиозные общества незарегистрированные (ст.6 Раздела Второго) или неорганизованные в России автокефально (ст.7 Раздела Второго) - не имеют права делегировать своих представителей в состав Высшего Церковно-Исповедного Суда.

Примечание. Ввиду того, что согласно закону регистрация церковных обществ производится Высшим Церковно-Исповедным Судом, предварительная регистрация

передается в ведение особого Исповедного Присутствия, назначаемого Главой Государства.

4. К этим тридцати представителям, пользующимся в заседаниях и решениях суда равным голосом, присоединяются по назначению Св. Патриарха Православной Церкви пять членов Православной Церкви в составе одного епископа, двух иереев и двух светских лиц.

5. Св. Патриарх является по своему званию Председателем Высшего Церковно-Исповедного Суда. Он имеет право назначить себе заместителя, который пользуется в его отсутствие решающим голосом. При разделении голосов голос Св. Патриарха или его заместителя дает перевес.

6. Все выбранные или назначенные члены Высшего Церковно-Исповедного Суда должны быть утверждены Главой Государства.

7. Все Члены Высшего Церк.-Исповедного Суда дают при вступлении в должность обычную торжественную подписку о своем служении, скрепленную исповедною присягою или клятвою. Они получают содержание от Российского Государства и обязаны пребывать в том месте, где постоянно находится Суд.

8. Полномочия каждого члена Высшего Церк. Исп. Суда имеют пятилетнюю длительность.

9. Высший Церковно-Исповедный Суд ведает:

a) регистрацией и перерегистрацией религиозных обществ и исповеданий;

b) надзором за их автокефальностью;

c) надзором за лояльным отношением всех вообще религиозных обществ к российскому государству и его основным и общим законам;

d) надзором за соблюдением всеми религиозными обществами всех постановлений о вере и религии, изложенных во Втором Разделе Основных Законов;

e) примирительным разбирательством по всем спорам и столкновениям между различными религиозными обществами и исповеданиями;

f) а также всеми делами, вытекающими из указанных в ст.2 настоящего Раздела задач.

10. Высший Церковно-Исповедный Суд представляет все свои решения на утверждения Главы Государства через Совет Министров. Утвержденные Главой Государства решения Суда имеют силу Указа Главы Государства; в случаях примирительного разбирательства и приговора - силу судебного решения.

11. Высший Церковно-Исповедный Суд имеет право ходатайства перед Главою Государства о пользах и нуждах веры, как через Совет Министров, так и непосредственно.

12. Он имеет также право ходатайствовать перед Главой Государства об издании того или иного признанного необходимым закона. Сие право не есть однако право законодательной инициативы.

13. Высший Церковно-Исповедный Суд имеет право создавать при себе исследовательские институты по истории религии, по изучению религиозных учений и обрядов; он имеет право издавать исследования, журнал и свои Ведомости.

14. Члены Высшего Церковно-Исповедного Суда пользуются полной свободой суждений в заседаниях суда и депутатской неприкосновенностью вне заседания.

15. К ведению Высшего Церковно-Исповедного Суда принадлежит также рассмотрение ходатайств отдельных религиозных обществ и исповеданий о чрезвычайных, единоразовых денежных субсидиях, выдаваемых государством. Для поддержания такого ходатайства необходимо две трети голосов присутствующих членов.

16. Брачные и бракоразводные дела, а также метрические книги ведаются каждым религиозным обществом отдельно и самостоятельно. Общие государственные суды ведают только гражданской стороной сих актов, поскольку Российские Государственные законы допускают заключение гражданского брака помимо и сверх церковного таинства или прямо требуют его.

17. Постановления общего кодекса российского семейного права обязательны для всех российских граждан, поскольку в самом кодексе не сделано исключение для отдельных национальностей и исповеданий.

Двадцатый век был характерен всемирными катаклизмами и радикальными изменениями многих стран и народов: своими мировыми войнами, крушениями империй, разделением и расчленением государств, изменением политических и хозяйственных укладов людей. Особенный урон нанесли народам идеи уничтожения национальных государств, пропаганда и практика интернационализма (социалистические и коммунистические идеи), практика богоборчества, отделение церкви от государства и школы, вытеснение религии на периферию (тоталитарные, масонские и демократические идеи) и идеи глобализации, радикального разделения труда и искажение человеческой природы вплоть до своевольного изменения пола (радикальные идеи либерализма). В этом плане особенно сильный удар был нанесен *национализму*, который уже более ста лет носит на себе отрицательную коннотацию. Иван Александрович Ильин один из немногих, кто с самого начала отстаивал идею *истинного* национализма, постоянно указывая на его искаженные и болезненные проявления. «Что такое есть национализм? - задавал вопрос Ильин и отвечал, - национализм есть *любовь* к историческому облику и творческому акту своего народа во всем его своеобразии. Национализм есть *вера* в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание. Национализм есть *воля* к тому, чтобы мой народ творчески и свободно цвел в Божьем саду. Национализм есть *созерцание* своего народа перед лицом Божьим, созерцание его души, его недостатков, его талантов, его исторической проблематики, его опасностей и его соблазнов. Национализм есть *система поступков*, вытекающих из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания» (Ильин, 1993: 363-364).

Россия многонациональная держава; в ней проживают около 200 различных народов и народностей, наций и национальностей, этносов и племен. И все это разнообразие людей со своей своеобразной культурой, вековыми укладами, различными языками и уникальными преданиями нельзя нивелировать и насильственно уравнять или, образно говоря, всех одеть в мао цзедуновские френчи (примеры таких государств еще есть перед нашими глазами, но это редкое исключение подтверждает верность естественного многообразия

человеческого бытия). Каждый народ, - пишет Ильин, - имеет национальный *инстинкт*, данный ему от природы (а это значит - и от Бога), и дары Духа, изливаемые в него от Творца всяческих. И у каждого народа инстинкт и дух живут *по-своему* и создают *драгоценное своеобразие*. Этим русским своеобразием мы должны дорожить, беречь его, жить в нем и творить из него: оно дано нам было искони, в зачатке, а раскрытие его было задано нам на протяжении всей нашей истории. Раскрывая его, осуществляя его, мы *исполняем наше историческое предназначение*, отречься от которого мы не имеем *ни права, ни желания*. Ибо всякое национальное своеобразие *по-своему являет Дух Божий* и по-своему славит Господа. Каждый народ по-своему вступает в брак, рождает, болеет и умирает; по-своему лечится, трудится, хозяйствует и отдыхает; по-своему горюет, плачет, сердится и отчаивается; по-своему улыбается, шутит, смеется и радуется; по-своему ходит и пляшет; по-своему поет и творит музыку; по-своему говорит, декламирует, острит и ораторствует; по-своему наблюдает, созерцает и творит живопись; по-своему исследует, познает, рассуждает и доказывает; по-своему нищенствует, благотворит и гостеприимствует; по-своему строит дома и храмы; по-своему молится и геройствует... Он по-своему возносится духом и кается. По-своему организуется. У каждого народа свое особое чувство права и справедливости; иной характер; иная дисциплина; иное представление о нравственном идеале, иной семейный уклад, иная церковность, иная политическая мечта, иной государственный инстинкт. Словом: у каждого народа иной, особый *душевный уклад и духовно-творческий акт*. Так обстоит от природы и от истории. Так обстоит в инстинкте и в духе. *Так нам всем дано от Бога.* И это хорошо. Это прекрасно. Различные травы и цветы в поле. Различные деревья и облака. Богат и прекрасен сад Божий; обилен формами; блещет красками и видами; сияет и радует многообразием...» (Ильин, 1993: 361).

Более того, все самое прекрасное, совершенное для всех народов может создать тот, кто утвердился в своем народе, в его культуре, в его вере, в его творческом акте. Примерами являются «мировые гении», ограничимся здесь только гениальными литературными текстами - авторы Библии, Гомер,

Вергилий, Данте, Сервантес, Шекспир, Пушкин, Достоевский и очень многие другие писатели, поэты, которые известны всем. «Истинное величие, - продолжает Ильин, - всегда почвенно. Подлинный гений всегда национален: и он знает это сам о себе. И если пророки не принимаются в своем отечестве, то не потому, что они творят из какого-то «сверхнационального» акта, а потому, что они *углубляют* творческий акт своего народа до того уровня, до той глубины, которая *еще не доступна* их единоплеменным современникам. Пророк и гений - *национальнее своего поколения*, в высшем и лучшем значении этого слова. Пребывая в своеобразии своего народа, они осуществляют национальный акт *классической глубины* и *зрелости* и тем показывают своему народу его подлинную силу, его призвание и грядущие пути. Итак, национализм есть здоровое и оправданное настроение души. То, что национализм любит и чему он служит, - в самом деле достойно любви, борьбы и жертв. И грядущая Россия будет *национальной Россией*» (Ильин, 1993: 365-366).

Вот почему Ильин придавал такое важное значение своеобразию всех народов и племен Российской Империи, посвятив четырнадцатый раздел своему Проекту Основного Закона Грядущей России.

Раздел Четырнадцатый. ДУМА НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНЕНИЯ

1. Дума Национального Единения есть всероссийское государственное учреждение, состоящее при Главе Государства и ведающее делом духовного и государственного единения всех российских национальностей.

2. Задачи ее: создание и упрочение межнационального мира и братского сожительства всех народностей Российского Государства; обеспечение национально-культурной свободы граждан всех российских национальностей; водворение законности и справедливости во взаимных отношениях российских народностей; совместная борьба всех верных народностей России с нелояльными, сепаратистскими и противогосударственными течениями в их среде; взаимная поддержка всех национальностей в воспитании российских граждан в духе веры, чести, отечественной верности и

духовного характера.

3. Членами Думы Национального Единения состоят избранные на основании особого закона представители 30 численно крупнейших народностей Российского Государства. Избираться могут только лица, удовлетворяющие требованиям ст.8 Раздела Шестого Основных Законов, мужского пола, не моложе 40 лет, свободно владеющие русским языком, умеющие читать и писать по-русски, а также и на своем языке.

4. К этим 30 представителям, утверждаемым Главою Государства и пользующимся в заседаниях и решениях Думы равным голосом, присоединяются по назначению Главы Государства двадцать членов Думы, пользующихся таким же голосом.

5. Глава Государства назначает Председателя Думы; общее собрание Думы выбирает двух товарищей Председателя и двух секретарей.

6. Все члены Думы Национального Единения дают при вступлении в должность обычную торжественную подписку о своем служении, скрепленную исповедной присягой или клятвой. Они получают содержание от Российского Государства и обязаны пребывать в том месте, где обретается Дума Национального Единения.

7. Полномочия каждого члены Думы Национального Единения имеют трехлетнюю длительность.

8. Дума Национального Единения ведает:

a) точным и справедливым выяснением национального состава Российского Государства, а также его географически-территориальным распределением;

b) точным и справедливым выяснением вопроса о языке, вере, образовании, занятиях, промыслах, богатствах, нуждах и потребностях каждой национальности в отдельности;

c) вопросом о желательности и необходимости культурной и правовой автономии каждой из народностей, как представленных в Думе Национального Единения, так и не представленных;

d) примирительным разбирательством в столкновениях отдельных народностей между собою;

e) а также всеми делами, вытекающими по смыслу из ст.2

настоящего Раздела.

9. Дума Национального Единения представляет все свои решения на утверждение Главы Государства через Совет Министров. Утвержденные Главой Государства решения имеют силу Указа Главы Государства; в случае примирительного разбирательства - силу судебного решения.

10. Дума Национального Единения имеет право ходатайствовать о пользах и нуждах национального единения перед Главою Государства, как через Совет Министров, так и непосредственно.

11. В особенности она имеет право ходатайства перед Главой Государства об издании того или иного признанного необходимым закона. Сие право не есть однако право законодательной инициативы.

12. Члены Думы Национального Единения пользуются полной свободою суждения в заседаниях Думы и депутатской неприкосновенностью вне заседаний.

13. Дума Национального Единения имеет право создавать при себе исследовательские институты по истории народностей России и по изучению их языков и культур. Она имеет право издавать исследования, журнал и свои Ведомости.

14. Бюджет Думы Национального Единения, а также размер вознаграждения членам ее проводится в общем законодательном порядке. В переходное время - в порядке чрезвычайного указа.

15. Дума Национального Единения вырабатывает свой наказ, определяющий подробно круг ее ведения и порядок ее работ. Наказ этот утверждается Главою Государства.

16. Святейший Патриарх имеет в Думе Национального Единения право решающего голоса. Заместитель его, им назначенный, имеет лишь совещательный голос.

17. Все Министры являются членами Думы Национального Единения с решающим голосом.

18. Все члены Земского Собора, Государственного Света и Совета Старейшин имеют право присутствовать в общих собраниях Думы Национального Единения с правом совещательного голоса.

ЛИТЕРАТУРА

Ильин И.А. 1993. «Наши задачи». - В кн.: Ильин И.А. Собрание сочинений в 10-ти тт. Т. 2: [Наши задачи: статьи, 1948–1954 гг., кн. 1: Наши задачи: статьи, 1948–1951 гг.]. Сост., вступит. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга. 496 с.

Ильин И.А. 1993. «Путь духовного обновления». - В кн.: Ильин И.А. Собрание сочинений в 10-ти тт. Т. 1: [Путь духовного обновления; Основы христианской культуры; Кризис безбожия]. Сост., вступит. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга. 400 с.

Ильин И.А. 1994. «О сущности правосознания». - В кн.: Ильин И.А. Собрание сочинений в 10-ти тт. Т. 4.: [Понятия права и силы; Общее учение о праве и государстве; О сущности правосознания; О монархии и республике; Из лекций «Понятия монархии и республики»]. Сост., вступит. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга. 624 с.

Ильин И.А. 1994. «Шлейермахер и его “Речи о религии”». - В кн.: Ильин И.А. Собрание сочинений в 10-ти тт. Т. 3: [Шлейермахер и его три речи о религии; Религиозный смысл философии; Три речи; Я вглядываюсь в жизнь: Книга раздумий; Поющее сердце: Книга тихих созерцаний; Путь к очевидности]. Сост., вступит. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга. 592 с.

Ильин И.А. 1998. «Проект Основного Закона Российской Империи». - В кн.: Ильин И.А. Собрание сочинений в 10-ти тт. Т. 7: [О большевизме и коммунизме; Мученичество: Церковь в советском государстве; Советский Союз - не Россия; О национальном призвании России; Творческая идея нашего будущего]. Сост., вступит. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга. 608 с.

Шлейермахер Д.Ф. 1911. «Речи о религии к образованным людям, ее презирающим»: «Монологи». Пер. с нем. С.Л. Франк. М.: «Русская мысль». 390 с.

Получена / Received: 06.09.2020
Принята / Accepted: 30.09.2020

Humanity space *International almanac* VOL. 9, No 4, 2020: 501-519

DOI: 10.24412/2226-0773-2020-4-501-519

Межрелигиозные и межэтнические отношения в Поволжье: исследования и материалы*

Н.Н. Павлюченков

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
127051, Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1
Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities
Likhov lane, 6, build. 1, Moscow 127051 Russia
ORCID: 0000-0002-7778-139X
e-mail: npavl905@mail.ru

Ключевые слова: Поволжье, православие, ислам, постсекулярное общество, модернизация, традиция.
Key words: Volga region, Orthodoxy, Islam, post-secular society, modernization, tradition.

Резюме: Статья содержит краткий обзор наиболее актуальных публикаций, посвященных проблеме межрелигиозных и межэтнический отношений в Поволжье. Обращается внимание на оценки глобальных процессов в современном обществе, таких, как «постсекуляризация», тенденции к модернизации и возвращения к «традиции». Отмечается выявляемая исследователями связь опасности межрелигиозных конфликтов и приверженности к чисто внешним формам религиозности как со стороны православных, так и со стороны мусульман.

Abstract: The article contains a brief overview of the most relevant publications devoted to the problem of interreligious and interethnic relations in the Volga region. Attention is drawn to the assessment of global processes in modern society, such as "post-secularization", trends towards modernization and return to "tradition". The connection between the danger of interreligious conflicts and adherence to purely external forms of religiosity on the part of both Orthodox and Muslims is noted.

[Pavliuchenkov N.N. Interreligious and interethnic relations in the Volga region: research and materials***]**

В качестве введения в данную проблему следует обратить внимание на публикации, посвященные оценкам тех глобальных процессов в современном мире, которые напрямую затрагивают российское общество в целом и Поволжье как «осевой регион» России в частности. Эти публикации по своим темам можно

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества № 19-1-022083.
The article was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for the development of civil society No. 19-1-022083.

разделить на две группы: первая посвящена анализу явления, названного «постсекуляризацией», а вторая рассматривает взаимодействие и конфликты таких тенденций в современном обществе, как «модеризация» и «традиция».

Выражение «постсекулярное общество» ввел в научный оборот немецкий философ Юрген Хабермас (2002: 129). Секулярный взгляд на мир и человека характеризуется убеждением в том, что религия принципиально неразумна; в религии нет и не может быть никакой Истины. При этом главным результатом секуляризации было не уничтожение религии, а ее обособление, вытеснение из других обособленных сфер жизни общества. Это было такое вытеснение религии в некое специальное пространство, обособленность которого могла бы обеспечить невмешательство религии в другие, также считающиеся обособленными, сферы. Постсекулярность, пишет А. Кирлежев, это возвращение религии в жизнь общества, выход религии из сферы только частных, личных интересов. Но этот «выход» не означает возрождения религиозности как таковой. Постсекулярное общество характеризуется не ростом религиозности, а возвращением религии в общественную сферу (Кырлежев, 2011: 100-106).

Для характеристики пост-секулярного общества английский социолог религии Грейс Дейви ввела характерные термины: «believing without belonging» - вера без принадлежности к какой-либо религиозной общине, «belonging without believing» - принадлежность к религиозной традиции (конфессии) без активной сознательной веры и «vicarious religion» - «заместительная религия», когда светские люди не ходят в храм, не молятся, но чувствуют себя причастными к религии «через» верующих людей и служителей храмов. И если убрать храмы и монастыри, то эти люди почувствуют, что им не хватает чего-то очень важного. В постсекулярном обществе нерелигиозный человек по каким-либо причинам идентифицирует себя с конкретной религиозной традицией, являющейся частью его культуры. И это - обычное явление.

В секулярном мировоззрении Природа есть не искаженное благое творение Божие, а нейтральная данность мира, самодостаточная и потому предельная реальность. С этой

точки зрения, религия дает иррациональное, иллюзорное видение мира. Претензия религии на трансцендентное возводится в сферу субъективно-личного. Это - пространство индивидуального мировоззрения и соответствующей психологии. Секулярное не уничтожает религиозное, но «заключает его в особую охраняемую зону» (Кырлежев, 2011: 103). «Постсекулярная ситуация складывается тогда, когда *в общем* социокультурном пространстве... борьба светского за максимальное и в пределе полное вытеснение религиозного из всех сфер, кроме приватной, заканчивается *по существу*» (Кырлежев, 2011: 104). «... Когда обнаруживается истинный характер секулярного как квазирелигиозного. Когда становится ясно, что универсалистские претензии секуляризма по существу ничем не отличаются от унивесалистских претензий религии». «... Когда... религиозное как таковое не только не исчезает, но и эволюционирует, обретая новые формы». В результате созревает религиозность нового типа, границы которой невозможно обозначить. это - субъективные религии, не претендующие на универсальную власть (Кырлежев, 2011: 104).

При этом также возникает особая, новая «зона несекулярной квазирелигиозности», которая не совпадает ни с зоной религии как таковой, т. е. «известных религиозных традиций и инноваций, контрастно связанных с этими традициями», ни с зоной культуры. Это - зона т. н. «духовности», «spirituality» (Кырлежев, 2011: 104). Основная ее черта - синкретическое соединение собственно религиозных и нерелигиозных элементов, в том числе научных и паранаучных. «Постсекулярное никоим образом не означает возвращение старого досекулярного религиозного» (Кырлежев, 2011: 105). В конце секулярной эпохи научный разум обнаружил свои квазирелигиозные претензии и перестал быть таковым, экзистенциальный опыт был выведен из сферы действия научного разума и наряду с научным знанием было легитимизировано знание «вненаучное» (художественное, мифологическое и др., включая религиозное) (Кырлежев, 2011: 105-106). В постсекулярную эпоху «ни секулярное, ни религиозное не доминирует. А потому религиозный разум может вернуться и возвращается в публичное пространство».

Знание об устройстве мира «становится одним из частных, партикулярных дискурсов» (Кырлежев, 2011: 105).

Кырлежев полагает, что «постсекулярная ситуация обнаруживает старую досекулярную истину: нет религии как таковой, которую можно задвинуть в религиозное гетто, религиозное - размыто, рассеяно, диффузно» (Кырлежев, 2011: 105). Представление о религиозном как «определяемом», т. е. о том, что можно «определить» и вытеснить в «особую зону» Кырлежев считает секулярным и приводит эту мысль в своей статье несколько раз. Эти выводы представляются важными, прежде всего, вследствие специфических особюенностей современного общества в России, где еще сохраняются отпечатки государственного атеизма прошлого столетия и продолжает быть определяющим усилившееся с 1990-х гг. влияние процессов, происходящих на Западе.

В публикациях, посвященных проблеме «модернизации» и «традиции», отмечается, что в новом, XXI-м столетии начинает превалировать стремление «реанимировать традиционное многообразие и прийти в модерну, питаемому традицией» (Федорова, 2014: 85). При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что под «традицией» (в том числе под «традиционной религией») в современных исследованиях, как правило, понимается формальная приверженность представителей той или иной культуры или нации привычному образу деятельности и мышления. «Объяснение причин, почему совершается то или иное действие, - пишет, например, Э. Шилзу, - или же сохраняется то или иное поверие, сводится к тому, что “такова традиция”, которая создает мотивацию и стремление действовать определенным образом или верить во что-то... Термин "традиционный" используется для обозначения целых обществ, подверженных относительно медленным переменам, или же обществ, которым присуща тенденция легитимации деятельности через ссылку на то, что она уже имела место в прошлом» (Шилз, 1998: 240).

В подобного рода определениях заложено восприятие современным обществом как нормы того, что в ряде исследований характеризуется как «поверхностная религиозность», «номинальное православие» или «спящие

мусульмане». По всей видимости, феномен «поверхностной религиозности» наблюдался во все времена, среди большей или меньшей части того или иного религиозного сообщества. Но в условиях модерна XXI века (или, как все чаще называют современную эпоху - «третьего модерна», «новое Новое время») (Федорова В. Г., 2008: 424-451) он приобретает, по мнению исследователей, некоторые важные особенности, которые необходимо учитывать при решении вопросов, связанных с предупреждением межрелигиозных и межнациональных конфликтов.

Эти особенности связаны с реакцией человека, *так* (т. е. поверхностно) принадлежащего к традиции на свойственную нашей эпохе обстановку риска и неопределенности. Современная тенденция «реанимировать традиционное многообразие и прийти к модерну, питаемому традицией» (Федорова, 2014: 85) сопровождается условиями жизни «в свободном, малопредсказуемом мире» и необходимостью «строить планы и предпринимать свободные решения без гарантии их позитивного осуществления, в предположении рисков» (Федорова, 2014: 85).

Для сравнения и более рельефного отражения особенностей этой современной ситуации можно привести описание жизни человека «традиции» в российской глубинке столетие назад. Крестьянин жил православным церковным бытом, когда все события и все случаи его жизни, получали освящение молитвой и крестным знамением. Обязательные посты, церковные службы, молитва перед каждым делом «пронизывают насквозь жизнь великоросса, скрепляют ее, делают ее, прежде всего, стройной и размеренной». Человек чувствовал себя «на своем месте, не торопится, а сознание, что он делает дело, которое до него делали сотни поколений, делает его уверенным в себе, степенным и торжественным» (История религии, 1909: 176-177).

Не касаясь, в данном случае, собственно духовных последствий «поверхностной религиозности» (которая, как следует отметить еще раз, имела место во все времена, в том числе и в дореволюционной России, даже среди внешне религиозного крестьянства) можно констатировать, что она, по

крайней мере, оказывала меньшее влияние на возникновение конфликтов, обусловленными различиями в религии, национальности или культуре. Ситуация жизненной неустойчивости заставляет человека искать «точку опоры» и, если он находит ее только во внешних формах какой-либо традиции, то провоцируется их противопоставление столь же внешним формам других традиций. Значение выводов современных исследователей, в данном случае, можно видеть в том, что «неопределенность, открытость, многовариантность, не гарантированность позитивного итога» как главные характеристики эпохи «третьего модерна» (Федорова, 2014: 83) становятся как бы объективными и уже, с этой точки зрения, непреодолимыми условиями новой жизни. И, следовательно, главным средством предупреждение межрелигиозных и межнациональных конфликтов становятся усилия в области второго, способствующего конфликтам фактора - внешней и, по сути, только номинальной принадлежности христиан и мусульман своим традициям. Работа в этой области, конечно, связана, прежде всего, с духовным образованием и реальным приобщением людей к своей религии и культуре. Этому способствует признаваемый исследователями факт, что в XXI веке «сама модернизация нуждается в опоре на традицию» (Паин, 2009: 44).

В данном контексте должны быть приняты во внимание исследования влияния религиозно-мировоззренческого фактора на восприятия внешних и внутренних вызовов и угроз, анализ проблем культурной безопасности в условиях формирования новых «культурных пространств» (Российское общество, 2016: 253-270) и др.

Из работ общего характера, вводящих в суть собственно поставленной проблемы предупреждения межрелигиозных и межнациональных конфликтов, следует упомянуть исследования Л.А. Баширова, Л.Н. Бродовской и В.В. Буравлевой, М.А. Фарапоновой, Р. Шариповой. Свидетельства миссионерского опыта Православия приводятся в работе А.Б. Ефимова и, отчасти, в историческом обзоре Г.В. Матвеевой.

В работах, посвященных общим вопросам

межрелигиозного диалога и профилактики межрелигиозных и межнациональных конфликтов, прежде всего, указывается на необходимость учета специфических особенностей каждого конкретного региона России. Так, например, ведущий научный сотрудник Отдела этнографии Южной и Юго-Западной Азии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН И.Ю. Котин подчеркивает важность количественного соотношения последователей ислама относительно христианского населения. «Территорию Российской Федерации, - пишет он, - можно условно разделить на три типа регионов, в которых вырисовываются три различные модели развития мусульманско-христианского диалога в зависимости от доли мусульман в населении и их роли в местном управлении. Это Поволжье, Северный Кавказ и остальная Россия» (Котин, 2012: 28-55). Из всех этих региональных типов именно Поволжье является регионом исторически сложившегося благоприятного сосуществования представителей христианства и ислама.

Такую точку зрения разделяют многие ученые, посвятившие свои работы обширному кругу тем, но в особенности этот тезис заметен в публикациях специалистов Академии наук Республики Татарстан. Об особенном уважительном отношении к другим культурам со стороны мусульман Поволжья пишет историк Д. Мухетдинов, делая особый акцент на правой школе ислама - мазхабе, распространенном в Поволжье: «Гибкость ханафитского мазхаба, - указывает он, - позволяет непротиворечиво сочетать этнические особенности и принципы исламского вероучения. Удачный пример подобного синтеза дает как раз татарская мусульманская культура» (Мухетдинов, 2015: 57).

В публикациях ученых Российской академии наук подробно разработана концепция уровня гражданской идентичности как основного условия межэтнического и межрелигиозного мира и согласия в России. В частности, академик В.А. Тишков в одной из своих недавних работ отметил необходимость постоянного мониторинга этнической и религиозной жизни и научной проработки зафиксированных результатов: «Нужно изучать, - пишет он, - как традиционную

культуру русского народа, русский язык и русскую словесность, так и культуры и языки других российских народов. Более того, предметом научного интереса должны быть не только российские, но и народы мирового культурного ландшафта» (Тишков, 2019: 408-412).

Отмечается важное значение фактора рецепции двух культур, мусульманской и христианской. В частности, через рецепцию мусульманской ментальности представителями русской культуры делаются попытки выявить социокультурную и психологическую специфики восприятия мусульманской ментальности в России. Это, по мнению автора одного из таких исследований, может минимизировать угрозу межкультурного и межрелигиозного конфликтов (Кожеванова Е.В.). О значимости просветительской работы в этом направлении свидетельствуют исследования в разных областях социальных наук (Кузьмина Е.В.).

В контексте изучения православно-мусульманского взаимодействия в Поволжье отмечается необходимость учета важного для этого региона многолетнего общения мусульман не только с русскими православными, но и с кряшенами. Из исследований в этой области можно отметить статью И.В. Севастьянова, в которой рассматриваются вопросы взаимодействия православного кряшенского мира и татаро-мусульманского. В целом, по мнению этого автора, отношения указанных групп населения не характеризуются каким-либо открытым противостоянием. Хотя и были довольно трагичные случаи конфликтов в новейшее время, автор полагает, что эти события не способны дестабилизировать в целом спокойную межрелигиозную обстановку в Республике Татарстан (Севастьянов, 2017: 345-361).

Достаточно часто в литературе встречаются указания на то, что высокий уровень религиозной нетерпимости проявляется особенно у молодежи. В этой связи представляет интерес информация о мероприятиях, организуемых в рамках проекта студенческих экспедиций Высшей Школы экономики «Открываем Россию заново», о студенческих конференциях, на которых обсуждаются проблемы, связанные с выявлением причин возникновения напряженных отношений между

представителями определенных конфессий: различными религиозными деятелями, богословами, людьми, которые связаны с религиозными проектами или просто гражданами, которые ассоциируют себя с той или иной религией (Итоговая научно-образовательная конференция, 2016: 19-20).

В 2016-2017 гг. был реализован проект «Диалог религий Татарстана: культура сотрудничества и стратегия этноконфессионального взаимодействия». В рамках проекта был сделан обзор истории религий и современной религиозной ситуации в Татарстане, а также были проведены исследования процессов межрелигиозного взаимодействия в республике.

В сборнике, опубликованном по итогам проекта (Диалог религий, 2018), помимо материалов исследований, были представлены интервью одиннадцати экспертов, чья профессиональная деятельность связана с этнокультурной и религиозной составляющей в исследуемом регионе. Отчет по исследованию медиа сферы охватывал двухлетний период - с января 2016 г. по декабрь 2017 г.

В разделе «Опыт изучения межрелигиозного взаимодействия в Татарстане» перечислены общие для России и специфические для Поволжья (и конкретно - для Татарстана) тенденции развития религиозной ситуации. Автор (А.О. Гуськова) сочла возможным говорить об общей возрастающей религиозности россиян, в связи с чем обратила внимание на ставший популярным в научной среде термин «пост-секулярная» эпоха. Возвращение россиян к религии, по мнению автора, в настоящее время уже не есть тенденция, а устоявшееся явление со своими, свойственными ему чертами. Среди таких черт обозначены: степень включенности верующих в культовую практику, «наличие или отсутствие явления поверхностной религиозности населения», характер государственно-конфессиональных отношений, развитие теологии, степень доступности религиозного образования, перспективы обучения в духовных учебных заведениях и др. (Диалог религий…, 2018: 55-56).

При этом, конкретно в республике Татарстан тенденции развития пост-секулярного общества были рассмотрены, в том числе, и со ссылкой на комментарий бывшего руководителя

Центра этносоциологических исследований ИИ РТ Мусиной Розалинды Нуриевной, которая отметила, что, по ее оценкам, среди мусульман в Татарстане все пять столпов ислама выполняют не более 10 процентов, а среди православных постоянно причащаются также не более 10-15 процентов верующих. «Чаще всего, - отметила она, - религиозность проявляется в большей степени в следовании каким-то обрядовым формам» и, прежде всего, - обычаям праздников, что есть «проявление просто этнокультурных традиций, приобщение к этим традициям» (Диалог религий, 2018: 59), а не собственно следствие наличия религиозности как таковой.

В данном исследовании отмеченное Р.Н. Мусиной обстоятельство интересно и важно сопоставить с утверждением специалиста по государственно-конфессиональным отношениям в Татарстане Р.А. Набиева, согласно которому «крупные конфессии республики: ислам и православие выступают в качестве главных субъектов устойчивого развития общества. Традиционные религии в условиях отсутствия их политизации по своей сути всегда проявляют терпимое отношение к чужим религиозным традициям» (Диалог религий, 2018: 56; Набиев, 2014: 219). Представляется допустимым предположить, что «политизации» как раз и может подвергаться то большинство (85-90 процентов) представителей традиционных религий, которое ориентировано, прежде всего, на поверхностную, чисто обрядовую, связанную с этнокультурными традициями, религиозность. Именно в таком случае и возникает потенциальная опасность проявления нетерпимости и межрелигиозных конфликтов. Как следствие, для предотвращения такой опасности требуются усилия по духовному просвещению, способствующему, прежде всего, преодолению явления т. н. «поверхностной» религиозности.

По вопросам религиозного образования и развития теологии в рассмотренном исследовании были выявлены различные мнения представителей экспертного и вузовского сообществ. Но все отметили рост потребности в религиозном образовании и в создании условий для его получения, правда, при наличии проблем с уровнем подготовки преподавателей и с трудоустройством выпускников высших духовных учебных

заведений (Диалог религий, 2018: 61, 68). Отмечено, что в Казанском федеральном университете набор на теологию немного превышает набор на религиоведение и философию; при этом часто среди желающих получить высшее теологическое образование в Университете есть и выпускники Казанской православной духовной семинарии и мусульманский учебных заведений (Диалог религий, 2018: 61).

В приведенных интервью была обозначена проблема получения мусульманами религиозного образования за рубежом. Это связано с опасностью возможного распространения идущих из-за рубежа радикальных идей (Диалог религий, 2018: 66). Отмечено также и мнение, согласно которому такие ограничения «могут негативным образом сказаться на развитии исламской теологии вообще» (Диалог религий, 2018: 66).

В целом, наряду с констатацией наличия и сохранения в современных условиях долговременного опыта добрососедских отношений Православия и Ислама в Татарстане, данное исследование выявило и некоторые тревожные моменты, которые могут стать очагами напряженности. Так, например, в некоторых случаях опросы выявляли негативное отношение к тому, что воспринимается как усиление миссионерской деятельности «некоторых служителей Русской Православной Церкви», а по отношению к мусульманам - укрепление «идей первичности религиозной идентичности» (Диалог религий, 2018: 67), т. е., фактически, возведение в норму такой установки, когда каждый татарин по национальности не может и не должен быть православным христианином. С этим, как можно видеть из данного исследования, напрямую связано недовольство «введением нормы необязательного изучения татарского языка в школах» и опасения нивелирования особенностей татарской культуры. Именно в связи с такими недовольствами и опасениями связаны требования сохранения в республике «высокого статуса ислама, как одного из атрибутов татарской идентичности» (Диалог религий, 2018: 67-68).

Важным выводом данного исследования является подтверждение *исторической специфики* в целом налаженного и благожелательного межрелигиозного взаимодействия в

республике Татарстан. Вследствие этого авторы исследования признали, что данный опыт межрелигиозного добрососедства «трудно экстраполировать на другие регионы России». Но и здесь, в Татарстане, остается актуальной опасность, связанная с возможным деструктивным внешним воздействием, а также вследствие некоторых аспектов внутренней политики в Татарстане (языковая политика, некоторые жесткие действия на местах «силовых структур по отношению к отечественным духовным деятелям» (Диалог религий, 2018: 67).

По итогам проекта была отмечена необходимость дальнейших исследований региональной специфики межрелигиозного взаимодействия, поскольку «особенности исповедания религий» в самой Казани и в других частях региона (в малых городах, селах и деревнях) имеют свои различия (Диалог религий, 2018: 68).

Данная проблема, т. е. наличие феномена «поверхностной» религиозности, конечно, не является специфической только для конца XX - начала XXI вв. и только для России. Можно указать, например, на работы русских религиозных философов более чем столетней давности, которые, фактически, фиксировали ту же проблему, существовавшую в России до 1917 г. В ситуации современной Европы, в частности, французскими исследователями, раскрывается тенденция образования «минимального кредо» как у христиан, так и у мусульман, когда последователям христианской религии весьма слабо знакомы даже элементарные основы учения о Христе, а мусульманам очень приблизительно известны отличительные особенности той веры, которую они считают своей (Руа, 2017: 359-363).

Практически то же самое наблюдается в современном постсекулярном обществе в России, где, по результатам полевых исследованиях в городах даже Московского региона констатируется преобладание верующих, чья религиозность связана лишь с культурной традицией. Исследователи называют это феноменом «спящих православных» или «номинальных мусульман» (Гуськова, 2017: 191-205) и подчеркивают связь ослабления веры в «потустороннее» со смещением акцента на внешние признаки религиозности - соблюдение обрядов,

выставление напоказ религиозных символов, которые воспринимаются лишь как маркеры, отделяющие «своих» от «чужих». В такой ситуации место собственно богословских дискуссий занимают споры вокруг «зримых маркеров религиозности», которые по преимуществу и приводят к межрелигиозным конфликтам (Лункин, 2017: 40-50).

Эти выводы подтверждают наблюдение, согласно которому сама по себе религиозность, сколь бы глубокой она ни была, еще не означает непримиримости, тогда как, напротив, яростная непримиримость может сочетаться с весьма поверхностной религиозностью, а то и с фактическим ее отсутствием (Ламан, 2017: 301-313).

Проблема «номинальных мусульман», судя по материалам аналитической литературы, наиболее сложна для решения в Татарстане, где за время советского периода практически «не осталось религиозных авторитетов, которые могли бы повести мусульман за собой. Пожилые татары - вчерашние комсомольцы и коммунисты - не смогли перехватить эстафету в силу своей религиозной неграмотности» (Ахунов, 2017: 69). Молодое же поколение для получения религиозного образования, начиная с 1992 года, стало выезжать за рубеж, по преимуществу, в Саудовскую Аравию, Египет, Турцию и Малайзию (Ахунов, 2017: 74-75). Но характер и содержание этого образования, по признанию ряда мусульманских лидеров и представителей республиканской власти, существенно отличались от традиционных и соответствовали не исторически сложившемуся в Татарстане толерантному исламу, а различным экстремистским течениям (Ахунов, 2017: 77-78).

В настоящее время, после всех споров, принято компромиссное решение, по которому получение образования за рубежом возможно (не запрещается), но ему должно обязательно предшествовать обучение в местных исламских вузах и медресе. По замыслу инициаторов этого компромисса, это должно дать обучающемуся «прививку от экстремизма», на который они могут быть ориентированы в ходе обучения за рубежом (Ахунов, 2017: 79).

Особый интерес представляют исследования Ю.Ю. Синелиной, которая, в частности, достаточно хорошо

показала некорректность определения уровня религиозности по ответам опрашиваемых относительно знания ими религиозных догматов. Религиозный человек может еще только находиться на пути их открытия для себя и изучения (постижения), а на соответствующие вопросы откровенно говорить о своем не знании (Синелина, 2001: 93).

Почти в каждой своей работе данный автор обращала внимание на то, что знание религии самими проводящими опросы и исследования социологами оставляет желать лучшего. Например, веру в реальность магии и колдовства они относили к фактору, не совместимому с православной (или мусульманской) религиозностью (Синелина, 2005: 96). Вместе с тем, нельзя не отметить, что и сама Синелина, с точки зрения не секулярного, а религиозного взгляда на проблему, допускала определенные ошибки. Так, в проводимых ею в некоторых опросах (Синелина, 2009: 94) имело место такое разделение ценностей на «религиозные» и другие (т. е., очевидно, «не религиозные»), в которых к «религиозным» относились только отношения человека с Богом. Это явно некорректно, т. к., по крайне мере, для православных религиозных людей ценность человека и отношений с людьми (а не только с Богом) имеют также и религиозное значение.

Но, вместе с тем, важным выводом сравнительного исследования религиозного поведения и ценностных ориентаций православных и мусульман представляется утверждение Ю. Синелиной о том, что «религиозные ценности православных и мусульман не так уж далеки друг от друга, как это принято считать» (Синелина, 2009: 94). Этим, фактически, опровергается ошибочное мнение о неизбежности «цивилизационного конфликта» между ними (Синелина, 2009: 89).

До сих пор, как представляется, не потеряло своего значения исследование, проведенное Синелиной в Ярославле и Ярославской области в 2003 году, где (так же, как и в целом по России в начале XXI в.) был отмечен феномен превышения количества респондентов, называющих себя «православными» над количеством тех, кто называли себя «верующими». Синелина связала это обстоятельство с наличием определенной части населения, которая под своим «православием» понимает

лишь свою культурную идентификацию (Синелина, 2013: 106). Тогда Синелина пришла к выводу, что «православие как культурная самоидентификация свойственна больше жителям крупных городов» (Ярославль, Углич), чем сельской местности (Синелина, 2013: 106).

Представляют определенный интерес предложения Синелиной по определению уровня «церковности» или воцерковленности респондентов. «Чтобы объективно оценить близость человека к Церкви, - пишет она, - необходимо знать, насколько с ней связана его жизнь. Предлагается пять показателей воцерковленности образа жизни, измеряющихся по пятибальной шкале: посещение храма; исповедь и причащение; чтение Евангелия; молитва; соблюдение постов» (Синелина, 2005: 96). При этом социолог отмечает, что «исповедь и причастие явяются все же важнейшим показателем» (Синелина, 2005: 100).

По поводу отношения к магии и колдовству (а также экстрасенсам, астрологии, неоязычеству и т. д.) Синелина предложила использовать вопросы не «верю-не верю», а «практикую» или «не практикую» (варианты могут быть связаны с пользованием услугами гадающих, колдунов и др.) (Синелина, 2005: 97). В исследовании по Ярославскому региону в 2003 г. автор пришла к некоторым парадоксальным выводам, в частности: «чем выше уровень воцерковленности, тем активнее человек интересуется гаданием» и «наиболее суеверное поведение демонстрируют группы “воцерковленных” и “начинающих”» (Синелина, 2005: 103). Данные выводы, в числе прочего, могут свидетельствовать о том, что критерии «воцерковленнсоти» в подобных исследованиях еще нуждаются в корректировке и уточнении.

Отмечая, что «уровень образования практически не сказывается на доле активных суеверных в группе» (Синелина, 2005: 105), автор имела в виду обычное, светское, а не духовное образование. Это достаточно важно, поскольку отсутствие учета уровня (или наличия) духовного образования опрашиваемых в данных методиках представляет собой определенный пробел. Выявленное в ходе исследования обстоятельство, когда «процесс воцерковления более активно идет в городах, а не в

сельских районах» Синелина объяснила тем, что «в сельских районах лучше сохраняются традиционные магические практики», именно «традиционные», а не связанные с New age (Синелина, 2005: 107).

Результаты исследования динамики изменения религиозной ситуации и религиозности россиян показали, что с 2004 по 2011 гг. тенденция роста уровня религиозности сохранялась, но, по мнению ряда социологов, потенциал этого роста, имеющего экстенсивный характер, был близок к исчерпанию (Синелина, 2013: 104). Исходя из опыта своих исследований, Ю. Синелина планировала продолжить анализировать религиозное сознание и поведениегруппы «православных» включая в нее только тех, кто называет себя «верующими». Остальных «православных» предлагалось рассматривать как группу не религиозной, а только культурной идентификации (Синелина, 2013: 107). Но, к сожалению, эти планы не были реализованы в связи с ее трагической гибелью в 2013 г. Итоговая работа Ю. Синелиной «Динамика религиозности россиян (1989-2012)» была представлена на конференции, посвященной ее памяти, в сентябре 2013 г. (Социология религии в обществе Позднего Модерна (памяти Ю.Ю. Синелиной), Белгород, 13 сентября 2013 г.).

Как представляется, одним из главных результатов уже проведенных исследований в контексте данной темы является вывод , согласно которому сама по себе религиозность, сколь бы глубокой она ни была, не означает непримиримости, тогда как, напротив, яростная непримиримость может сочетаться с весьма поверхностной религиозностью, а то и с фактическим ее отсутствием. В постсекулярном обществе имеет место смещение акцента на внешние признаки религиозности - соблюдение обрядов, выставление напоказ религиозных символов, которые воспринимаются лишь как маркеры, отделяющие «своих» от «чужих». В такой ситуации место собственно богословских дискуссий занимают споры вокруг «зримых маркеров религиозности», которые по преимуществу и приводят к межрелигиозным конфликтам.

Для рассматриваемых регионов характерно наличие определенной части населения, которая под своим

«православием» или под «мусульманством» понимает лишь свою культурную идентификацию. При рассмотрении случаев достаточно глубокой религиозности выявляется, что «религиозные ценности православных и мусульман не так уж далеки друг от друга, как это принято считать». Этим, фактически, опровергается ошибочное мнение о неизбежности «цивилизационного конфликта» между ними.

Также в этой связи необходимо отметить определенный пробел в использованных методиках исследований, который заключается в отсутствии учета уровня (или наличия) духовного образования опрашиваемых.

ЛИТЕРАТУРА

Ахунов А. Государство и ислам: особенности существования в постсоветском Татарстане. - В кн.: Религии и радикализм в постсекулярном мире. Под. ред. Е.И. Филипповой и Ж. Радвани. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия - Телеком. 330 с.

Баширов Л.А. 2011. Исламо-православный диалог как фактор гармонизации межрелигиозных отношений в России. - Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2: 231-244.

Бродовская Л.Н., Буравлева В.В. 2016. Межкультурное взаимодействие в полиэтническом регионе Поволжья: от XIX к XXI веку. - Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2: 80-84.

Гуськова А. Христиане и мусульмане в городах Подмосковья. - В кн.: Религии и радикализм в постсекулярном мире. Под. ред. Е.И. Филипповой и Ж. Радвани. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия - Телеком. 330 с.

Диалог религий Татарстана: культура сотрудничества и стратегия этноконфессионального взаимодействия. Сборник материалов грантового проекта. Редакторы Гуськова А.О., Костылев П.Н. М., 2018. 166 с.

Ефимов А.Б. 2007. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М.: Изд-во ПСТГУ. 688 с.

История религии. М.: Книгоиздательство «Польза», В. Антик и Ко. 1909. 250 с.

Итоговая научно-образовательная конференцмя студентов Казанского федерального университета. Казань, 2016.

Кожеванова Е.В. 2007. Рецепция мусульманской ментальности в русской / советской культуре XX века. Дис. … кандидат культурологии: 24.00.01. Ярославль. 149 с.

Котин И. 2012. Ислам в России и перспективы мусульманско-христианского диалога. - Россия и мусульманский мир. 8: 28-55.

Кузьмина Е.В. 2014. Посредническая миссия российской теологии в диалоге православия и ислама. - В сб.: Актуальная теология: материалы Всероссийской молодежной научно-практической конференции (Омск, 30 мая 2014 г.). Отв. редактор Е.В. Кузьмина. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. 131-136.

Культурная безопасность в условиях гетеротопии. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2017. 356 с.

Кырлежев А. 2011. Постсекулярное: краткая интерпретация. - Логос. 3 (82): 100-106.

Ламин Анн-Софи. 2017. Вера-идентичность, вера-убежденность и радикализм: опыт социологического анализа. - В кн.: Религии и радикализм в постсекулярном мире. Под. ред. Е.И. Филипповой и Ж. Радвани. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия - Телеком. 330 с.

Лункин Р. 2017. Кризис религиозного сознания в России: противоречия «православной государственности». - В кн.: Религии и радикализм в постсекулярном мире. Под. ред. Е.И. Филипповой и Ж. Радвани. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия - Телеком. 330 с.

Матвеева Г.В. 2013. История православного миссионерства в Казанском регионе: основные вехи. - В сб.: Жизнь провинции: Материалы и исследования. Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием «Жизнь провинции как феномен духовности» 15-17 ноября 2012 г. Нижний Новгород: издательство «Дятловы горы».

Мухетдинов Д.В. 2015. Российское мусульманство: призыв к осмыслению и контекстуализации. - Россия и мусульманский мир. 6 (276): 32-70.

Набиев Р.А. Власть и религиозное возрождение. Серия «Культура и общество». Вып. 24. Казань: Казанский университет, 2014. 304 с.

Паин Э.А. 2009. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов. - Общественные науки и современность. 6: 37-54.

Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая. Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: издательство «Весь Мир», 2016. 427 с.

Руа О. 2017. Французские радикалы, - кто они? - В кн.: Религии и радикализм в постсекулярном мире. Под. ред. Е.И. Филипповой и Ж. Радвани. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия - Телеком. 330 с.

Севастьянов И.В. 2017. Кряшены Татарстана: религия и проблема этнического самоопределения. - Проблемы истории, филологии, культуры. 4: 354-361.

Синелина Ю.Ю. 2001. О критериях определения религиозности населения. - Социологические исследования. 7: 89-96.

Синелина Ю.Ю. 2005. Воцерковленность и суеверное поведение жителей Ярославской области. - Социологические исследования. 3: 96-107.

Синелина Ю.Ю. 2009. Православные и мусульмане: сравнительный анализ религиозного поведения и ценностных ориентаций. - Социологические исследования. 4: 89-95.

Синелина Ю.Ю. 2013. Динамика религиозности россиян (1989-2012). - В сб.: Социология религии в обществе Позднего Модерна (памяти Ю. Ю. Синелиной): Материалы Третьей Международной научной конференции. НИУ «БелГУ», 13 сентября 2013 г. Белгород.

Синелина Ю.Ю. 2013. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах его изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман). - Социологические исследования. № 10 (354): 104-115.

Тишков В.А. 2019. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы. - Вестник Российской академии наук. 89 (4): 408-412.

Фарапонова М.А. 2015. Православно-исламский диалог в современной России: основания и возможности. - Гуманитарные и социальные науки. 1: 141-150.

Федорова В.Г. 2014. Модернизация и традиция. - Знание. Понимание. Умение. 2: 80-91.

Федорова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. 2008. Глобальный капитализм: три великие трансформации: (социально-филос. анализ взаимоотношений экономики и общества). М.: Культурная Революция. 607 с.

Хабермас Ю. 2002. Вера и знание. - В кн.: Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Издательство «Весь Мир». 144 с.

Шарипова Р. 2010. Мусульмане в межконфессиональном диалоге (конец XX - начало XXI в). - Россия и мусульманский мир. 5: 174-182.

Шилз Э. 1998. О содержании термина «традиция» - В кн.: Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия. Учеб. пособие для студентов вузов. Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М.: Аспект-Пресс, 556 с.

Якушенков С.Н. 2016. Специфика гетеротопий и проблема культурной безопасности. - Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 31: 5.

Получена / Received: 05.09.2020
Принята / Accepted: 29.09.2020

Humanity space *International almanac* VOL. 9, No 4, 2020: 520-528

DOI: 10.24412/2226-0773-2020-4-520-528

Из истории отношений православия и ислама в России*

А.М. Смулов

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
127051, Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1
Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities
Likhov lane, 6, build. 1, Moscow 127051 Russia
e-mail: jeger@bk.ru

Ключевые слова: православие, ислам, Россия, многонациональность, многоконфессиональность, конфликт, Русская Православная Церковь, Петр I.
Key words: Orthodoxy, Islam, Russia, multi-ethnic, multi-confessional, conflict, Russian Orthodox Church, Peter I.
Резюме: В работе показывается глобализация проблемы конфликтности в многонациональных и многоконфессиональных странах. Раскрывается краткая история отношений православия и ислама в России, специфика оценок этих отношений, связанная с принадлежностью исследователей к одной из двух религий. Опровергается точка зрения, что период правления Петра I был временем наиболее тяжкого угнетения мусульман, и показывается суть позиции императора в отношении всех религий, определяемая их вкладом в укрепление государственной власти.
Abstract: The paper shows the globalization of the problem of conflict in multinational and multi-confessional countries. A brief history of the relations between Orthodoxy and Islam in Russia is revealed, as well as the specifics of evaluating these relations related to the researchers ' belonging to one of the two religions. The author refutes the point of view that the reign of Peter I was the time of the most severe oppression of Muslims, and shows the essence of the Emperor's position in relation to all religions, determined by their contribution to the strengthening of state power.
[**Smulov A.M.** From the history of relations between Christian Orthodoxy and Islam in Russia*]

В многонациональных и многоконфессиональных государствах на всем периоде их существования возникали и возникают те или иные обострения в общественных и межличностных отношениях. Причинами этих конфликтов могут быть определены самые разные обстоятельства или их

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества № 19-1-022083.
The article was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for the development of civil society No. 19-1-022083.

стечения: притеснения со стороны властей и конфронтация интересов разных слоев населения, проводимые недобросовестные социальная, финансово-экономическая и налоговая политики и реформы, принудительное переселение народов или неуправляемая их миграция, экологические проблемы и проч.

Существовали подобные проблемы и в истории России до 1917 г. Например: переселение русских людей в Казань и Поволжье, «соляной» и «медный» бунты, восстания под предводительством Степана Разина, Салавата Юлаева и другие, кульминацией нестроений стали революции 1917 г. с последующей гражданской войной.

Вместе с тем, следует признать, что преобладающей и цементирующей Русь, Россию, Российскую Империю основой явилось Православие и Русская Православная Церковь, с первых дней ее существования.

После массированных репрессий большевистских властей направленных на уничтожению РПЦ и ее лучших представителей, государственная система потеряла духовно-нравственный стержень, что привело к возрастанию числа и остроты конфликтов на межнациональной и межрелигиозной почвах, особенно в конце советского и в начальный постсоветский периоды. Приведем лишь наиболее известные из них: Нагорный Карабах (с 1980 г.), Приднестровье (с 1990 г.), Ингушетия и Северная Осетия (с 1992 г.), Таджикистан (1992-1997), Южная Осетия и Грузия (1990-1992), Абхазия (1980-2008), Россия и Грузия (с 2008 г.) и др. Часть конфликтов урегулирована на уровне властных структур, часть продолжает «тлеть» без явно видимых (пока) признаков (Локальные конфликты...).

Конкретными причинами, среди прочих, могут быть указаны следующие этническо-религиозные противоречия между: русскоязычным и коренным населением; русским и «лицами кавказской национальности» (в исторически славянских республиках); представителями, так называемой «титульной нации» и остальными народами населяющими данные территории (включая внутренние противоречия автономных административных образований)

(Межнациональные конфликты...).

Конфликты на межнациональной и межконфессиональной почвах (в рамках нескольких или одной религиозной веры) происходили и происходят не только в России, но и во многих других странах.

Многовековой конфликт шиитского Ирана и суннитской Саудовской Аравии продолжается уже почти 1300 лет.

Высокоразвитая Германия, входящая в число наиболее обеспеченные стран «золотого миллиарда», в последние десятилетия наплыва «гастарбайтеров» стала территорией этнических и религиозных конфликтов. В 2016 г. наместник монастыря Св Георгия (РПЦ - Московский Патриархат) игумен Даниил (Ирбитс) вынужденно обратился с письмом к Федеральному министру Германии по особым поручениям, указав, на то, что в приемных лагерях для беженцев христиане и езиды подвергаются жестким притеснениями со стороны находящихся в тех же лагерях мусульман. Особому угнетению тут подвергаются бывшие приверженцы ислама, принявшие христианство.

Ранее на подобную тему, относительно антисемитизма в оношении евреев, говорил председатель Центрального совета евреев в Германии Й. Шустер на встрече с канцлером ФРГ А. Меркель (Дебрер С.).

Религиозные войны (между католиками и протестантами - гугенотами) были характерны для Франции с XVI в. На сегодняшний день подавляющее большинство (83-88%) населения страны - католики, мусульман (по оценочным данным) - 5-10%, протестантов - ок. 2%, иудеев - ок. 1%, вне религий определяют себя до 4% граждан.

С 2004 г. в стране возникла новая религиозная напряженность из-за притока значительного числа иммигрантов-мусульман и принятия закона о запрещении ношения религиозных символов в образовательных учреждениях, что вызвало протесты представителей ислама (Франция...).

В 2005 и 2007 гг. это вызвало крупные массовые беспорядки, продолжающиеся отчасти до сегодняшнего дня. Авторы некоторых публикаций указывают, что «началась

очередная Великая Французская революция. На этот раз - исламская». При этом указывается, что конкретный повод для волнений уже не имеет значения (Халдей А.).

Наиболее остро рассматриваемые конфликты проявляются ныне и в США. Конфликты выражаются в террористических актах на территории страны, являющих острое противоречие между исламскими традициями и реалиями жизни Соединенных Штатов. Самый трагический такой случай произошел 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, унесший жизни, по разным оценкам, от 3000 и более чел.

Таким образом, вопрос, поднимаемый в рамках сегодняшней конференции, актуален не только для Российской Федерации и ее истории, но выходит на глобальный уровень.

Тем не менее, вернемся к российской истории и обратимся к краткой исторической справке отношений православия и ислама.

В монгольский период (примерно 1240-1400 гг.), религиозные отношения двух вероисповедании изменялись от почти полной веротерпимости татаро-монгольской власти (что было основано на духовном завещании Чингизхана) до весьма острого противостояния православия и ислама, после принятия Ордой последнего. Так, если в 1261 г. на территории Орды была основана Сарайская епархия, а русская православная часовня была построена в десятках метров от ханского шатра, то в годы окончания периода никакой речи о публичном исповедании и совершении православных Таинств и обрядов уже практически идти не могло.

Со взятием царем Иваном IV Грозным Казани в 1552 г. ситуация несколько меняется на обратную и продолжается примерно до 1727 г. После взятия Казани, по указу царя, в эти края начинается переселение русских православных людей. Правда, их согласия никто не спрашивал. Дальше идет присоединение Ногайской Орды, Астраханского ханства, а в 1582 г. и завоевание ханства Сибирского. Идет расширение государства вплоть до Тихого океана, при котором в состав православного государства на разных условиях включаются десятки мусульманских народов.

Период правления Петра I, вплоть до правления

Екатерины II, оценивается в отношениях магометан и православных как период сложный. Оценки этого периода во многом зависят от точек зрения сторон на происходящие события. Как правило, эти точки зрения существенно разнятся.

Начиная с примерно 1800 г. религиозная жизнь в Российской империи, касается ли это православных верующих, или мусульман, или буддистов и других вероисповеданий, значительно оживляется. В частности, исламу удается существенно усилить свои позиции в Казани, Поволжье в целом, и в Сибири. Множество старокрещеных татар возвращаются в ислам, к ним присоединяются и другие народности (в частности, мордва, чуваши и др.).

Этот период характеризуется практическим воплощением в жизнь принципов создания иноверческих школ, продуманных и внедряемых проф. Н.И. Ильминским, сначала в Казани, а затем и повсеместно. Основными позициями в данном процессе определялись: приоритет национального языка над языком русским, исповедание православной веры и просвещение инородцев представителями их народностей.

Вот, что отмечает исламовед Э.Р. Кулиев:

1. мусульманским купцам предоставлялись льготы на торговлю;

2. мусульмане широко привлекались на военную службу, были введены, оплачиваемые государством, должности духовных воспитателей воинов, исповедующих ислам - муллы, ахунды и муэззины;

3. воинские награды Российской империи были специально адаптированы для вручения мусульманам.

Правда, тот же автор замечает, что позднее царское правительство отменило право татар, исповедующих ислам, на предпринимательскую деятельность и владение недвижимостью в ряде областей страны (главным образом - в Средней Азии).

Сами представители ислама расходились в оценках, так известна дискуссия между джадидизмом и кадимизмом о реформировании системы мусульманского образования. Тем не менее, если в 1894 г. только в одном Казанском учебном округе действовали 1474 мектеба и медресе, то уже к 1911 г. их число выросло на 25% и достигло 1822-х учебных заведений, то есть

ежегодно в среднем открывалось 20 новых.

Кулиев Э.Р. отмечает: «… по качеству учебных планов не уступали классическим гимназиям, отличаясь от последних только тем, что отдавали предпочтение арабскому и персидскому языкам перед латынью и греческим». Если во второй половине XIX в. на языках народов ислама было издано свыше 3 тыс. изданий общим тиражом в 27 млн. экз., то только за 17 лет начала XX в. (до 1917 г.) в свет вышли книги 6,2 тыс. наименований, общим тиражом около 47 млн. экз. Издавалось до 100 наименований исламских журналов и газет.

Советский период был непрост и для православных и для мусульман. Но, вот точка зрения председателя Национальной организации русских мусульман Сидорова Х.: «… на протяжении всей своей истории российское государство вело и ведет непрекращающуюся борьбу с исламом на своей территории в формах от откровенного геноцида до «мягкой» дискриминации», а советский этап - «обрывает … развитие и отбрасывает мусульман России-СССР к самым мрачным временам тотального искоренения Ислама».

В трудах этого автора наблюдается некоторое искажение исторических фактов, или свободное их альтернативное толкование, гиперболизация степени угнетения мусульман при опущении подобных оценок для других религий.

Как уже упоминалось оценка истории отношений ислама и православия во многом зависит от позиции и вероисповедания автора. Это могут быть негативные оценки событий по стороны представителей ислама в части миссионерских деяний Русской Православной Церкви. Одновременно, негативные оценки деятельности представителей ислама со стороны православных верующих. Равно как и положительные оценки деятельности представителей своей веры. Следует отметить, что со стороны части авторов, исповедующих ислам, отмечается достаточно положительные оценки целого ряда исторических событий во взаимодействии с Православием и православным государством. Пример тому приводился выше.

Что касается представителей атеизма, то здесь оценочные суждения носят, за редчайшим исключением, негативный и весьма категоричный идеологический (партийный) характер,

вне зависимости от того о какой именно религии идет речь.

Остановимся несколько более подробно на периоде царствования Петра I, поскольку представители ислама характеризуют его как период наиболее тяжкого преследования этой религии.

У главы православной империи было специфическое отношение к религиям. Он представлял и проводил в жизнь интересы государственной религии только в той степени, в которой они не противоречили его собственным представлениям о государственных интересах. Естественно, что такая точка зрения распространялась и на все другие религии, представленные в империи. Таким образом, вся деятельность православного царя была направлена на подчинение Церкви и всех религий интересам государства.

Известный историк Церкви Смолич И.К. (1996) отмечал, что Петр I признавал лишь этико-нравственное содержание и воздействие религий на общество, ему было безразлично какому богу поклонялся его подданный, лишь бы он не был атеистом. Атеизм признавался угрозой благосостоянию государства, но важен был лишь сам факт какой-либо веры.

В отношении к исламу, по мнению автора Литвинова П.П. император применял методы «приглашающие» к переходу из ислама в христианство. Частным примером служит «Устав морской» от 1720 г., где говорилось: «… офицеры и прочие, которые в нашем флоте служат, да любят друг друга верно, как христианину надлежит без разности какой веры или народа будут», а «Табель о рангах» «приглашал» мусульман к продвижению по линии государственной службы до чинов весьма значительных. С 1708 г. приглашались-продвигались также предприимчивые ремесленники и торговцы из числа мусульман (Каримова З.).

С другой стороны, успехи в карьере и коммерции имели мусульмане лично преданные царю.

При этом заметим, что, по мнению исследователя Муфтахутдиновой Д.Ш. (2018), ряд ограничений был введен еще до Петра I. Например, запрет на занятия кузнечным и ювелирным делами. А пик насилия на ислам признается в 1741-1755 гг. при царствовании императрицы Елизаветы Петровны

(†1762), то есть примерно через четверть века после кончины Петра I в 1725 г.

Характерно, что основы отечественного исламоведения также были заложены в период правления Петра I.

Краткое время сообщения не предоставляет возможности изложения предоставления детального исследования проблемы отношений ислама и православия, но позволяет сделать некоторые обобщающие выводы:

1. Вопрос, поднимаемый в рамках сегодняшней конференции, актуален не только для Российской Федерации и ее истории, но выходит на глобальный уровень.

2. Оценка исторической специфики отношений православия и ислама во многом зависит от позиции и вероисповедания автора. Как правило, это весьма категоричные суждения. Вместе с тем, ряд авторов стараются придерживаться взвешенных оценок, имеющих зачастую непоследовательный и неоднозначный характер действий представителей двух рассматриваемых вероисповеданий.

3. Выставление акцента на самые тяжкие преследовании мусульман при Петре I не выдерживает критики, поскольку явления, признаваемые представителями ислама, как сверхнегативные, начались задолго до правления Петра Великого, а их контрапункт пришелся на правление императрицы Елизаветы Петровны, а именно на 1741-1755 гг.

4. Что же касается собственно деяний Петра Великого в отношении религий, то эти деяния определялись вне зависимости от вероисповедания, но исключительно личными представлениями императора о пользе религий в деле укрепления государства и, как следствие - императорской власти.

ЛИТЕРАТУРА

Дебрер С. Германия становится ареной религиозных войн. Сайт «Центр Льва Гумилева». [Электронный вариант] - URL: https://www.gumilev-center.ru/germaniya-stanovitsya-arenojj-religioznykh-vojjn/ [28.05.2020].

Каримова З. Мусульманство при Петре I. Сайт «Mail.ru@ответы». [Электронный вариант] - URL: https://otvet.mail.ru/question/204749148 [28.05.2020].

Кулиев Э. 2008. Исламоведение. - М.: Изд-во Моск. исламского ун-та. Сайт

«Электронная библиотека RoyalLib.com». [Электронный вариант] - URL: https://royallib.com/book/kuliev_e/islamovedenie.html [28.05.2020].

Локальные конфликты на территории бывшего СССР и РФ. Сайт «UA Place». [Электронный вариант] - URL: http://uaplace.com/istoriya/lokalnye-konflikty-na-territorii-byvshego-sssr-i-rf.html [28.05.2020].

Межнациональные конфликты в СССР. Сайт «Живой журнал». [Электронный вариант] - URL: https://valkim.livejournal.com/25390.html [28.05.2020].

Муфтахутдинова Д.Ш. 2018. Эволюция конфессиональной политики Российского государства по отношению к мусульманам Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI - начало XX в.). - Казань, Рос. ислам. инст. [Электронный текст] Сайт «Znanium.com». [Электронный вариант] - URL: https://znanium.com/catalog/document?id=339756 [28.05.2020].

Сидоров Х. Тысячу лет вместе и порознь. Сайт «Русская планета». [Электронный вариант] - URL: https://rusplt.ru/society/tyisyachu-let-vmeste-i-porozn.html [28.05.2020].

Смолич И.К. 1996. История Русской Церкви. 1700-1917 гг. - М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. [Электронный текст] Сайт «Электронная библиотека RoyalLib.com». [Электронный вариант] - URL: https://royallib.com/book/smolich_igor/istoriya_russkoy_tserkvi_17001917_gg.html [28.05.2020].

Франция. Религия и государство, роль религии в политике. Сайт «Политический атлас современности». [Электронный вариант] - URL: http://www.hyno.ru/tom1/1744.html [28.05.2020].

Халдей А. Бессмысленный бунт или очередная Великая французская революция? Сайт «Информационное агентство «News Front». [Электронный вариант] - URL: https://news-front.info/2018/12/16/bessmyslennyj-bunt-ili-ocherednaya-velikaya-frantsuzskaya-revolyutsiya/ [28.05.2020].

Получена / Received: 07.09.2020
Принята / Accepted: 29.09.2020

О ЖУРНАЛЕ

Гуманитарное пространство (Гуманитарное пространство. Международный альманах = Humanity space. International almanac) издается с 2012 года. Публикует статьи, являющиеся результатом научных исследований. К печати принимаются оригинальные исследования, содержащие новые, ранее не публиковавшиеся результаты, обзоры, аналитические и концептуальные разработки по конкретным проблемам гуманитарных, и естественнонаучных наук.

Издание зарегистрировано в Международном Центре ISSN в Париже (идентификационный номер печатной версии: ISSN 2226-0773).

Выходит 4 номера в год, а так же дополнения в виде приложения к журналу.

Альманах представлен во многих базах данных и каталогах: Zoological Record, ZooBank, EBSCO, ERIH PLUS, Genamics JournalSeek, Google Scholar, Интеллектуальная система тематического исследования наукометрических данных (ИСТИНА), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), КиберЛенинкаи (Cyberleninka) и др.

В связи с Федеральным законом от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов», экземпляры сдаются в «Российскую книжную палату / филиал ИТАР-ТАСС». Один экземпляр, остается в «РКП / филиал ИТАР-ТАСС», который является единственным источником Государственной регистрации отечественных произведений печати и отражения их в государственных библиографических указателях.

Издание поступает в основные фондодержатели РФ, перечень которых утвержден в законодательном порядке в соответствии с приказом Министерства культуры Российской Федерации от 29 сентября 2009 г. № 675 г. Москва «Об утверждении перечней библиотечно-информационных организаций, получающих обязательный федеральный экземпляр документов».

Осуществляется дополнительная адресная рассылка по территории РФ и Зарубежью.

ABOUT THE JOURNAL

Humanity space (Гуманитарное пространство. Международный альманах = Humanity space. International almanac) has been published since 2012. In it there are published the articles that are the scientific researches' results. Texts could be original research, containing new, previously unpublished results, surveys, analytical and conceptual manuscripts on specific issues of the humanities, natural and medical sciences.

Publication is registered in the ISSN International Centre in Paris (identification number printed version: ISSN 2226-0773).

The journal is published 4 issues per year, as well as additions to an annex to the journal.

Almanac is presented in many databases and directories: Zoological Record, ZooBank, EBSCO, ERIH PLUS, Genamics JournalSeek, Google Scholar, Intellectual System of the Thematic Research of Scientific Metric Data (ISTINA), Russian Science Citation Index (RSCI), Cyberleninka etc.

In connection with the Federal Law of December 29, 1994 No 77-FZ "On Obligatory Copy of Documents", copies shall be in "Russian Book Chamber / Branch ITAR-TASS". One copy remains in "Russian Book Chamber / Branch ITAR-TASS" which is the only source of state registration of Russian printed publications, and their reflection in the state bibliographies.

The publication goes to major holders of the Russian Federation, the list of which is approved by law in accordance with the order of the Ministry of Culture of the Russian Federation dated 29 September 2009 Moscow No 675 "On approval of the lists of library and information organizations receiving federal mandatory copy of the documents".

It is performed additional mailing in the Russian Federation and abroad.

Содержание // Contents

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PEDAGOGICAL SCIENCES

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PSYCHOLOGICAL SCIENCES

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHICAL SCIENCES